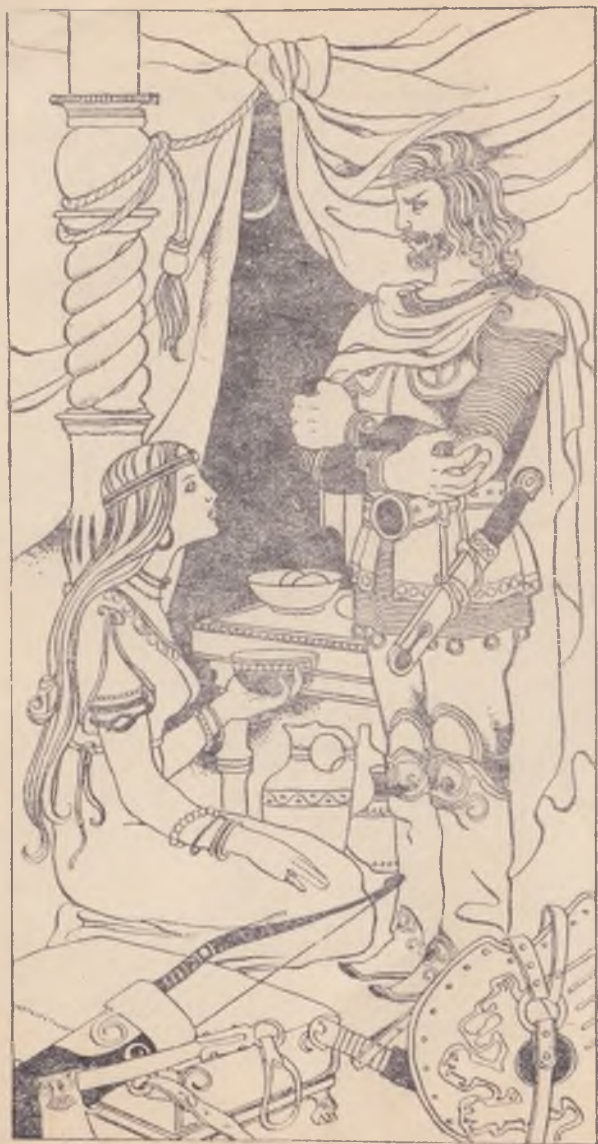

Исфандияр КЛЯТВА

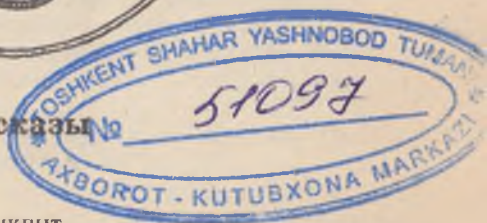

Исфандияр

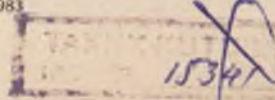
Рассказы №

ТАШКЕНТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ИМЕНИ ГАФУРА ГУЛЯМА

1983

Р
И 91

Рецензент — кандидат исторических наук
Н. НОРКУЛОВ

Исфандияр.

Клятва: Повесть и рассказы. — Т.: Изд. лит. и искусства, 1983. — 304 с.

Новый сборник Исфандияра «Клятва» включает историческую повесть, рассказывающую о борьбе свободолюбивого народа Согды и Бактрии с полчищами Александра Македонского, и два триптиха на историческую тему.

И 470201020040 77-83
14352(04)-83

P2

© Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма,
1983 г.

КЛЯТВА

«Цветущую веточку мэй сорвала я.
Хотелось послать любимому в дар.
Но нет никого на земле и на небе.
Увы, никого, кто б ее передал».

Ли Цин-Чжао

«Какому инструменту мы даны...»

Рильке

1

Ранняя весна пришла на землю Согды и Бактрии — одной из богатейших сатрапий некогда могущественной державы Ахеменидов.

Всего четыре года прошло с того дня, когда еще мало кому известный сын царя Филиппа Македонского, поверив в свое предназначение, переправился через Геллеспонт и объявил войну «царю царей», последнему ахемениду Дарию III Кадоману.

Известие надвигающейся войны мало встревожило персидского владыку. Узнав о продвижении македонского войска, он заявил, повторяя слова своего предка: «Дарий, великий царь, царь царей, царь стран, Дарий Кадоман говорит: «Царство, которым я владею от Скифии, которая позади Согдианы, до Куша, от Индии до Сард, дал мне Ахурамазда, величайший из богов».

И не варварам менять предназначенное богами.

Да защитит Ахурамазда меня и мой дом».

И верил он, что нет на земле такой силы, которая бы сломила мощь его войска. И изгоняя из сердца мучительнейшую тревогу, жадно впитывал в себя предсказания

жрецов, которые, боясь навлечь на себя гнев повелителя, успокаивали его — не родился еще такой полководец, который бы мог поднять меч на «царя царей» и безнаказанно пересечь границу его царства.

Но не оправдались эти предсказания, пришла война на землю Персии. И начал сдавать город за городом наступающим войскам непобедимого македонца Дарий Кадоман, потерявший в самом начале войны своего лучшего полководца Мемнона.

Мемнон был родом из Родосса и командовал в войске Дария греческими наемниками. И только он внушал опасения Александру, когда тот решил начать войну с персами.

Но не стало Мемнона. После решающего сражения при Гавгамелах Дарий Кадоман потерял почти все свое войско и бежал на Восток. Он надеялся собрать силы и средства для новой войны с греками. Не верил «царь царей» в то, что боги отвернулись от него, что закатилась звезда державы и никогда уже не быть роду Ахеменидов правителями мира...

Но все это было там, далеко-далеко.

Здесь же совсем по-летнему палило знойное солнце, красными потеками полыхали горные маки на пологих склонах и лужайках.

Над бурными остроконечными вершинами, устремленными в бездонную голубизну неба, раскинул могучие крылья орел — страж и властелин этих мест.

Одиноким, гордым царь птиц парил над землей, и казалось, что он застыл на одной точке, повиснув на невидимых нитях.

— И почему человеку не даны крылья? — заметил Ростан, следя за полетом орла. Едва слышная грусть прозвучала в его голосе.

— Разум заменяет человеку крылья, — Спитамен с улыбкой проследил за взглядом своего любимицы.

Ростан кивнул, соглашаясь:

— И все же как было бы хорошо, если бы мы могли летать. Пусть даже не так, как этот орел, а просто подняться над землей хотя бы на несколько пекисов (локтей) и лететь, пока не надоест.

Спитамен — могучий тридцатилетний мужчина из древнего княжеского рода, давшего Согде немало полководцев и бесстрашных воинов, попридержал коня, дав остальным спутникам догнать его.

— Человеку всегда хочется недостижимого — тебе, к примеру, летать, другому — властвовать над миром.

— Боги мудры и правы, давая одним одно, другим — другое, — заметил пожилой воин, который бесшумно, уже более двадцати лет, неотлучно находился рядом с князем и стал его тенью. — Орлу — крылья, волку — острые клыки и когти, джейрану — быстрые и сильные ноги, а человеку — способность мыслить и предугадывать мысли врагов.

— И все же человеку всегда чего-то не хватает, в этом, Спитамен, ты прав. И нельзя никого осуждать за это, — сказала Гулрухсор.

Спитамен глянул на жену, которая скакала на своей лошади справа от него. Напружинившееся сильное тело молодой женщины точно сливалось с мокрыми боками лошади.

Уже много часов всадники не слезали с коней. Но, несмотря на долгую и быструю скачку, лицо согдианки не выдавало усталости. На Гулрухсор было просторное платье с узорными каймами, мягкие сапожки плотно облегали маленькие мускулистые ноги. Легкий меч свисал на боку с кожаным колчаном для стрел.

На мужчинах была обычная одежда жителей этих мест — облегающая рубашка с широким поясом, длинные узкие штаны, запущенные в высокие сапоги с загнутыми острыми носками. Вооружены они тоже были

почти одинаково — длинные кинжалы в кожаных ножнах, луки и набитые туго колчаны.

— Ты не устала? — тихо спросил жену Спитамен. И так же тихо, чтобы никто не слышал, добавил: — Если хочешь, мы сделаем привал.

Гулрухсор вскинула на мужа глаза, в которых одновременно промелькнуло удивление, благодарность и укор:

— Ты считаешь меня слабее твоих товарищей?

И, коротко стегнув лошадь, унеслась вперед.

Спитамен оглянулся на своих спутников и тоже пустил за ней своего коня. Ветер засвистел в ушах, затрепал густые жесткие волосы.

С гиканьем, криками, улюлюканьем неслись по холмистому склону маленький отряд всадников.

— Э-ге-ге-ге-гей!

— О-го-го-го-го-о!

И эхо догоняло их, перегоняло, несло вперед, дразня и увлекая за собой разгоряченных коней и их всадников.

Наметанный глаз Спитамена в какое-то мгновение поймал острую мордочку в зарослях барбариса. На полном скаку, чуть изогнувшись назад, Спитамен пустил стрелу в то место, где мелькнул пушистый хвост лисицы.

Ростан круто поворачивает коня, скрывается в зарослях и вскоре уже снова несется вперед, догоняя своих и не выпуская из рук убитую лису.

— Мой трофей! — кричит он Спитамену, поднимая над головой стрелу с черным оперением, которым был набит колчан князя.

Отряд остановился, чтобы напоить лошадей.

— Я оставлю ее себе, можно? — Ростан не выпускал из рук стрелу Спитамена.

— А вместе с ней оставь себе и лису! — засмеялся Спитамен.

Ростан быстро привязал добычу к своему поясу, сунил стрелу в колчан и повел коня к воде. Что-то заставило его оглянуться. Действительно, за ним наблюдали насмешливые глаза Гулрухсор.

— Спрячь стрелу подальше,— поддела юношу жена Спитамена.— Может, она тебе поможет научиться метко стрелять.

Она быстро отыскала в небе цель, натянула тугую тетиву.

— Ничего, малыш,— глянул на Ростана Спитамен.— Придет время, и твои стрелы будут находить цель.

Ростан благодарно кивнул своему покровителю, украдкой обернулся.

Гулрухсор спустила тетиву. Стрела, рассекая со свистом воздух, унеслась ввысь.

— Эх! — выдохнул с горечью один из спутников князя, когда орел, который все это время парил над долиной, вдруг дернулся, замер в пространстве на доли мгновения и начал стремительно падать вниз.

— Зачем ты? — вырвалось у Ростана с болью.— Это же орел!

Лицо его исказилось, будто не в орла ударила стрела Гулрухсор, а ему в грудь.

— Разве? — притворно удивилась Гулрухсор.— А я и не заметила.

И, бросив взгляд на мужа, добавила:

— Умею я стрелять?

— Твоя стрела умеет находить цель,— ответил Спитамен.

— И все же не надо было убивать орла,— покачал головой пожилой согдиец. И проводив взглядом Ростана, который вскочил на коня и поскакал к тому месту, куда упала птица, сказал как бы для самого себя: — Орел ведь, не кто-нибудь, а царь-птица.

— Плохая примета,— заметил другой.

Спитамен некоторое время молча смотрел на своих товарищей, вздохнул, внутренне соглашаясь с ними. Сам он тоже никогда не убил бы орла, и, наверное, сделал это кто-то из товарищей, не одобрил бы этого поступка, но сейчас, глядя на виновато-огорченное лицо жены, улыбнулся ей:

— Ты метко стреляешь, Гулрухсор.

И она поняла мужа. Поняла и затрепетала внутренне от благодарности к нему. Что и говорить, она и сама поняла, что не надо было убивать орла. И стреляя в него, повиновалась какому-то капризу, инстинктивному желанию доказать что-то, привлечь к себе внимание мужа. Последнее время он словно бы стал отдаляться от нее, все чаще и чаще уходить в себя. И страх в такие минуты заползал в ее душу — неужели он начинает подумывать о другой женщине, которая бы...

Нет! Только не это!..

Он не может оставить ее! Не может!

И она начинала неистово молить Анахит дать ей дитя, наследника рода Спитаменов.

И вот сейчас ей вновь показалось, что она осталась одна посреди бескрайнего мира, холода вселенной. Спитамен понял ее состояние и протянул руку:

— Я здесь, милая, — сказали его глаза, — я с тобой.

И она ожила, прильнула к нему душой, тряхнула упрямо волосами, словно отгоняя от себя подступивший холод страха:

— Стараюсь.

И пристально вглядываясь ему в лицо, проговорила скорее с вызовом, нежели виновато:

— Хочу быть достойной женой Спитамена. Ты меня осуждаешь?

Спитамен махнул рукой и вскочил на коня.

— Я зарыл орла в землю, — догнал князя Ростан.

Спитамен кивнул, погруженный в свои мысли.

— Ты правильно сделал,— ответил за князя пожилой согдиец.— Не годится царю птиц стать пищей гиен.

— Сколько разговоров из-за какой-то птицы! — в сердцах воскликнула Гулрухсор.

Лошадь под ней, почувствовав состояние хозяйки, фыркнула, заплясала на месте, перебирая тонкими ногами.

Ростан хотел что-то сказать ей, но, глянув на Спитамена, промолчал, сильно хлестнул своего коня и ускакал вперед.

Он давно и упорно недолюбливал жену своего покровителя. И хотя старался ничем не показывать своей неприязни, она почувствовала это сразу, как только впервые увидела его в своем доме. Вначале ее это сместило, она подтрунивала, высмеивала мальчишку, используя для этого любой повод. Потом ее начала раздражать и тревожить молчаливая покорность, с которой Ростан сносил ее насмешки и тычки. Он напоминал ей молодую рысь, которая не убегает от наступающего врага, медленно пятится назад, рычит, жмурится от боли, ждет своего часа.

И когда она поделилась своими мыслями со Спитаменом, он только посмеялся в ответ:

— Оставь его в покое. Сама его постоянно высмеиваешь, а потом требуешь любви.

— Не нужна мне его любовь,— с трудом сдерживала себя Гулрухсор.

— Чего же ты от него хочешь?

— Ничего не хочу. Он мне мешает, понимаешь, Спитамен? Глупость, но иногда мне кажется, что в его глазах я вижу свою смерть. Он ненавидит меня.

— Придумываешь все.. Мальчишка ведь, что он понимает. И вообще, никогда не поверю, что тебя может кто-то ненавидеть.

Гулрухсор отвлеклась от своих мыслей, направила лошадь к Спитамену, заглянула ему в лицо:

— Спитамен.

Он невидяще посмотрел на нее:

— Я тебя слушаю.

— Прости меня, Спитамен. Не знаю, что со мной происходит.

— Ничего, милая. Все пройдет.

Спитамен снова ушел в себя. Сейчас его думы были далеко. Там, за горами, где рыскал в поисках пристанища и помощи царь персов. В самое ближайшее время Дарий Кадоман мог появиться и здесь, на земле Согды. Может, поэтому и собирает всех на совет сатрап царя Бесс?

Если это так и царь все же появится и потребует собрать войско, что тогда? Какую сторону выберут князья и старейшины?

По слухам, армия у греков не такая большая, чтобы представлять реальную угрозу империи персов. Но Дарий Кадоман разбит, войско его рассеяно и не способно даже сопротивляться. Царь царей потерял власть и силу в своем государстве, значит, в мире что-то изменилось, появилась сила, которая сломала могущество непобедимых персов. И если это так, зачем вставать на защиту тех, кто вот уже сколько веков безнаказанно грабил и притеснял твоих соплеменников? Не лучше ли перебить персидский гарнизон и открыто перейти на сторону македонского царя?

Если война ими будет выиграна, они не смогут долго оставаться на чужой земле. Родина их далеко, они должны будут очень скоро уйти назад, вернуться к своим близким...

— Спитамен, ты меня любишь?

Гулрухсор легко коснулась руки мужа.

— Ты устала, родная?

— Неужели ты можешь сердиться на свою жену,

даже если она совершила непростительную ошибку? Ты, Спитамен, мудрейший и отважнейший муж во всей Согде!

— Разве может любящий и счастливейший во всей Согде муж сердиться на свою жену? — засмеялся Спитамен. — Сердиться на тебя — это значит сердиться на самого себя, ведь так?

— Так! — улыбнулась в ответ Гулрухсор и, засветившись каким-то волшебным внутренним огнем, резко обожгла плетью свою лошадь.

— Тогда вперед! — крикнула она, давая волю лошади. — Уже темнеет, нам нужно торопиться, чтобы засветло быть дома.

Тонкий ее крик, подхваченный эхом, разнесся по сторонам, расчленился в пространстве на отдельные протяжные отголоски и поплыл, растекаясь и затихая все дальше и дальше.

А Гулрухсор, увлекая за собой всадников, уже неслась впереди всех, миновала ущелье Северных духов, в одной из пещер которого, по легендам, захоронены останки Заратуштры, и, не останавливаясь, как это она всегда делала раньше, когда отправлялась в горы вместе с мужем, устремилась вниз по склону. А за ней, поднимая за собой легкие пыльные завитки, неслись на своих скакунах Спитамен и его верные спутники.

2

Рохшанак, дочь одного из влиятельнейших князей Согды, прослыла красавицей не только на земле своего отца, но и далеко за пределами. Много претендентов на руку наследницы рода Вахшунварты побывало в доме старого князя — кто плененный ее красотой, кто жаждой заполучить скопленные за несколько веков богатства, а кто из желания породниться с ро-

дом Вахшунварта. Всех принимал и выслушивал старый князь и никому ничего не обещал положительно, но и не отказывал категорично. Просил подождать, ссылаясь на молодость дочери — единственной своей наследницы.

И все понимали — выжидает старый хитрец. Выжидает, чтобы получше пристроить Рохшанак. Понимали и не обижались, у каждого была либо своя дочь, либо сестра, либо племянница, и были претенденты, которым тоже отказывали по разным причинам.

Отдельные смельчаки пробовали похитить неприступную красавицу, и теперь кости их, обглоданные шакалами и гиенами, лежали на дне одного из ущелий, куда их сбросили по приказу князя. С тех пор Вахшунварта возил дочь за собой, куда бы ни отправлялся. Для нее посреди лагеря ставился белоснежный шелковый шатер, расшитый тайными знаками и заклинаниями от дурных глаз.

Но сегодня в шатре богатой наследницы было тихо. Слуги и служанки прислуживали гостям Вахшунварты, собравшимся в шатре старого князя, чтобы обсудить текущие дела, решить — ехать или не ехать к Бессу, который приказал им явиться в свой дворец.

Рохшанак перебирала в большой золотой чаше жемчужные горошины, которые подарил ей отец, и, тихо напевая какую-то мелодию, нанизывала их на тонкую нить.

Огненные блики небольшого костра в углу шатра играли на чуть продолговатом лице девушки, освещали ярко-алые, по-детски еще пухлые губы маленького рта. Распущенные черные волосы прикрывали нежную кожу на открытых плечах.

Сквозь шелковое платье, расшитое тончайшими золотыми блестками и перетянутое на талии серебряным обручем в виде жалящей себя и хвост змеи, видно было прекрасное молодое тело, полное огня и неги.

Время от времени Рохшанак брала и бросала в рот крупные черешни, горкой лежащие на серебряном блюде с резными завитками по краям, с выгравированным по серебру всадником на лошади, пригвоздившим тонким длинным копьём голову свирепого льва к земле. Так обычно изображали верховного владыку богов местные художники.

В шатер неслышно проскользнула служанка, поставила перед Рохшанак кувшин с ароматным напитком, приготовленным специально для нее.

— Госпоже ничего не нужно?

— Нужно.

Служанка замерла.

— Сядь! — приказала ей Рохшанак.

И дождавшись, когда та опустилась рядом, спросила:

— Ты была в шатре отца?

Служанка спрятала хитрую улыбку.

— Я прислуживала снаружи, госпожа, — притворно вздохнула она. — Ваша мать не разрешила мне входить в шатер, где собрались гости.

— И правильно не разрешила. Нечего тебе там строить глазки, — строго одернула ее Рохшанак.

— Я тоже так думаю, — согласилась та.

Рохшанак потянулась к чаше с перламутровыми горошинами, но не выдержала, снова взглянула на служанку:

— Я тебя слушаю.

— Что я должна сказать тебе, моя госпожа?

— Не притворяйся дурочкой, Мира, — вспыхнула Рохшанак, капризно складывая губки. — Что говорит отец, о чем ведут разговор гости? Ты ведь всегда все слышишь!

— Говорят, к нам скоро приедут новые гости. Из далекого Инда.

Рохшанак недовольно поморщилась.

— И еще говорят, — служанка лукаво сморщила нос, — что приедут они к нам в горы, чтобы посмотреть на прекраснейшую из жемчужин во всей Согде.

Рохшанак пригубила напиток:

— Я сделаю все, что прикажет отец.

— Говорят, что в женихи своей единственной дочери князь прочит одного из сыновей царя Инда.

— Кто бы он ни был, отец не сделает меня несчастной.

— А если жених окажется хромым или горбатым?

Рохшанак вздохнула, подумала и сказала уверенно:

— Я верю, что он выберет для меня достойнейшего из всех мужей.

— Я тоже верю в это, моя госпожа, — сдалась, наконец, и служанка.

— И я уеду с ним далеко-далеко, увижу новые страны, невиданных птиц, диких людей. Признаюсь тебе, **Мира**, мне надоело сидеть в этих горах.

— Я была бы счастлива, госпожа...

Служанка вдруг запнулась и замолчала.

— Говори, что ты имела в виду?

— Я была бы счастлива, моя госпожа, разделить с тобой любую участь, но боюсь, ты забудешь о своей верной служанке, — сказала **Мира**, отводя взгляд.

Рохшанак засмеялась:

— Забуду, если ты не перестанешь изводить меня своими шутками.

— Госпожа! — вскинулась **Мира**, но **Рохшанак** остановила ее властным движением.

— Недавно приезжие читали стихи о любви. Я приказала их записать.

— Я исполнила твой приказ, госпожа!

Мира быстро поднялась и скользнула в темный угол шатра, достала из резного, слоновой кости ларца

папирус, села ближе к огню, действительно посмотрела на Рохшанак.

— Читай, — приказала та.
Мира склонилась над папирусом.

Я верю — он придет, подобный князю,
На золотой колеснице, запряженной львицей,
В руке его, лотосу подобной,
Будут самые прекрасные цветы для любимой...

Служанка замолчала, подняла глаза на Рохшанак, на губах которой блуждала мечтательная улыбка.

— Читай, читай, — отвлекаясь от своих мыслей, кивнула княжна...

— Ну, как?

Спитамен не ответил няньке, молча смотрел на юную княжну сквозь узкую щель полога.

— Нравится тебе девушка? — снова не выдержала нянька. Веки ее подслеповатых глаз нервно дергались. Одинокaя слеза покатилась по морщинистому лицу.

— Не мучай меня, Спитамен, — произнесла она дрожащим голосом. — Лучшей невесты не найти во всей Персии.

Спитамен придержал полог, еще раз оглядел ладную фигурку ничего не подозревавшей княжны, кивнул, соглашаясь со старухой.

— Красивая девушка, — задумчиво произнес он. — Очень красивая.

— А-а-а! — Старуха радостно затряслась в беззвучном смехе, потирая ладони костлявых рук.

— Что я говорила? Не права разве была, когда расписывала красоту дочери Вахшунварты?.. Не-е-ет, пусть не оставит тебя своим покровительством Ахурмазда, не зря я пришла в этот мир! Не зря поклялась твоей матери, моей несравненной госпоже и благоде-

тельнице, что не успокоюсь, пока не явится на свет продолжатель рода Спитаменов. Теперь, когда ты увидел Рохшанак, когда можно будет поговорить со старым князем о деле, когда, я думаю, очень скоро крошечный отпрыск двух древнейших родов огласит твой дом своим криком, тогда и я смогу умереть спокойно.

— О чем ты говоришь, нянька? — улыбнулся Спитамен. — Не гневи Анхра-Майнью. Он забыл о тебе.

— И умру, — упрямо сказала старуха. — Вот только приму на свои руки твоего сына и сама позову повелителя мрака.

Спитамен смотрел на свою няньку, слушал ее дребезжащий, но еще крепкий голос, думая одновременно о себе, о сыне, которого у него нет и, быть может, никогда не будет, о своей жене, которая осталась вместе с остальными на попечении слуг старого Вахшунварты, о Рохшанак...

Нет, он, конечно, не допускал даже мысли, что когда-нибудь расстанется с Гулрухсор. Не представлял себе жизни без нее, без вкрадчивого убаюкивающего шепота, ласковых рук жены, и все же... Если бы она смогла подарить ему сына! Если бы...

Но довольно! Не об этом сейчас нужно думать. Нужно, наконец, решить, какую сторону принять в предстоящей войне. А что война будет, в этом нет никаких сомнений.

А разве можно хотя бы мечтать о семейном благополучии, если не знаешь, что с тобой будет завтра, через неделю, месяц?

И чем больше причитала старуха, расхваливая достоинства девушки и других представителей рода Вахшунварты, который никогда не посмеет отказать Спитамену и с радостью породнится с ним, тем более непроницаемым становилось его мужественное лицо.

— Я знала, что она тебе понравится, — говорила старуха. — Лучше Рохшанак не найти невесты не только во всей Согде и Бактрии, во всей Персии нет такой красавицы!

Она боялась замолчать, чувствуя в молчании Спитамена угрозу планам, ради которых она приехала сюда, проделав немалый путь.

— Ты ни о чем не думай, с князем я поговорю сама. Все будет так, как мы захотим.

— Не будет этого, — устало перебил ее Спитамен.

Ему было одновременно и жаль старую няньку, которая когда-то заменила ему мать, умершую от неизвестной болезни, когда ему было столько же лет, сколько Ростану, да и того меньше, и в то же время невыносимо слушать бесполезную болтовню.

— Не надо.

— Спитамен, сынок мой!

— И не ходи ты больше за мной с этим! — он погладил старуху по костлявому плечу.

— Ты хочешь, чтобы душа твоей матери прокляла меня? — запричитала она, схватив Спитамена за руку и заглядывая ему в глаза. — Что я ей скажу, когда Анхра-Майню призовет меня к себе? Что ты забыл о своем долге, что я не смогла убедить тебя и потому род древних князей Спитаменов закончился на тебе? Это ты мне предлагаешь?

Она отстранилась от него на мгновение, покачала головой:

— Не-е-ет! Не перестану я ходить за тобой! Умру в дороге, под копытами твоей лошади умру, но не отстану, пока не появится у тебя наследник.

— У меня есть жена.

— Кто же ее ругает? — быстро согласилась старуха. — Но я не о жене говорю сейчас, а о той, кто родит тебе сына.

— Оставим этот разговор, кормилица, — глухо за-

говорил Спитамен. — У меня есть жена. И если до сих пор у нас нет... не родился кто-то...

Он запнулся, но тут же голос его окреп.

— Значит, того захотели боги. И ты знаешь, нет вины Гулрухсор...

— Знаю! Я все знаю! — задыхаясь, запричитала старуха. — Но ты мужчина! Неужели ты сам, своей рукой перерубишь ветвь своего рода? Или после смерти сына ты потерял разум? И даже если это так, ты не можешь, не должен думать только о себе.

— Все! — властно перебил ее Спитамен.

И в его голосе прозвучало нечто такое, что заставило замолчать старуху. Она зажала себе рот, боясь издать какой-либо звук.

— Я сказал, что хотел. Ты тоже сказала все, что хотела, и я слушал тебя, понимая, что ты хочешь мне только добра.

— Сынок.

Спитамен поднял руку, призывая ее выслушать его до конца. И она покорно сникла, понимая, что теперь ничем не сможет изменить его решения.

— Ты исполнила свой долг перед моей матерью до конца и можешь спокойно умирать. Никто ни в этом, ни в том мире не может обвинить тебя.

Если Гулрухсор не может стать матерью, значит, это желание неба. Значит, так и должно быть. Все.

Он резко повернулся и пошел прочь.

Некоторое время старуха смотрела вслед Спитамену, покачала головой, прошамкала беззубым ртом:

— Эх-ха! Свет перевернулся, а я и не заметила!

Она смахнула с глаз невидимые слезы и медленно заковыляла к своей повозке, на которой приехала за своим любимцем. Нужно было собираться в дорогу, теперь ей здесь делать было больше нечего.

Она еле передвигала ноги и не заметила, как от одной из палаток отделилась тень, скользнула наперерез.

— Несчастный мальчик! Несчастливая твоя мать! — шептала она, не замечая молодой женщины, которая возникла на ее пути.

— Старая карга!

— Ой, кто тут? — испуганно вскинула голову старуха. И увидев женщину, испугалась еще больше.

— Гулрухсор! Доченька! — Она почувствовала, как по спине ее пробежал озноб. Страх сковал и без того немощное тело, свел судорогой губы.

Мгновенно оценив ситуацию, угрожающую позу молодой женщины, старуха поняла, что Гулрухсор была рядом и слышала весь разговор со Спитаменом. Слышала и теперь возникла на ее дороге, как посланник Анхра-Майнью.

Секунду они стояли друг против друга. Потом Гулрухсор схватила старуху за горло.

— Пикнешь — задушу! — страшным шепотом пригрозила Гулрухсор.

— М-м! — задергалась старуха. Глаза ее, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

— Долго ты еще будешь преследовать моего мужа своими гнусными предложениями? — она чуть крепче сдавила жилистое горло.

Желание тут же прикончить старуху боролось с отвращением, которое молодая женщина испытывала, видя искаженное страхом лицо няньки своего мужа. Она то расслабляла пальцы, давая сделать глоток воздуха своей жертве, то снова сжимала их, перекрывая артерию жизни.

— Клянусь небом, я задушу тебя, а язык твой брошу собакам, чтобы и перед Анхра-Майнью ты не могла говорить ничего лишнего! Ты поняла меня, старая ведьма?

— Видит небо, я и не помышляла ни о чем дурном, — прохрипела нянька Спитамена.

И тут же закивала:

— Поняла, все поняла, дочка!

Гулрухсор еще несколько мгновений пристально вглядывалась ей в глаза, словно стараясь прочесть истинные мысли старухи, потом разжала пальцы, резко оттолкнула ее от себя и так же неслышно, как и появилась, растворилась в темноте.

3

В лагере Александра, сына Филиппа Македонского, справляли очередную победу над войсками варваров.

И если в самом начале военных действий, когда сын царя вступил на трон и стал собирать войско для далекого похода, находились такие, которые сомневались в удаче предприятия, то теперь, выигрывая сражение за сражением, грабя покоренные города и богатая с каждым днем, македонская гвардия почувствовала себя непобедимой, готовой следовать за своим полководцем даже в Аид.

А гордиться, конечно же, было чем: в последнюю битву Дарий III Кадоман вступил, имея огромное войско. Под его началом собралось более шестисот тысяч воинов, и победа казалась несомненной. Слоны, львы, серповидные колесницы, бесстрашные скифы на своих быстрых конях, отчаянные массагеты, согдийские лучники, бактрийские пращники, разноязычные отряды вассальных племен — такое большое войско не собирал под свои знамена даже прославленный своими войнами Кир. Никто из рожденных смертными не смог бы противостоять этой лавине.

Никто, кроме Александра, прозванного в войске Великим.

И македонский царь доказал, что поистине достоин этого имени. Из-за своей самоуверенности Дарий III Кадоман потерпел сокрушительное поражение, от ко-

тогого ему уже невозможно было оправиться. Это был конец.

Богатые жертвы богам принес Александр, понимая, что все могло случиться иначе, не соверши царь персов непростительной ошибки.

В войске Дария находился на службе один македонянин, который не один раз у себя на родине встречался с сыном царя Филиппа. И потому хорошо знал его несдержанный характер.

Видя, что Дарий решил идти на Александра узкими горными проходами, македонянин посоветовал ему не делать этого.

— Лучше дожидаться греков здесь и дать сражение на равнине,— пробовал убедить персидского царя македонянин.— Войско у Александра немногочисленное. Он молод и горяч и первым кинется в бой, когда придет сюда.

Вот тогда-то и настанет твой час и ты сможешь, используя многочисленность своего войска, полностью окружить армию греков и уничтожить.

Поверь, великий царь, надо сделать так, как я советую!

Стало тихо. Все знали, что Дарий III Кадоман не любит, когда ему советуют, считая себя первым полководцем вселенной. И теперь ждали — кто с жадным злорадством, потому что завидовали влиянию чужеземного наемника на царя, кто с выжидающим любопытством — что же теперь будет, а кто просто так.

— Ты советуешь мне ждать здесь, чтобы Александр смог уйти от меня, когда я поймал его в капкан? — вспыхнул Дарий.

— Этого, великий царь, ты можешь не опасаться,— бесстрашно заявил македонянин, чувствуя, что его подозревают в измене.— Александр обязательно пойдет против тебя. И, наверное, уже идет...

Александр, узнав о продвижении войска Дария, поблагодарил судьбу и быстрым шагом двинулся навстречу, чтобы застать врага на узких горных проходах, где они не могли использовать свой численный перевес.

Македонянин оказался прав. Это Дарий понял, когда перед ним неожиданно возникло войско Александра. Понял, но поздно, и потому был вынужден вступить в сражение в невыгоднейших для себя условиях.

Александр выбрал наилучшую позицию для своего малочисленного войска и с ходу атаковал врага, зажатого между морем и горами. В этом сражении греки уничтожили более ста тысяч персидских воинов. Сам Дарий бежал, оставив на волю победителя обоз, в котором находились его жена и дочери.

Победа была полной, добыча такой богатой, что пришлось снарядить дополнительный обоз, который повез в далекую Македонию золотую и серебряную утварь, персидские ковры и шелка, тончайшие ткани из шерсти, драгоценные камни и украшения.

Олимпиада — мать Александра могла гордиться сыном. Он оправдал ее надежды и обессмертил свое имя, как это и предсказывали гадалки...

Утро было неярким, как будто его все еще закрывала пыль от копыт, что подняла, отступая, конница Дария.

Александр позволил себе поспать чуть дольше обычного. В день его торжества можно было отступить от многолетней привычки вставать с первой полоской рассвета.

И тем не менее, встав, он проделал, одно за другим, все свои обычные гимнастические упражнения. Он всегда помнил слова своего воспитателя, который следил за его физическим развитием.

«Тело должно быть тренированным и закаленным,

готовым избежать или отразить любой неожиданный удар. Но для этого ему нужно время от времени дать и отдохнуть, расслабиться. Если ты будешь следовать этим советам, то освободишь мозг от лишней обузы контролировать самого себя», — любил повторять воспитатель.

И Александр навсегда запомнил его совет, не давать телу облениться, покрыться жирком. Он всегда находил время, чтобы днем поспать хотя бы один час, и потому всегда выглядел свежим.

Все давно привыкли к распорядку, по которому жил царь, и терпеливо ждали, пока он закончит свои упражнения. Только после того, как тело покрылось потом, Александр прекратил последнее, любимое упражнение — рубку тоненьких лозовых веток, которые специально для него сажал перед рассветом его верный Клит. Сажал в любое время года, в любую почву, по которой они шли — то ли степной песок, то ли мягкая, как масло, земля, то ли горные ландшафты, как теперь, чтобы не терялась в дальних походах изумительная выправка царя, упругость и сила его молодого, гибкого тела.

Клит, тем не менее, вышел из своей палатки лишь после того, как царь прекратил последнее упражнение.

— Сегодня мы приготовили тебе сюрприз, — сказал он Александру, когда тот кончил умываться и стал растирать тело грубым полотенцем.

— Какой?

Глаза его по-детски округлились. Клит едва сдержался, чтобы не улыбнуться. Молча любовался прекрасным сложением молодого царя.

Клит часто думал про себя, что вблизи, в обычных, повседневных делах, великий, верящий в свое божественное происхождение Александр выглядит, как обычный македонский юноша: он так же мучается сомнениями, как любой из них, хотя тщательно скры-

вает это от посторонних глаз, но зато радость удачи безудержна, ненасытна. И только там, где дело касается сражения, военных планов, Александр преобразился до неузнаваемости — в его больших голубых глазах загорался поистине божественный свет. В такие минуты всем казалось, что перед их вождем действительно открываются неведомые простым смертным пути, как будто богини судьбы — Мойры — открывают перед своим любимцем завесу будущего, недоступного обыкновенным людям.

И когда он бесстрашно идет в бой против namного превосходящих сил, всем ясно — победа несомненна.

А в сражении Александр вообще страшен — в глазах его сквозит безумие, оно управляет им и одновременно защищает от вражеских стрел, копий и мечей, управляет, как управляет вакханками Дионис.

И беда тому, кто попытается противиться этому влиянию, кто захочет ввести свою жизнь в русло спокойное, управляемое трезвым рассудком!

Ведь растерзали же вакханки Орфея, чуждого их буйным забавам! Потому в такие минуты никто не смеет перечить Александру, собираются в единый слаженный механизм, который ведет и которым управляет некая божественная сила, только не мудрого Аполлона, а Диониса, который ведь тоже был великим богом и карал всех, кто сомневался в его умении и силе!

— Мы приготовили тебе палатку Дария.

— Дария? — удивился было Александр. Но, подумав, согласился. — Что же, очень интересно посмотреть, как жил царь персов.

Он пошел по направлению, указанному Клитом. Сам Клит шагал чуть позади царя, коротко отвечал на вопросы — сколько всего пленных захвачено, сколько провианта, лошадей, что отправлено в Македонию, состояние и боевой дух солдат.

Александра интересовало все, каждое утро он вы-

слушивал подробный доклад, который для него готовил Клит — старый и верный товарищ по детским играм, увлечениям, а теперь его глаза, уши и опора в войске.

Стройный, высокий, с тонкой, гибкой талией, Александр шагал, широко переставляя ноги, чуть враскачку, на покатой его атлетической шее, уже успевшей загореть, блестели бисеринки влаги, волосы заметно отрасли и золотились в лучах солнца крутыми завитками.

— Тебе нужен парикмахер, — заметил Клит.

— Ты думаешь? — Александр провел ладонью по голове. — Пожалуй, ты прав. — И засмеявшись, добавил: — Нужно облегчить ее.

Клит подумал, что надо бы лучше следить за царем, который равнодушен ко всему, что касается его лично — к тому, как он выглядит, к еде и питью. Но хуже всего, что Александр был равнодушен и к прекрасным женщинам, этого уже Клит вообще не понимал. Он не мог себе представить, что есть люди, которые могли спокойно пройти мимо того, что эллины ставили превыше всего — мимо женской красоты!

И уже совсем не укладывалось в его голове, что царь отказался от прекрасных дочерей Дария, которые попали в плен и были достойны стать даже женами любого коронованного правителя. Ведь недаром среди богов Афродита, если и не самая великая и красивая, то самая могущественная. Сам Зевс боится стрел ее сына — Эрота. Не раз поражали великого громовержца золотые стрелы бога любви, и тогда приходилось Зевсу принимать облик то быка, то лебедя, то золотого дождя.

Неужели Александр и тут избежит участи всех смертных, неужели не поразит его стрела Эрота?

Хотя, помнится, во дворце Олимпиады поговаривали об увлечении Александра какой-то рабыней. И еще

поговаривали, что она не понравилась Олимпиаде, провинилась перед ней в чем-то, и за это бедной девушке было приказано остричь косы и отправиться в далекие края, в услужение к пастухам и под их пристроном готовить для царского стола козий сыр.

Да, жестокосердная царица была способна и на такое. Из достоверных источников Клит знал: наказание постигло рабыню из-за того, что она отказалась рассказывать о привычках и тайных признаниях молодого царевича. Мать постаралась подыскать Александру достойную замену для его интимных шалостей, выбрала девушку красивую, из знатного рода, настоящую Елену. Но Александр остался равнодушным к избраннице Олимпиады. Друзья не покидали его ни на минуту, потому что боялись, как бы он с собой чего ни оделал. И хотя Александр никому не открывал своей топки, все видели силу печали по сосланной рабыне...

Шатер Дария, скрытый рядами воинских палаток, вскоре отырылся взору во всем своем великолепии. Огромные белые стены его, вышитые золотыми узорами, напоминали гигантского лебедя, готового вот-вот взлететь.

Возле входа сидел рослый спартанец в белом пеллосе. Увидя царя, он быстро встал и отошел в сторону.

— Чтобы туда не совались излишне любопытные, — объяснил Клит.

Позади первого, почти вплотную к царскому шатру, стоял еще один, чуть поменьше, голубого цвета, вышитый золотыми цветами, где алые розы бежали по низу и сплетались в венок.

Поймав вопросительный взгляд Александра, Клит хитро улыбнулся:

— Если пожелаешь, царь, то жена и дочери Дария придут усладить твой отдых. Только позови.

— Разве не отделены они от войска так, чтобы никто не мог увидеть ни их лиц, ни повадок? — нахмурился Александр. Розовая краска мгновенно сбежала с его лица. — Я же приказал!

— И мы выполнили твой приказ, о царь! — поспешил на помощь товарищу Птолемей Лаг. — Выполнили и отделили, но, может быть, ты вдруг захочешь.

— Нет! — резко перебил его Александр. — У персов свои обычаи: для них позор, если чужой увидит лицо и фигуры их женщин. И пусть я воюю с Дарием, к женщинам это не имеет никакого отношения. Мы не должны унижать царское достоинство. Пусть его жена и дочери останутся неузнанными.

— Это твое окончательное решение? — задал вопрос Клит.

— Я сказал, — жестко отрезал Александр.

Клит посмотрел на Птолемея, развел руками:

— Ничего не поделаешь. Если наш царь отказывается даже лицезреть прославленную красоту жены Дария, о нас и говорить не стоит. Мы покорно сгибаем головы.

— Для того чтобы не утратить свою славу тонкого ценителя женской красоты, тебе достаточно Эос, — усмехнулся Александр.

— Эос всего-навсего гетера, о Александр.

— Если она тебе наскучила — можешь уступить ее Птолемею, — отпарировал царь.

— Эос наскучить не может, — покачал головой Птолемей.

— Видишь, царь, — глянув на товарища, пояснил Клит. — Красота и достоинства гетеры не секрет для многих и многих.

— Ну, все. Больше мы к этому не возвращаемся.

Александр посмотрел на Птолемея Лага, поинтересовался как бы мимоходом:

— Где сейчас находятся женщины?

— В главном шатре. Там, где была купальня персидского царя.

Александр красноречиво посмотрел на Птолемея. Тот покраснел, отвел взгляд.

— Но там все приготовлено для омовения.

— Я побываю в купальне Дария, но не сейчас. После обеда. И чтобы там не было ни женщин, ни...

Александр замолчал, заметив на губах Клита снисходительную усмешку. Секунду они смотрели в глаза друг другу, потом расхохотались одновременно:

— А впрочем, почему бы и нет?

— Я тоже так думаю, о царь! — быстро согласился Клит.

Александр кивнул и начал быстро снимать с себя доспехи.

— Пойдемте, друзья. Нужно же смыть пот битвы в купальне Дария.

— Не Дария, а Александра, — поправил его Птолемей Лаг. И добавил, приглашая следовать за ним: — Собственность побежденных должна не только принадлежать победителю, но и называться его именем.

И только потом, вволю наплескавшись в купальне, подогретой искусными на этот счет слугами персидского царя, он вошел в шатер.

Вошел и не смог скрыть своего восхищенного возгласа:

— Вот это, по-видимому, и значит царствовать!

Клит и Птолемей заулыбались, довольные, что, наконец, угодили царю, отступили в сторону, чтобы Александр смог вволю насладиться зрелищем.

Посередине шатра возвышалось богатое ложе. Резные ножки черного дерева в виде львиных лап выглядывали из-под голубого парчового покрывала. У изголовья тонкими струйками вились благовонные аравийские курения. Золотые сосуды, на стенках которых были изображены сцены царской охоты на диких зве-

рей, стояли по бокам ложа и тоже источали запах амбры. Такие же сосуды стояли возле нескольких лежанок, пристроенных вдоль стен.

На маленьком столике среди множества флаконов из драгоценных камней выделялась чаша из розового оникса. Она была так прозрачна, что плоды, не знакомые до сего времени Александру и его соратникам, просвечивали сквозь нее и тоже, казалось, источали легкое сияние.

Александр сделал шаг, и его ноги утонули в мягком пушистом ворсе. Он засмеялся, непривычно ощущая живую теплоту чудесного ковра, яркие, разноцветные цвета которого были также непривычны прихотливому вкусу царя македонян, воспитанного в чувстве строгой гармонии цветов.

Он подошел к столику, взял один из флаконов из голубого кипрского стекла, открыл пробку, осторожно поднес к лицу, недоуменно пожал плечами.

— В этих флаконах настои из чудесных трав, которые растут в недоступных горах Согды,— выступил вперед с низким поклоном чернокожий слуга, который раньше прислуживал Дарию и теперь приготовил все для приема нового господина.

Он неслышно скользнул к царю, стал рассказывать о содержимом каждого флакона:

— Этот, из яшмы, содержит настой, две капли которого погрузят тебя в глубокий сон. Его привезли царю из далекого Инда. Этот отпугнет и изгонит из тела любую усталость, и ты сможешь заниматься неотложными делами, даже если не спал несколько дней кряду. Этот — спасет от любой болезни, этот — унесет в мир грез, где тебя окружают прекрасные богини любви...

— Довольно,— поднял руку Александр. И чернокожий раб замолчал, отступил назад и замер немым изваянием.

— Придет время и мы испробуем все эти чудес-

ные настои,— сказал царь македонян.— Если, конечно, в этом будет крайняя необходимость,— добавил он, подумав.

Он снова оглядел убранство царских покоев, ощущая в душе все возрастающую силу безудержной радости. Здесь все смешивалось в каком-то буйстве красок, ослепляло, взбудораживало и усыпляло одновременно.

По неуловимому знаку чернокожего раба к царю скользнула смуглолицая невольница. В руках она держала большой кубок, на дне которого плескался какой-то напиток.

Тонкое легкое тело, укутанное в прозрачную ткань, казалось, совсем не имело костей, так волнующе и зазывно склонилось оно перед молодым царем. Она была прекрасна. Точно сама жрица любви, посвященная в самые утонченные способы интимных наслаждений, которые изобрел Эрос.

Нет, не жрица, сама богиня любви Афродита решила сойти к нему в образе этой невольницы!

Александр почувствовал, как мгновенно пересохло во рту, как при невероятной жажде сухой жар прокатился по его жилам. Давно он не испытывал подобного чувственного голода.

Или это обстановка так подействовала на него? Благовония, которые заполнили шатер?

Не в силах перебороть желание и чувствуя, что надо что-то делать, Александр взял кубок из рук невольницы:

— Что это? — с трудом разжал он, наконец, зубы.

— Шербет, великий царь,— певуче произнесла невольница на чисто греческом языке.— Испробуй, это очень приятно.

Александр кивнул и поднес кубок к губам.

— Остановись, царь.

Александр вздрогнул, точно проснулся, взглянул

на Филиппа — своего врача, который сопровождал его в походе и сейчас предостерегающе окликнул.

— Не торопись, мой царь, — повторил он, беря кубок и пристально глядя на красавицу. — Мы пока не под родным небом.

Никто не противоречил ему, и Филипп удовлетворенно кивнул, отлил несколько капель себе на ладонь, понюхал, осторожно лизнул, поднял глаза на царя.

— На вкус он кажется приятным, — пожевал губами наместник Эскулапа, разглядывая мелкие зеленоватые плоды неведомых растений, покрытые белым налетом инея. — И все же, я думаю, надо подождать.

— Тогда напиток станет теплым и потеряет свои качества, — насмешливо заметила невольница, подняв на молодого царя огромные раскосые глаза. — И разве посмеет смертный задумать недоброе сыну бога?

— Ты родилась в Греции? — спросил ее Александр, беря кубок из рук Филиппа.

— Нет, — покачала та головой. — Моя родина Нубия, великий царь.

— Кто же тебя научил говорить на греческом языке?

— При дворе моего отца было немало пленных греков, — объяснила нубийка. И прочитав немой вопрос в глазах молодого царя, добавила: — Мой отец был правителем Нубии, пока на нашу землю не напали враги.

Александр нахмурился. Нубийка поняла, что своими словами растревожила что-то в душе победителя Дария.

— Прости, великий царь, если я своей несдержанностью потревожила твои думы. Ты спросил, я ответила.

— Ты можешь вернуться на свою родину, если захочешь.

— Чтобы вместо цветущих городов увидеть разва-

лины? — вспыхнула нубийка. — Нет, мой повелитель. Никого из моих давно нет в живых, и никто меня там не ждет. — Она прильнула к его коленям. — Не гони меня, великий царь. Разреши остаться и служить тебе.

Стало тихо. Македоняне, пораженные услышанным и увиденным, выжидающе смотрели на своего царя.

— Хорошо, я подумаю, как получше устроить твою судьбу, — кивнул, наконец, Александр, отпуская нубийку.

Нубийка также неслышно, как и появилась, выскользнула из шатра, оставив после себя едва уловимый нежный аромат розового масла, которым натираются женщины Востока.

Сделав маленький глоток, Александр облизал губы, словно прислушиваясь к своим ощущениям, потом выпил еще и протянул кубок друзьям:

— Попробуйте, это действительно очень приятно, — сказал он, смеясь своим заразительным смехом.

— После этого становится понятно, почему Дарий так держится за власть, — сказал Александр, когда опустел кубок, и друзья согласились, что никогда прежде не приходилось им пить нечто подобное.

— Может быть, Дарий жил и более роскошно, — пошутил Парменион. — Но не хотел бы я быть на его месте.

— Не знаю, как всем вам, — сказал Александр, утопая в мягком ложе, — но мне здесь очень нравится. Роскошь поистине заразная болезнь.

— Почему же ты не согласишься на условия Дария? — задал вопрос Клит.

...Тут же, после проигранного сражения, царь персов через своих послов попросил у Александра мира. Зная, что тот молод и не имеет жены, предлагал для скрепления союза любую из своих дочерей, десять тысяч талантов золота, земли по эту сторону Евфрата и вечный союз со своим домом.

Парменион, видя, что Александр отклонил эти условия, не выдержал, воскликнул, обращаясь к товарищам:

— Клянусь, царь! Будь я Александром, я принял бы эти условия.

Но Александр не дал договорить ему:

— Клянусь Зевсом — моим отцом, я сделал бы так же! — Произнеся эти слова, он замолчал, оглядел соратников и закончил чуть тише: — Сделал бы, будь я Парменионом...

И сейчас все вспомнили эту сцену, замолчали, ожидая, что же скажет в ответ Клиту царь македонян.

— Я же сказал: «Жить по примеру царей персов — это болезнь!» Неужели, мой друг Клит, ты бы хотел, чтобы я заболел этой заразой?

— У нас еще слишком много дел, чтобы ты мог себе позволить это! — воскликнул Клит под восторженные возгласы товарищей...

4

Бесс, дальний родственник Дария III Кадомана, сатрап Согды и Бактрии, собрал в своем дворце советников, командиров войска, начальников пограничных отрядов и представителей местной аристократии — князей и родовых старейшин.

Тронный зал — большой квадрат из кирпичей, украшенных росписями пурпурно-красного, темно-коричневого и желтого тонов, — был переполнен.

Огромные всадники на стенах, поднявшие пальцы рук в характерном для согдийцев приветствии, казалось, сегодня предостерегали собравшихся от опрометчивого шага. Один из военачальников, не в силах оторвать взгляда от сцены оплакивания Сиявуша, исполненной печали, не выдержал, тихо сказал соседу:

— Похоже, и нас ожидает такой же конец. Вот

только найдутся ли плакальщицы оплакать наши останки?

— Тише ты! — шикнул сосед, увидев, как Бесс повел глазами в их сторону. — Хочешь, чтобы Верховный кликнул палача? Сейчас ему мерещатся враги в каждом.

— Даже утроба шакала вмещает несколько десятков кур, — недобро усмехнулся перс. — Утроба же нашего сатрапа бездонна. Правду говорят: скорпион — брат гадюки.

Бесс — желтолицый, истерзанный лихорадкой, которая свалила его несколько недель назад, выглядел очень больным и усталым. Только глаза его — быстрые, пронизывающие, словно выжидающие и выбирающие себе очередную жертву, говорили, что в этом человеке затаилась недобрая сила, ожидающая своего часа, чтобы во всю мощь показать, на что она способна.

Сатрап сидел в кресле, резные ручки которого были украшены крылатыми львами и гениями. Кресло было давней, необычайно искусной работы. Говорили, что его преподнесли сатрапу в подарок богатые индийские купцы, а он в ответ приказал дать им золотую чашу с вкрапленными в нее алмазами ценой в десять талантов.

Бесс любил свое кресло и всюду возил его с собой еще и потому, что купцы сказали ему — кресло обладает магической силой, а тот, кому оно принадлежит, когда-нибудь станет властелином мира.

Сатрап верил, что ему предначертано стать во главе персидского царства, ведь он такой же ахеменид, как и безвольный, ни на что не способный Дарий.

Вот если бы он сидел на престоле, разве позволил бы врагам чувствовать себя хозяевами на священной земле его прославленных предков?

Нездоровое, отечное лицо Верховного владыки зем-

ли Согды и Бактрии подчеркивало платье, надетое поверх тонкой, но такой крепкой, что даже стрела, пущенная в упор, не смогла бы пробить ее, кольчуги. Яркие-алые вышивки на плечах и рукавах, широкая пурпурная полоса, идущая от горла вниз,— в сочетании означали некое магическое заклинание, защищающее надевшего платье от злых наветов и врагов.

Сбоку, чуть позади кресла, дремала привязанная к выступающему из пола железному кольцу огромная черная пантера — любимица сатрапа. Все знали — верховный никому не позволял кормить ее, и мясо она брала только из его рук, доверяя лишь своему хозяину.

Пантера устала от многочасового шума людских голосов, лежала, положив голову на передние вытянутые лапы. Изредка она приоткрывала острые зеленоватые глаза безжалостной хищницы, зевала, открывая страшную пасть с двумя рядами безупречных резцов и тоскливо поглядывала на дверь, откуда чуть слышно доносился до нее запах свежей травы, мокнувшей под дождем.

Иногда она едва заметно настораживала острые уши, облизывалась, слегка прихихиваясь к запаху, исходившему от сидящих напротив ее ложа людей — ей был знаком вкус человеческого мяса. Хозяин раньше часто баловал ее этим легким лакомством. Он пускал ее в узкий дворик, куда потом вгоняли безоружную перепуганную жертву. И каким удовольствием для нее было изгибать в смертоносном неотразимом прыжке свое великолепное тело, чувствовать, что жалкое существо не способно даже защитить себя. Предназначенная для расправы жертва могла только визжать от страха, выставляя вперед руки, чтобы хоть на доли секунды продлить агонию. Но разве можно было остановить смерть, которая стала в изголовье своего избранника? Даже сам владыка Вселенной Ахурамазда не в силах остановить бег времени.

Да, пантера знала, как пахнет трепещущее мясо человека, и сейчас ей казалось, что она улавливает его. Тогда она шире открывала глаза и медленно обводила взглядом лица собравшихся...

От жертвенников, стоящих по углам тронного зала, шел приторный запах свежей крови и горелого кустарника, который рос в горах далекой Фарганы. Крылатые грифоны — священные птицы жителей Согды, — нахохлившись, смотрели в потолок, готовы были взмахнуть своими тяжелыми крыльями и улететь. Выполненные из терракоты и раскрашенные умельцами в буро-черные цвета царства вечного мрака, священные грифоны были настолько похожи на живых, что временами, казалось, вертели головами, мигали холодными глазами и скребли облицованный изразцами пол острыми когтями, подстерегая предназначенную им добычу.

Заседали уже много часов подряд, но к единому мнению все еще так и не пришли.

В зале было шумно. Никто не слушал, каждый считал свой довод более правильным и весомым, кричал, угрожал и оскорблял других.

То, что творилось сейчас здесь, в тронном зале, где когда-то глаза поднять боялись от пола, где по одному едва уловимому знаку Верховного летели головы самых именитых граждан, прямо говорило о хаосе, царившем во всей огромной империи, о катастрофе, которая постигла царственный дом Ахеменидов.

После последнего поражения армии Дария власть сатрапа сильно пошатнулась. Авторитет Бесса упал до такой степени, что он уже не мог, как было прежде, одним движением густых косматых бровей заставить замолчать зарвавшихся крикунов, побледнеть выдавших виды смельчаков и представителей древнейших родов и кланов. Теперь сила была на стороне коренных жителей сатрапии, они это понимали и осмелели,

стараясь при случае дать почувствовать персам, что те люди пришлые и что время их власти кончилось.

Много теперь стали позволять себе эти некогда бессловесно-кроткие, покорные и трусливые овцы! Ох, как много!

Бесс горестно вздохнул, кусая кончики длинных усов. Его напряженно-пытливый взгляд скользил по покрасневшим лицам придворных.

Ну, да ничего!

Он умеет выжидать, недаром даже сам «царь царей» побаивался своего дальнего родича, считая, что он не так прост, каким хочет казаться. Он вытерпит и это унижение. Подождет, когда придет его время, его час, чтобы напомнить этим жалким псам, кто истинный хозяин на этой земле! Подождет, потому что он умеет ждать, как ждал все эти бесконечные годы, эти тягучие страшные годы, ждал, покорно склоняясь перед ничтожным из ничтожнейших царствующей династии, терпеливо выслушивал глупые приказы, которые тот отдавал своим противно-топким голосом как страта.

Ждал и дождался. Пришел, наконец, час его торжества. Торжества Бесса — нового великого царя Артаксеркса.

Ноздри Верховного затрепетали, как это бывало при сильном волнении. Говорите! Выговаривайтесь, трусливые ублюдки! Рано вы начали радоваться, слишком рано почувствовали свою безнаказанность!

Он представил себе, как будут визжать эти князья и родовые старейшины, когда с них живых будут сдирать кожу, как будут молить о пощаде!

По его бесстрастному лицу нельзя было прочесть, о чем он думает, слушает ли спорщиков, пытавшихся привлечь Верховного на свою сторону.

А он слушал их и не слышал. То, что они сейчас доказывали друг другу, было ему давно известно.

В создавшейся обстановке нужна была трезвая голова. Мыслей и вопросов, которые требовали немедленных решений, толкали к решительным действиям,— было много.

Только не просчитаться! Не ошибиться!..

Вот-вот настанет минута, когда надо будет действовать незамедлительно, когда надо будет решиться и уже не оглядываться назад, не думать о возможном отступлении.

Сейчас, сегодня он, как никогда, близок к своей цели. Дарий бежал, молит о помощи, в каждом послании напоминает о клятвенных обещаниях, которые он, Бесс, давал «царю царей», о крови, которая их объединяет... Только не ошибиться!

Артаксеркс!

Бесс уже видел себя на древнем троне Ахеменидов, который стоит в сказочно-прекрасном дворце Персеполиса — столице огромной империи.

Артаксеркс!

Только не опоздать!

Опоздать — все равно что поспешить. И то и другое приведет его к поражению и смерти.

Бесс поднял руку. Сразу стало тихо.

Он улыбнулся: этим стадом еще можно управлять! Наступившая тишина показалась ему хорошим предзнаменованием.

— Клянусь вечной водой и священным огнем,— заговорил он торжественно, как бы гипнотизируя собравшихся и подчиняя своей воле.— Каждый из вас прав по-своему, но мы должны решить что-то одно!

Он замолчал, собираясь с мыслями и проверяя магическое воздействие своего голоса:

— Наш господин, великий «царь царей», царь земли нашей Дарий Кадоман требует еще две тысячи талантов на нужды войны, которую ему приходится вести с армией греков.

Он нарочно нажал на слово «требуется». И по волнению согдийцев понял, что достиг желаемого.

— Чтобы набрать ему эти две тысячи талантов, нужно раздеть и обездолжить не только Согду и Бактрию, но и все земли, которые граничат с нами,— негромко сказал один из старейшин. И обратившись к седобородому князю Вахшунварте, спросил: — Или князь другого мнения?

— Мы внесли уже весь налог за два года вперед,— подтвердил согдийский князь.

— Вас разденешь! — выдохнул злобно Датафарн — начальник конного отряда, который прибыл к Бессу с последним посланием от «царя царей».

— Каждая собака лает у своих ворот,— заметил громко перс, который сидел рядом с Датафарном.

— Если бы вы ели мясо в своем доме,— вспыхнул Спитамен,— не пришлось бы теперь стучаться в чужие ворота.

Снова стало шумно. Бесс выждал некоторое время, снова призвал всех к молчанию, но это теперь удалось ему не так легко.

— О чем мы спорим? — крикнул Спитамен. — Нет у нас больше ничего. Так пусть и передадут царю: согдийцы выплатили все, что положено. И даже сверх того! — и добавил со смехом: — Не съест он нас ведь за это!

— Ты так уверен, что не съест? — с недоброй улыбкой спросил Датафарн.

— Уверен! — глянув на перса, ответил Спитамен. — Руки коротки, подрезал ему их сын Филиппа.

— Радость твоя — это радость изменника! — вскричал Датафарн, заливаясь краской гнева и хватаясь за меч.

Спитамен тоже вскочил на ноги и выхватил из ножен свой широкий меч, но его оттеснили старейшины. Один из них выступил вперед и обратился к Бессу:

— И земле, чтобы она плодоносила, после того, как соберут очередной урожай, дают отдохнуть.

— А мы сверх положенного собрали для царя еще триста талантов и не роптали, понимая, что это надо,— сказал негромко, но с достоинством Вахшунварта.

— Но война не кончилась,— сказал в ответ Верховный владыка.

— Она может не кончиться еще долгие годы,— в тон ему ответил один из бактрийцев.

— Может,— согласился Бесс миролюбиво.

Датафарн и тут не смог удержать своего удивленного возгласа:

— Я не понимаю ничего, о Бесс! — вскричал он, обращаясь к сатрапу.— Ты еще уговариваешь их?

— И потому я собрал всех вас в своем дворце,— будто не слышал его Верховный владыка.— Чтобы война быстро кончилась нашей победой, нужно не только золото, но и хорошее войско. Очень много золота и смелых воинов. И нам придется искать и то, и другое. Сбирать по крупинкам, кто сколько может, и я обещаю вам, что потом возвращу взятое втрое больше.

Он замолчал, перевел дыхание, взглядом приказав Датафарну молчать. И тот понял его, насупившись смотрел на Бесса, стараясь понять, куда он клонит.

— До тех пор, пока война не будет нами выиграна и греки все до одного не покинут нашу землю, мы будем воевать,— голос его окреп.— Царь сейчас попросил две тысячи талантов, через месяц ему понадобится еще, потом еще и еще, и мы будем давать и золото, и людей. Так велит наш долг!

Последние слова он произнес патетически громко. И Датафарн успокоился, сел на свое место.

— А если греки все-таки придут на нашу землю? — вкрадчиво спросил Вахшунварта.— Если они

снова и снова разобьют войско, которое мы соберем для царя, что тогда? Кто защитит нас, если к тому времени на нашей земле не останется мужчин, способных носить оружие?

— Всемогущий Ахурамазда не допустит этого! — воздев руки к небу, вскричал Датафарн.

— Ну, если только сам Ахурамазда не допустит, тогда, конечно, нам нечего опасаться! — с притворной смиренностью согласился старый князь.

Датафарн понял, что он издевается над ним. Глаза его свирепо засверкали, пальцы, сжимавшие рукоять меча, побелели от напряжения. Он задыхался от бешенства, чувствуя, что еще мгновение и он кинется на этих степных дикарей с обнаженным мечом!

Никто и никогда не смел с ним так говорить.

— Это случится! — прерывающимся голосом зарычал он. — Случится, если вы будете заниматься подобными разговорами, вместо того, чтобы защитить свою землю с оружием в руках.

— Свою или вашу? — раздался голос Спитамена.

— Если земля, на которой мы сейчас находимся, наша — то что вы здесь делаете? — взял себя в руки Датафарн. — Уходите, оставьте ее нам, чтобы мы знали, что можем рассчитывать только на себя.

— Вот и рассчитывай на себя, — крикнул кто-то из молодых воинов, которые пришли на совет вместе со Спитаменом.

Датафарн с кривой усмешкой оглядел сторонников Спитамена, задвинул меч в ножны и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Посмотрим, кого будут рожать согдийские женщины через несколько лет! И закономерно, если не осталось мужчин на этой земле.

Стало тихо. Слова Датафарна кольнули в самое сердце тех, кто собрался в зале. Гнетущая тишина охладила пыл противников, каждый вдруг подумал о

близких, о тех, кто остался дома, с невольным содроганием задал себе вопрос: «А вдруг Датафарн прав?.. Как отнесутся греки к коренному населению завоеванных земель? Не будет ли новое рабство хуже прежнего?.. Персов мы уже знаем, умеем с ними ладить, а что будет после них — это неизвестно!..»

Эти вопросы промелькнули в головах сомневающихся, и Спитамен почувствовал, что настала решающая минута, нужно сказать такое, что перевесило бы чашу весов. Он заметался внутренне в поисках нужных слов, но тщетно.

— Князь Вахшунварта прав! — нарушил тишину командир лучников из Бактры. По шрамам, которые бороздили его лицо, белели на шее и руках, было видно, что он немало видел на своем веку. И потому все замерли в ожидании. — Если греки все же победят и придут на нашу землю, и воины, и золото может понадобиться нам самим.

— Кто нам поможет, если это случится? — закричали несколько голосов одновременно.

— Это так.

— Золото — это все.

— Мы даже не сможем защитить своих жен и детей, если все отдадим Дарию!

— Я считаю, — повысил голос командир лучников, и снова все замолчали, — что мы тоже должны обороняться.

— Должны ли?

— Ты не согласен со мной, храбрый Спитамен? — обернулся к согдийцу удивленный бактриец.

— Об этом ли надо нам сейчас думать? — вопросом на вопрос ответил Спитамен.

Старейшины и князя недовольно зашикали на своего соратника, нервно зашевелились, отводя свои глаза от Бесса. Все почувствовали себя виноватыми, потому что Спитамен вслух сказал то, что думали в эту

минуту они, потому что он как бы вывернул наизнанку каждого, обнажил их тайное тайных, в чем они боялись признаться даже себе, скованные ложным стыдом и клятвами верности персидскому царю.

И почему, собственно, они должны защищать трон Дария? Чтобы он, как и прежде, имел над ними неограниченную власть, чтобы мог в любую секунду послать на плаху каждого и у каждого отобрать все, что ему приглянется — дом, жену, дочь или сестру?

Бесс внутренне похолодел, поняв, куда клонит Спитамен.

— Наш господин — Дарий Кадоман, получивший власть с благословения самого Ахурамазды, — попытался он снова овладеть положением, — может быть, и не всегда был прав, но он хотел одного — чтобы империя его ни в чем не нуждалась, чтобы враги обходили границы подвластных ему городов и селений.

От волнения во рту у него пересохло. Бесс перевел дыхание, с трудом проглотил слюну, закончил как можно увереннее:

— И мы все клялись ему в верности.

— Я не клялся! — громко сказал Спитамен.

— Предатель, — едва слышно прошипел Датафарн своему телохранителю. — Запомни его, ты знаешь, что надо делать.

Слуга кивнул:

— Я понял, господин.

Он сделал знак, и несколько человек из свиты царского посланника неслышно приблизились и встали за спиной своего господина.

— Пусть он объяснит нам свои слова, о Бесс! — крикнул Датафарн.

— Зачем объяснять то, что давно ясно каждому! — с вызовом ответил ему Спитамен. — Но если тебе хочется! — он встал, держа руку на рукоятке меча.

Две враждебные стороны схватились за мечи. Еще

секунда и полилась бы кровь, ничто и никто бы уже не смог остановить тех, кто еще вчера стояли плечом к плечу против внешнего врага. Вчера, но не сегодня.

— Остановитесь, братья!

Вахшунварта и седобородые старейшины встали между Датафарном и Спитаменом.

— Не торопитесь обнажать мечи. Придет время, и спор ваш рассудит честный бой во имя родной земли!

Вахшунварта насильно вложил меч Спитамена в ножны, усадил на место. Датафарн тоже повиновался молчаливому приказу Бесса.

— Я думаю, не только Датафарн, но и все мы хотели бы послушать, что ты имел в виду, бесстрашный Спитамен? — обратился через некоторое время Бесс к согдийскому князю.

— Дарий нам не господин! — заговорил Спитамен. — И ты сам это прекрасно знаешь, о Бесс. Знаешь, как мы относимся к тебе и твоим персам. Не мы пришли на вашу землю и установили свои порядки, а вы. Мы вынуждены обращаться к вам с вопросами, которые наши предки не доверяли никому. Вы судите нас по своим законам и считаете, что так и должно быть, что это веление самого Ахурамазды.

Не мы, о Бесс, собираем дань с вашей земли, превращаем в рабов ваших подданных за малейшие провинности, не мы уводим с собой лучших женщин, убиваем, когда кто-то отказывается подчиниться, а вы!

Вы считаете себя избранником бога, но вот пришел день, когда начала гореть земля под ногами ваших «бессмертных», когда вдруг оказалось, что армия «царя царей» не такая уж непобедимая, как вы старались убедить мир. Пришел никому не известный Александр и с горсточкой солдат развеял армию Дария, и теперь вы вспомнили, что мы братья! Собрали епархов, князей и старейшин, чтобы мы своими руками помогли вам еще туже затянуть петлю на нашей шее, так?

Спитамен недобро засмеялся, покачал головой:

— Или страх смутил твой рассудок, о Бесс! Или ты нас вообще за людей не считаешь! — крикнул он, обращаясь к товарищам.

— Это бунт! — вскочил Датафарн и выхватил меч. — Стража! Эй, стража, ко мне!

В зал начали стекаться вооруженные персы и охватывать кольцом обнаживших оружие сторонников Спитамена.

— Стойте! — резко поднялся Бесс.

Пантера тоже вскочила на ноги, зарычала, сверкая холодными зрачками.

Бесс властным движением отправил стражу назад, подождал, изобразил на лице подобие улыбки:

— Чем мы обидели тебя, брат Спитамен?

Спитамен хотел что-то ответить, но Бесс не дал ему сказать слова:

— Или мы отняли у тебя жену?.. Говорят, она отличается редкой красотой и умом, не так ли?.. Ты молчишь? Или кто-то ограбил твой дом, скажи? Обещаю, виновник понесет заслуженное наказание.

— Не обо мне речь, мудрый Бесс.

— Почему же не о тебе?.. Ты только что обвинил всех персов, что тебя лишили почестей и власти, которые тебе принадлежат от рождения!

— Не играй словами, о Бесс! — впыхнул Спитамен.

— А я — Верховный владыка земли Согды и Бактрии — говорю тебе, что Дарий Кадоман, данной ему от бога властью...

— Нет больше вашей власти над нами! — громко, с вызовом сказал Спитамен. — Сын Филиппа царь Александр — пусть воздаст ему за это владыка времени Эрвана! — наголову разбил непобедимую орду и положил конец ее безграничной власти!

— Прикажи, о Бесс! — заревел Датафарн. — Ты

владыка, наделенный неограниченной властью или... или...

Он не мог подыскать слово, которое бы не оскорбило достоинство родственника «царя царей»:

— Прикажи, и, если сам не можешь, я вырву поганый язык этого нечестивца!

— Иди сюда, и я покажу тебе, как рвать язык вместе с головой, — бросился на Датафарна Спитамен.

Все мгновенно расступились, превращая зал в арену. Датафарн — умелый воин: отбив несколько ударов согдийца, сам ринулся в атаку. Меч в его руках казался легкой игрушкой. Удары сыпались градом, но ни тот, ни другой не могли причинить вреда друг другу.

Бесс сделал знак, и стражники из внутренней охраны, преградив пространство копьями, разняли противников.

— Ты соскучился по крови, доблестный Спитамен? — обратился к согдийцу Бесс. Потом укоризненно покачал головой Датафарну. — И тебя я не узнаю, бесстрашный Датафарн! На радость наших врагов ты мог бы пролить кровь одного из лучших представителей древнего рода Согды?

Датафарн дрожащей рукой вложил меч в ножны, вытер пот с покатого лба.

— Я думаю, спор наш не кончен?

— Я тоже так считаю, — усмехнулся Спитамен. Потом обернулся к Бессу: — Довольно мы молчали, о Бесс! Никто не смеет оскорблять нас на нашей земле! Никто, слышишь, владыка! И ты, Датафарн, если тебе дорога жизнь, запомни мои слова!

— Запомню!

— Именем всемогущего Ахурамазды приказываю вам! — Бесс стукнул кулаком по столу, который стоял слева от кресла. — Забудьте обиды, забудьте,

что вы тут наговорили друг другу, как забыл твои слова я, Спитамен!

Бесс выждал некоторое время, давая остыть гневу, заговорил спокойно, растягивая в улыбке побелевшие губы:

— Прекрасное время выбрали вы для выяснения отношений! Разве для этого собрались мы в этом зале? Если вы уж так хотите, братья мои, обещаю вам... Пусть пройдет гроза, и я сам устрою вам торжественный поединок, на котором вы сможете доказать, кто на что способен. А победителю я выделю в награду мою любимую пантеру! — он засмеялся своей выдумке. — Согласны?..

Датафарн пристально посмотрел на Бесса, потом что-то тихо шепнул одному из своих слуг. Тот кивнул, попятился и исчез за высокими резными дверьми.

Ростан, внимательно следивший за посланником Дария, проводил глазами ушедшего и тоже незаметно покинул тронный зал.

— Я считаю, Спитамен прав, предлагая нам выждать, — заговорил Бесс. — Война может затянуться, и золото понадобится нам самим, когда греки захотят перейти Гиндукуш...

Спитамен не верил своим ушам, изумленно смотрел на сатрапа. Теперь ему стало ясно, куда он клонит, ясна его хитрая игра. Как же это он раньше не догадался! Конечно же, Бесс решил оставить Дария на произвол судьбы. Значит, если Дарий вдруг погибнет в сражении или попадет в руки врагов, остается он, Бесс!.. Бесс — «царь царей»!

— Но что ты ответишь своему царю, Бесс! — вскричал Датафарн. — Ты не посмеешь отказать ему в такое трудное время!.. Или ты вообще потерял голову, или...

Датафарн замолчал, затравленно тараща по сторонам глазами.

— Я думаю, наш господин, великий «царь царей» Дарий Кадоман обойдется и без нашего золота.

Он развел руками, закивал посланнику царя:

— Ты ведь слышал, что тут говорили епархи и князья? Нет у нас золота. Все, что было, мы внесли в царскую казну, — и, усмехнувшись, добавил: — Пусть потерпит, может, что потом и придумаем. А пока нет. Все.

Тучи рваными клочьями плыли по черному небу, наплывали на диск луны, замирали на мгновения, словно зацепившись за что-то, потом устремлялись дальше, в замкнутое пространство ночи, чтобы там, на самом конце, раствориться, умереть в лучах солнца.

Ростан потерял счет времени. Распластавшись на теплой земле, он вглядывался в темноту, откуда вот-вот должен был появиться вестовой Датафарна. Что он появится, Ростан не сомневался. Своими ушами слышал, что тот повезет Дарию срочное послание. А какое это должно было быть послание, догадаться нетрудно. Потому он и не сказал никому ни слова, решил сам встретить гонца.

Ждать ему пришлось довольно долго, и он уже начал беспокоиться: неужели ошибся, и перс поехал другой дорогой?

Ростан стиснул зубы, чтобы не застонать от обиды, стукнулся лбом о землю и в ту же секунду почувствовал — едет!

Он припал к земле ухом: сердце бешено заколотилось. Явно кто-то скакал на лошади.

Ростан поднял голову, прислушался. Теперь исчезли последние сомнения. Это был он. Всадник очень спешил.

Ростан спокойно валожил в лук стрелу и, устроившись поудобнее, стал ждать.

Это был действительно гонец Датафарна. Новости были плохие, и потому он все время погонял лошадь, не боясь загнать ее вконец. Главное, добраться до первого сторожевого пункта, где ему дадут свежего коня, и так до самого лагеря «царя царей».

«Гони!» — приказал Датафарн и сунул ему кошелек с золотом. И потому он гнал, мечтая только быстрее добраться до конечного пункта.

«Гони! Ты должен живым или мертвым добраться до царя и передать ему послание».

О, Великий и Всемогущий Ахурамазда! Я, твой жалкий раб, червь рода человеческого, заклинаю тебя: не оставь меня своим покровительством! Позволь еще раз увидеть порог родного дома, обнять детей, и тогда, клянусь всем, что у меня есть дорогого, я принесу в жертву тебе и твоим слугам кровь...

Но он так и не успел дочитать до конца свою молитву, и мы так и не узнаем, кровь скольких неверных хотел принести в жертву величайшему из богов гонец Датафарна. Медное жало стрелы впилось ему в шею и, разрывая жилы, вышло с другой стороны.

Будто налетев на невидимую преграду, всадник вскрикнул и повалился с лошади.

Ростан вышел из кустов и склонился над упавшим. Мертвенный свет луны осветил искаженное болью и мукой лицо перса.

Ростан ощупал одежду мертвого, вынул из-за пазухи небольшую восковую табличку, повернул, чтобы лунный свет падал на ее поверхность. Читать было трудно, он с трудом разбирал каракули Датафарна:

«Господин мой, повелитель земли и тех, кто на ней обитает, царь царей, царь над живыми и мертвыми!...»

Ростан не смог удержаться от смеха. «Царь над мертвыми!» Здорово сказано! Если он похоронен даже такими верными псами, то он уже мертв, «царь над мертвыми» — ха-ха-ха! Ну и ну!

«Спешу сообщить тебе — в твоих владениях свила гнездо измена. Подлый согдиец Спитамен и ему подобные открыто радовались, что проклятые греки направляются в сторону Согды и Бактрии. И еще они предлагают открыть ему ворота городов без всякого сопротивления. А еще спешу сообщить тебе, что перестал я верить этому хитрому Бессу, слишком он заигрывает с местными варварами, не задумал ли он что-то против твоей власти, великий царь? Спешу, если не хочешь потерять все. Остаюсь верным твоим рабом. Датафарн».

Ростан постоял, задумчиво глядя на безжизненное тело врага, еще раз пробежал глазами послание, не зная, что с ним сделать — то ли отвезти Спитамену, то ли уничтожить.

Уничтожить легче всего, но если Спитамен не поверит ему? А если он повезет послание, вдруг оно попадет в руки персам, что тогда?

Наконец, решившись, он достал стилет, тщательно срезал с таблички восковой слой, растер его по земле, словно опасаясь, что кто-то сможет собрать его и прочитать уже несуществующий текст, потом размахнулся и с силой швырнул дощечку далеко в кусты.

— Вот и все.

Ростан вернулся к своему коню, легко вскочил на него:

— Можешь быть спокоен, Спитамен. Дарий не получит послание, которое ждет...

5

Пушистый мягкий ворс приятно щекотал шею. Спитамен перевернулся на спину. На широком крупном лице его застыла добрая, даже немного растерянная улыбка. Гулрухсор чувствовала ее, даже не видя

лица мужа. Он всегда так улыбался, когда оставался с ней наедине.

Вот и сейчас она плавно кружила вокруг распластавшегося на ковре Спитамена, делая его любимым напиток из веток хаома. Легкий хмель этого напитка кружит голову, разгоняет кровь, и кажется, что тело теряет ощущение своего веса, становится легче дыма, дуновения ветерка, и ты несешься над землей, поднимаешься к тучам, потом еще выше, выше...

Тайну этого напитка передала ей мать, которая говорила, что настой не должен быть слишком крепким. Большая крепость делает мужчин безвольными, слабыми, капризными.

Пока она держала настой над огнем, чтобы он приобрел те качества, которые отличали ее напиток от приготовленного подругами, Гулрухсор чувствовала на себе взгляд мужа, ощущала всем своим существом, как взгляд этот ласкает ее тело, горячими волнами обволакивает ее всю, притягивает к себе. В такие минуты она ощущала, что земля начинает плыть под ногами, становится трудно дышать.

— Ох! — обернулась она к мужу, укоризненно покачала головой, стараясь сдержать счастливую улыбку. — Ну, что ты со мной делаешь, милый!

— Ничего не делаю, — засмеялся Спитамен. — Только смотрю на тебя и все!

— Не смотри на меня так, дорогой, — умоляюще попросила мужа Гулрухсор, томно и кокетливо повела обнаженными плечами.

— Почему?

— Мне тяжело! — говорила она, капризно надувая губы. И было видно, что говорит она это просто так, чтобы как-то скрыть свое смущение. — Я задыхаюсь, когда ты на меня так смотришь. Мне вдруг начинает не хватать воздуха.

— Значит, ты задыхаешься от моей любви?

— Нет, нет, что ты!

Гулрухсор подошла к мужу, держа в руках большую терракотовую чашу с напитком.

Грациозно наклонившись, она подала чашу Спитамену.

— Испей сей напиток, благословенный самим Ахурамаздой! Пусть он зажжет огонь в твоих жилах и изгонит тайную печаль, которая не дает покоя твоему сердцу!

— Гулрухсор.

— Да, мой повелитель!

Она опустилаcь на колени перед мужем. На ней было прозрачное воздушное платье из тончайших шелковых нитей, сквозь которое просвечивало молодое стройное тело.

Спитамен не выдержал, поднялся на локте, потянулся навстречу родному, зовущему с неодолимой силой существу. Но Гулрухсор засмеялась певуче, отпрянула назад:

— Сначала ты должен попробовать, не разучилась ли твоя жена древнему искусству, которое передается из поколения в поколение.

Спитамен послушно сделал несколько глотков, не сводя жадного взгляда со смеющегося лица жены.

Гулрухсор следила, как он пьет, склонив в трогательно-почтительном поклоне красивую головку. И только глаза, чуть раскосые, большие, бездонные, искрились хитринкой, выдавая под нарочитой покорностью истинную суть молодой женщины, в которой затаилась неуправляемая стихия, готовая в любое мгновение взорваться, вырваться наружу.

Но эта стихия, этот страшный огонь бездны, зажженный когда-то, при сотворении мира Анхра-Майнью, чтобы не слишком возносились мужчины в своих мечтах, считая себя избранниками бога, сейчас этот огонь только едва тлел где-то в глубине души женщины. И она

стояла перед мужчиной на коленях — покорная, ласковая, любящая, готовая исполнить и исполнять бесконечно самые безумные желания и капризы своего избранника, своего господина, своего мужа.

— Ты хочешь превратить меня в изнеженного перса? — сказал Спитамен, одной рукой обнимая жену за талию, другой поднося чашу к губам Гулрухсор.

— Все, что прекрасно, напоминает тебе о персах, почему?

Гулрухсор поставила чашу на ковер, положила голову мужа себе на колени.

— Ты мне не ответил.

— Не знаю, — закрыл глаза Спитамен. — Об одном я не перестаю думать — когда моя родина освободится, наконец, от этих рыскающих всюду ненасытных шакалов.

Он замолчал, чувствуя, как хмель приятно ударил в голову. Горячая волна стала растекаться в груди, распыляя жар по мельчайшим артериям. Гулрухсор осторожно высвободила ноги, прилегла рядом.

— Говорят, Александр рожден богом, — заговорила она через некоторое время.

Спитамен открыл глаза:

— Не знаю, кем рожден Александр, но что он великий воин — это бесспорно. Победы его говорят сами за себя.

— Этот великий воин скоро станет властелином мира, — неожиданно резко сказала Гулрухсор.

— Он уже почти стал им, — засмеялся Спитамен.

— Ты так спокойно говоришь об этом? — воскликнула Гулрухсор, снова сядя и пряча под себя ноги. — Неужели ты допустишь, чтобы неизвестно кто оттеснил тебя, когда ты сам можешь стать первым человеком во всей Согде?

— Во-первых, Александр не неизвестно кто, а

царь по своему рождению. И ты сама только что говорила, что он рожден богом, не так ли?

— Спитамен!

— И я не только допущу, чтобы он поскорее разбил персов, — он повернулся на бок, глаза его загорелись, — я готов всеми силами помогать царю греков, лишь бы земля моя была свободной.

Голос его зазвенел, стал неожиданно жестким и злым:

— Придет время, и персы заплатят за все наши унижения! Кровью своей заплатят!

Он замолчал, снова лег на спину и прикрыл глаза тыльной стороной правой руки. Гулрухсор осторожно погладила его по волосам, прижалась губами к могучей груди.

— За что ты так ненавидишь персов? Ведь Бесс всегда был с тобой ласков. Ты сам говорил, что он тебе ни в чем не отказывал. Мне даже казалось, что вы с ним почти друзья. Или я ошибаюсь?

Спитамен хмыкнул, убрал руку с глаз:

— Собака никогда не может быть другом волку, — сказал он. — В отличие от волка, у нее всегда есть хозяин, которому она лижет руки, даже если они делают ей больно. А ты... я тебя не понимаю!

— Хорошо, хорошо, — согласилась Гулрухсор. — Я глупая женщина, забудь о моих словах! Забудь обо всем! — жарко зашептала она, все крепче и крепче прижимаясь к нему всем телом, по которому заразительным ознобом пробежала мелкая дрожь.

Он сжал ее в крепких объятиях.

— Какое нам дело до персов, до греков, до их царя! — застонала она. — Главное — ты и я! Ты и я! Так?.. Скажи, ведь так, мой любимый, мой единственный, мой неповторимый Спитамен!..

Гулрухсор счастливо улыбалась, глядя на мужа, который лежал неподвижно с закрытыми глазами. Би-

серинки пота выступили на широком лбу. Она засмеялась, быстро смахнула их своей ладонью:

— Мой!.. Мой!.. Только мой! И никто не посмеет встать между нами!

— Разве может кто-то встать между нами, милая? — открыл глаза Спитамен.

— Уедем куда-нибудь, Спитамен?

— Куда?

— Куда угодно! В степь, в горы... куда угодно, только подальше от всех распрей — от персов, греков, никого не хочу видеть! Я боюсь! Чувствую, что надвигается какая-то беда, и боюсь! За тебя, за себя, что будет с нами, какое будущее нас ожидает?!

— Боюсь, что нас ожидает война! — вздохнул Спитамен. Лицо его потемнело. — Я тоже не знаю, какое будущее нас ожидает, но жить, как прежде, я уже не могу. И не хочу бежать; если зуб болит, его надо вырвать.

— Не выбирай друга из врагов, Спитамен!

— Греки разбили непобедимых персов. Они сделали то, о чем мы могли только мечтать, о чем мечтали и видели в своих снах наши деды и прадеды. И когда пришло время, ты вдруг призываешь меня бежать!

— Успокойся, Спитамен! — метнулась к нему Гулрухсор.

Но Спитамен мягко отстранил жену, некоторое время пытливо всматривался в дорогие ему черты, словно хотел прочесть в ее глазах нечто для него тайное, ускользающее от понимания. Гулрухсор выдержала этот тяжелый взгляд, женским инстинктом почувствовав, что в эти мгновения в Спитамене идет непонятная для нее борьба, и когда глаза его снова потеплели, затрепетала облегченно.

— О чем ты подумал сейчас, Спитамен?

Он погладил ее по руке.

— Скажи мне, Гулрухсор, ты по-прежнему веришь мне и пойдешь за мной, куда бы я тебя ни повел?

— Спитамен! — воскликнула изумленная женщина, пытаюсь вскочить.

Но руки мужа властно удержали ее на месте.

— Готова ли ты по-прежнему делить со мной все, чем может испытать нас владычица живых и мертвых всеильная Анахит?

— Зачем ты спрашиваешь меня об этом, Спитамен? — встревожилась Гулрухсор. Сердце ее бешено заколотилось. — Разве я дала повод усомниться в своей любви? Разве ты можешь упрекнуть свою жену в чем-то недозволенном, что может бросить тень на твой род?

Спитамен слушал взволнованный голос жены и только грустно качал головой.

— Не то, милая! Не то!

— Разве не породнил нас священный огонь! — продолжала с жаром Гулрухсор. Голос ее звенел. Глаза вспыхивали недобрым пламенем, но тут же снова становились умоляюще покорными, когда любящий взгляд Спитамена останавливался на ее лице. — Разве не благословил нас именем Великого Саошинта Верховный старейшина твоего рода?

Спитамен улыбнулся и снова покачал головой:

— Я ни в чем не обвиняю тебя, милая моя Гулрухсор.

— Тогда почему вдруг ты спросил меня, пойду ли я за тобой? Значит, ты не веришь своей жене!

— Потому, — негромко рассмеялся Спитамен, — что иногда мне кажется — я верю тебе больше, чем самому себе! А если так...

— Ну и что? — тоже засмеялась Гулрухсор. — Я тоже верю тебе больше, гораздо больше, чем себе! И если ты скажешь мне «умри», я умру, потому что

буду знать — ты не можешь сказать просто так. Раз ты решил, значит, так надо!

— Гулрухсор!

— Поверь, все будет хорошо. Я знаю, все будет так, как ты захочешь. Все! Иначе и быть не может, потому что тебе покровительствуют боги. И никто — ни Дарий, ни Бесс, ни Александр не в силах изменить то, что предназначено свыше.

— Мы должны объединиться с греками! — не то с горечью, не то с упреком воскликнул Спитамен. — Иначе нам никогда не сбросить иго Ахеменидов!

— Ты сам говорил — неосторожная мышь всегда в конце концов станет добычей кошки.

— Лучше вовремя взять хворостинку, чем ждать, когда и дубинка не поможет.

— Ты ли говоришь эти слова, Спитамен? — воскликнула Гулрухсор. — Я не узнаю своего мужа!

Холодные искры сверкнули в глазах Спитамена.

— Он может думать о чем-то большем, чем о своей жене! — круто сменила тему Гулрухсор. — Неужели стала такой старой?

— Гулрухсор! — укоризненно попросил ее Спитамен.

— Да, да, да! — капризно запротестовала она, вскидывая гордую голову. Как все женщины, она почувствовала, что гроза миновала и теперь снова можно было продолжить игру, понятную им обоим. — Мы говорим о греках, о персах, обо всем, кроме нашей любви. Я не права, любимый?

Спитамен не ответил, понимая, что вопрос задан просто так. На него не отвечают. Она знает о силе его любви, и потому только смотрел, улыбаясь, на жену. И она тоже улыбалась, читая в его глазах любовь к себе: нежную, беспредельную, которую невозможно выказать словами. Ее можно только почувствовать сердцем, таким же глубоко любящим, беспредельно

верным. И Гулрухсор вдруг ощутила в себе такую бурю благодарности, такой океан нежности к этому сильному человеку, что на мгновение испугалась своего чувства, которому стало нестерпимо тесно в оболочке ее маленького тела и которое рвалось наружу.казалось, еще немного — и оно разорвет ее на части.

— Понимаю, понимаю тебя, мой Спитамен! — заговорила она, пробуя успокоить дрожь в голосе. — Я думаю, Александр оценит по достоинству твою преданность и наградит так, как подобает царю, победителю, который покорил уже половину мира?

Она хотела еще сказать что-то, но Спитамен остановил ее, сжав крепко руку.

— Гулрухсор.

— Я тебя слушаю, милый.

— Поклянись мне.

— Ты мне не веришь?

Густые брови ее сошлись на переносице, лицо стало обиженным от недоверия, которое, как ей показалось, испытывает к ней единственно дорогой в этом мире человек.

— Верю! — твердо ответил Спитамен, понимая ее оскорбленное самолюбие. — Верю, но хочу услышать.

— Хорошо, — согласилась вдруг Гулрухсор смиренно.

Она откинула со лба рассыпавшиеся волосы на плечи, выпрямилась, складывая под собой ноги и садясь на них, как перед жертвенником:

— Слушай же!.. — глаза ее мрачно смотрели куда-то в пространство, доступное только воспаленному воображению. — Я... Гулрухсор... жена и хранительница огня в очаге дома Спитамена, клянусь тебе, мой муж, мой друг, мой повелитель, клянусь владычицей земли, воды, неба и всего живого, повелительницей любви Анахит, что буду с тобой, Спитамен, всегда и всюду, до самой смерти! — она перевела дыхание. —

Клянусь, что душа моя будет в твоей власти, равно как и тело мое, и дыхание! Еще клянусь, если суждено будет тебе уйти в черное царство Анхра-Майню раньше, чем моя душа покинет эту землю, мои руки прокроют твои глаза, расчешут твои волосы перед дальней дорогой в мир вечного холода и бесконечности! Клянусь — только мои глаза, мое лицо увидишь ты перед собой в последнюю твою минуту, о чем прошу и тебя, если подобное случится раньше со мной!

— Клянусь! — торжественно произнес Спитамен.

— А если я не выполню свою клятву, если что-то помешает мне исполнить свой долг, пусть покарает меня всемогущая Анахит и бог над богами всеильный и всеведающий Ахурамазда! Пусть я не буду знать покоя ни в этой, ни во всех других жизнях!

Она замолчала. Краска медленно оживила побелевшее лицо. Подняла глаза на мужа:

— Ты доволен?

— Я прикажу сегодня же, с заходом солнца принести в жертву Анахит моего Скунху! — выдохнул Спитамен.

— Любимого Скунху? Ты шутишь!

— Я так сказал, — повторил Спитамен. И добавил, улыбнувшись: — Пусть кровь моего коня скрепит наши клятвы.

В шатер вошел слуга с огромным блюдом зажаренного на костре мяса молодого барашка.

— С тобой что-то происходит, Спитамен, — сказала Гулрухсор, когда слуга вышел.

Спитамен молча отрезал кусок мяса, насадил на нож и протянул жене.

— Не хочу, — покачала головой она.

Слуга принес кувшин легкого вина, две небольшие чашки из терракоты и так же молча удался.

— Открой мне свое сердце, не мучай себя и ме-

ня, — взмолилась Гулрухсор, с тревогой вглядываясь в задумчивое лицо мужа.

— Сегодня, после совета, Бесс предложил мне стать сатрапом Согды.

— Сатрапом? — Гулрухсор привскочила от изумления, но тут же снова опустилась на колени перед мужем, ожидая разъяснения.

— Ты не ослышалась, — сказал Спитамен, принимаясь за мясо. Потом налил себе вина, сделал несколько больших глотков.

— Значит, Бесс отдает тебе Согду, чтобы самому стать... — медленно рассуждала Гулрухсор, глядя на занятого едой мужа. — Он хочет занять трон Дария?

— Ты очень догадлива, — усмехнулся Спитамен.

— Но кто позволит ему сесть на трон Ахеменидов?

— Бесс далекий родственник Дария Кадомана и по праву может претендовать на трон, если нет прямых наследников.

— Но ведь царь жив? — Гулрухсор никак не могла представить себе Бесса на персидском троне. — Не ужели он решил...

— Убить своего родственника и объявить себя царем, — договорил за нее Спитамен.

— Бесс — «царь царей»?

— И ему нужна моя помощь.

— Твоя конница.

— И конница тоже, — подтвердил Спитамен. — Но главное в его планах другое, нежели моя конница, ты ведь знаешь — отряд у меня небольшой. Особой опасности он не представляет.

— Если ты будешь на стороне Бесса и одобришь его планы, — продолжала развивать свою догадку Гулрухсор, — за тобой пойдут и другие князья Согды. Спитамен кивнул.

— Теперь ты понимаешь, почему Бесс предложил мне стать сатрапом.

Он вытер руки, снова налил себе вина, но не стал пить, замер с чашкой в руке.

— С остальными ему, действительно, договориться потом было бы намного легче.

— И ты не согласился?

— Ты снова угадала.

— Но почему? — с болью воскликнула Гулрухсор, тут же поняв, какая опасность нависла над мужем. — Теперь, когда ты знаешь его планы и отказался поддержать их, ты стал открыто его врагом?

— Тебе страшно? — улыбнулся Спитамен ее горючести.

— Ты знаешь, когда ты со мной, мне ничего не страшно. Но как ты не подумал, что теперь Бесс сделает все возможное, чтобы избавиться от такого свидетеля, как ты! Если даже ты откроешь все Датафарну и объединишься с ним...

— Датафарна нет в живых! — перебил ее Спитамен. — Сразу после совета, когда он отказался признать права Бесса на трон Ахеменидов, нож палача перерезал ему горло. Мои люди были начеку, потому со мной бы ему так легко не расправиться.

— Но казнил же он посланника Дария? — не могла прийти в себя Гулрухсор.

— Это он бы сделал, сделавшись «царем царей». Сатрап из местной знати нужен только на первых порах, пока власть не окрепла.

— И все-таки тебе надо было согласиться, — задумчиво сказала Гулрухсор. — Хотя бы для вида.

— Ты меня знаешь! — удивленно посмотрел на жену Спитамен.

— Объявил бы тебя сатрапом, а потом неизвестно — чья бы голова слетела раньше, — усмехнулась Гулрухсор. — Врагов у новоявленного царя будет

больше, чем звезд на небе. И ты забыл, что он пока еще на нашей земле, а стань ты сатрапом, и не было бы необходимости воевать за свободу. Все произошло бы само собой.

— Все это так, но ты забыла о том, что я из рода Спитаменов.

— Спитамен, я не хотела тебя обидеть! — воскликнула Гулрухсор.

— Я воин, а не тайный убийца.

— Но ты сам говорил об объединении с греками, — с улыбкой ответила Гулрухсор, невинно глядя в глаза мужу.

— Это так, но ты, — смешался Спитамен. — Что предлагаешь ты? Ты хотела бы, чтобы я пачкал свой меч, который всегда вынимался предками только в честном бою!

— Смерть Дария была бы лучшим доказательством твоего дружелюбия к царю греков.

— Повторяю! — мрачно сказал Спитамен. — Я воин, а не убийца. И никогда не сделаю того, что легло бы тенью на честь моего рода!

Он опустил глаза, чтобы не выдать своего гнева. Но Гулрухсор и сама поняла, что потребовала слишком многого.

— Значит, Бесс решил объявить себя царем! — заговорила она снова через некоторое время.

— Он уже объявил себя им.

— Уже? — вскричала Гулрухсор.

— И даже принял новое имя, — сказал Спитамен. — Артаксеркс.

— При живом царе?

— Это дело самих персов, — устало закрыл глаза Спитамен. — И не будем об этом больше. Я хочу спать. Завтра очень много дел, которые нужно решать срочно.

Через несколько минут он уже спал крепким сном. А Гулрухсор все так же сидела рядом, вслушиваясь

в его ровное дыхание, смотрела на спящего мужа, и рассеянная улыбка блуждала на ее тонком, красивом лице.

6

Тридцатипятитысячная армия Александра расположилась на отдых у подножия Гиндукуша. За один переход солдаты прошли более тридцати стадиев по безводной холмистой местности. Солдаты устали, и Александр разрешил сделать привал. К тому же уже начало смеркаться. А переходить ночью горы было опасно.

На следующий день молодой царь проснулся задолго до рассвета. И потом лежал с открытыми глазами, вспоминая родное небо Македонии, мать, которую неизвестно придется ли еще раз ему увидеть.

Рядом, за тонкой перегородкой его походной палатки, словно почувствовав, что хозяин проснулся, но неизвестно почему не встает, коротко заржал Букефал.

Александр улыбнулся тонкому чутью своего любимого коня, свистнул едва слышно, успокаивая его. В ответ Букефал зафыркал, заскреб копытом о землю, призывая хозяина хотя бы выглянуть из палатки.

Царь перевернулся на живот, приподнял полог, высунул руку. Букефал прикоснулся к ней своим влажным холодным носом, попробовал сунуть голову в палатку. Александр засмеялся беззвучно, втаскивая руку обратно и вновь переворачиваясь на спину. Ему вспомнился тот далекий день, когда он впервые увидел коня.

...Сын царя Филиппа только-только встретил свою четырнадцатую весну. Но юношей он уже твердо за-

воевал себе славу не по годам развитого и одаренного мальчика. Из уст в уста передавали, как он принял послов персидского царя в отсутствие своего отца.

Проведя некоторое время в беседе с юным наследником царя Македонии, послы не могли скрыть своего восхищения Александром, который часто ставил гостей в тупик своими вопросами: сколько тратит «царь царей» на содержание своего войска, чем они вооружены, какова численность всадников, как обращается Дарий Кадоман со своими друзьями, как живет народ, подвластный персам?.. Круг вопросов, которые затрагивал юноша, удивлял и восхищал послов, которые даже в мыслях не могли себе представить, что разговаривают с тем, кто положит конец могущественной династии Ахеменидов. Но потом все же уехали с твердым мнением, что прославленные способности царя Филиппа меркнут перед величием замыслов и стремлений его сына.

Именно в это время какой-то заезжий фессалийский купец предложил македонскому царю за тринадцать талантов необъезженного жеребца. Конь тут же покори́л всех своей красотой, но оказался слишком диким и неукротимым. Никому не позволял он не то что сесть верхом, даже приблизиться к нему было невозможно.

— Оставь себе этого вороного! — в сердцах сказал царь Македонии, видя, что коня невозможно объездить. Он повернулся, чтобы уйти, но его остановил смех Александра.

— Какого коня теряет царь из-за трусости и неловкости слуг, — воскликнул Александр, до этого с иронической улыбкой наблюдавший за безуспешными попытками усмирить жеребца. Только когда он услышал решение отца, не смог сдержать своей издевки.

— Ты упрекаешь старших, будто сам можешь сде-

лать то, что не удастся им! — рассердился царь Македонии.

— С этим Быкоглавым, по крайней мере, я справился бы лучше их! — высокомерно заявил мальчик, глядя на отца.

— А если не справишься? — царь все больше удивлялся дерзости своего сына. — Какое наказание придумаешь ты себе сам?

— Клянусь Зевсом, я готов к любому наказанию, какое выберешь ты, царь! — бесстрашно ответил Александр. — Но в любом случае я готов сам заплатить хозяину стоимость его коня.

Филипп отступил и, дав дорогу, указал на коня.

— Посмотрим, так ли ты ловок, как умеешь говорить.

Александр приблизился к жеребцу, встал лицом к солнцу. Конь не сводил с мальчика настороженных глаз.

— Если справишься с Быкоглавым, он твой, — подстегнул сына голос царя...

И потом, когда мальчик возвратился к царской свите на усмирённом коне — раскрасневшийся, гордый и ликующий сознанием своей победы, царь смахнул слезу гордости за сына, поцеловал его и сказал, как бы предвидя его великое будущее:

— Тебе нужно искать царство по себе, сын мой. Македония для тебя слишком мала!..

Александр рывком поднялся на ноги, сделал несколько упражнений, разминая отдохнувшее за ночь тело.

Букефал все так же фыркал и стучал копытами. Александр откинул полог палатки и вышел на свежий воздух. Повинуясь многолетней привычке, он подошел к коню, быстро осмотрел его. Букефал покорно поворачивался к хозяину боками, точно понимая

значимость осмотра. Одно из копыт Букефала было сильно ушиблено в последнем бою, рана затянулась, но еще не зажила.

— Потерпи немного, — погладил коня царь. — Рано пока тебе в строй.

Букефал заржал обиженно, положил голову на плечо Александру.

— Ну, ну! — улыбнулся он коню. — Ты же у меня все понимаешь.

И конь действительно понял его, покорно замолчал, давая хозяину пройти к жеребцу, который был привязан чуть в стороне от палатки.

Александр жалел коня и потому садился на него, только когда шел в сражение. В другое же время он ездил на более смирном жеребце — крупном, в серых и белых яблоках, принадлежавшем некогда одному из полководцев Дария Кадомана.

Букефал снова склонился над охапкой свежей горной травы, которую ему приносили по утрам специально с добавлением лечебных кореньев, чтобы быстрее восстановились его силы.

Вскочив на жеребца, Александр поскакал по лагерю.

Был месяц скирофорион¹, но густая зеленая трава здесь не была сожжена жарой. Наоборот, солнце словно прибавило ей сочности.

Темно-зеленые сосны начинались совсем неподалеку от лагеря, и по утрам сильный хвойный аромат плыл над длинными рядами повозок, над выгоревшими пыльными палатками, невозмутимыми часовыми, хорошо знающими свое дело.

— Интересное увидел? — спросил царь, останавливая коня возле одного из часовых, который всматривался куда-то вдаль.

¹ Скирофорион — аттический месяц, включает июнь и первую половину июля.

— Богатая земля, — ответил восторженно тот. — Столько здесь диких баранов бродит! Пробовал считать, да куда там... на второй тысяче бросил.

В это время и Александр увидел, как на одном из горных выступов замер на фоне бескрайней голубизны чистого неба горный козел — архар. Он стоял на головокружительной высоте, прекрасный в своем одиночестве, как хозяин этих мест, обозревая свои владения, и его совсем не смущали люди, которые копошились внизу, занятые своими делами. Вот он прыгнул и исчез, и будто не было его.

Александр пустил коня, продолжая утренний объезд. Здесь, у подножия гор, даже в самое жаркое лето, когда долины задыхались от зноя, когда безжалостное солнце высушивало колодцы и родники, когда вместо озер пастухов встречало потрескавшееся мертвое дно, здесь было прохладно.

Быстрая река, бежавшая в полустадии от царского шатра, давала холодную воду, от которой, если ее начать пить, сразу начинало ломить зубы.

Как непохожа была эта суровая, дикая красота, этот остроконечный выступ, на котором Александр видел архара, — словно рог окаменевшего сказочного животного, эта река с ее упругими, прозрачными струями — как непохоже это было на все, что окружало греков и македонцев, пришедших с неугомонным Александром, там, в родной Элладе!

Белые, сияющие вершины вдали, что величаво высились там, куда устремлялось войско Александра, невольно внушали почтение самым суровым и закаленным солдатам. А над всем этим, купаясь в воздушных невидимых струях, парили в вышине крупные, сильные птицы: бородачи-ягнятники, орлы и черные грифы.

Несмотря на ранний час, у палаток кипела работа. Там, где расположились отряды тяжелой конни-

цы — гетайров — воины по одному, по двое вели лошадей на водопой, осматривали копыта, готовили к тяжелому переходу через горы. Копьеносцы чистили и точили наконечники, чтобы они горели в лучах солнца, навевая страх на врагов. Возле палаток дымились горны и слышался мерный перестук молотков — это работали кузнецы и плотники, переплавляя страшные серповидные персидские колесницы в короткие спартанские кольчуги.

Взобравшись на выступающую над обрывом скалу, Александр оглянулся, спрыгнул с коня и бросил поводья подбежавшему солдату охраны. Наверх, к тому месту, где он стоял, уже лезли его верные товарищи.

— Хайре, великий Александр!

Первым оказался рядом Маред — командир отдельного отряда легкой пехоты, которого Александр любил за безудержную отвагу.

— Рад тебя видеть! — засмеялся Александр, наблюдая, как за Маредом карабкаются на скалу Клит, Птолемей, Фарнух и несколько других младших офицеров.

Он отвернулся, жадными глазами обзревая окрестности: прямо по горизонту дымились костры его солдат, справа и слева склоны, которые были покрыты густыми хвойными лесами. А внизу, на дне глубокой впадины, синеватой лентой извивалась горная река.

— Вот мы и добрались до тебя, земля Согды! — пршептал Александр, восхищенный видом, который открылся его взору. И вдруг крикнул изо всех сил.

— Сог-диа-а-на-а!

«А-а-а-а!» — разнесло эхо могучий крик царя.

«А-а-а-а!» — несло все дальше и дальше по скалам, к покрытой густой зелению и подернутой ранней дымкой долине, которая расстилалась там, далеко внизу, куда убегал бурный капризный поток.

— Ты помнишь, Клит, — обратился Александр к

своему товарищу, — что сказал когда-то Исократ об этой земле?

— Я солдат, царь! — с грубой прямоотой ответил тот. — Философствовать — дело скорее царей, нежели таких, как я.

Клит смотрел вниз, гордясь своим правом разговаривать с царем, как с равным. И это свое право он всячески подчеркивал перед остальными.

Александр недовольно поморщился, но, как всегда, ничего не сказал по этому поводу. Он любил Клита. Любил за его бесстрашие, верность и потому прощал даже то, что другим могло стоить жизни.

— Как ты говоришь с царем, Клит! — одернул его Маред.

Но Александр взглядом остановил его, обернулся к Клиту:

— А зря! — он заговорил нарочито иронично, подчеркивая всем видом и тоном высоту своего положения. — Эллин должен не только владеть оружием, но и словом. Это его и отличает от остальных варваров.

— Но не словами ты расправляешься со своими врагами, мечи твоих солдат приносят тебе победу за победой, — отпарировал Клит.

— Когда-то один из мудрецов предсказал Филиппу власть над всем миром, — сказал Александр, обращаясь к друзьям, которые старались оттеснить Клита, скрыть его спинами. — Но он подчеркнул при этом, что если греки мечтают победить персов, то они должны перенести войну в Азию, а счастье Азии — к себе, иначе победы им не видать.

— И он был прав, клянусь Гераклом! — вскричал Маред.

Александр посмотрел на своего товарища, непомерное высокомерие которого последнее время стало переходить границы дозволенного.

— Эти же слова мне часто повторяла мать, —

медленно сказал царь. — Мудрая женщина — она понимала, что нельзя считаться полновластным владыкой, имея такого врага, как царь персов.

— И к тому же у нее были свои счеты с варварами, — усмехнулся Клит. — Ведь они помогли твоей матери овдоветь раньше времени.

Александр впился остановившимся взглядом в лицо македонца, стараясь понять, что кроется за его словами — искренне сожалеет тот о смерти царя Филиппа или намекает на правдивость слухов, в которых злоязычники обвиняли Александра, якобы знавшего о заговоре, но не помешавшего, а даже наоборот — сделавшего возможное, чтобы преступление свершилось.

Безмятежное лицо храброго воина успокоило молодого царя, который с жалостью подумал об одиночестве матери, окруженной тайными врагами в своем дворце. Конечно, пока он жив, никто не посмеет поднять на нее руку, но неисповедимы пути войны, на которые он стал по своей воле и с которых теперь не в силах сойти.

С годами он все более начинал понимать мудрость матери. Даже в том, что она утверждала, будто не Филипп истинный отец Александра, приводя в гнев своего мужа, а сам бог спустился к ней спящей и зачал будущего властелина мира, был какой-то известный только ей смысл. И она очень спокойно восприняла весть о разводе, когда царь решил жениться на другой. И теперь ей нужно было быть постоянно настороже, потому что у новой царицы вскоре мог появиться наследник на царский престол, и тогда жизнь Александра была бы в опасности.

Да, Олимпиада самозабвенно служила своему сыну, предсказывая ему необыкновенное будущее. Она окружила его дом стражей, и даже друзья могли попасть к нему, лишь получив дозволение царицы.

— Она поистине великая женщина, — сказал Алек-

сандр, стараясь вспомнить ее лицо. Но это никак ему не удавалось, и он чувствовал себя виноватым перед матерью, которой не может отплатить даже такой малостью. — Ради меня она не испугалась поступиться даже своим женским счастьем, удалилась в изгнание, оставив трон, принадлежащий ей по праву.

— Жаль, что она не может видеть, как ее сын...

— Сын царя Филиппа, Клит, — прервал его Фарнух, сверля раскосыми глазами царского любимца. — Я, думаю, так надо говорить, когда имеешь в виду победителя «царя царей».

— Жаль, что она не могла видеть, — с вызовом повторил Клит, глянув насмешливо на командира отряда пращников, — как бежала от нас хваленая армия непобедимого Дария. Или ты хочешь сказать нам что-то против?

Шрам на щеке Фарнуха дрогнул. Но тут Александр поспешил примирить военачальников.

— Надо отдать должное варварам, которые входили в армию персов. Сражались они, как настоящие воины.

— Они сражались против своей воли, — горячо заговорил Фарнух, обращаясь к царю. — Стоит тебе только захотеть, и они тут же станут твоими союзниками, великий Александр!

— Какое же волшебное слово должен им сказать царь Александр? — засмеялся Птолемей Лаг.

— Пока еще они видят в нас освободителей, — ответил Фарнух, не замечая насмешки товарища. — И если царь пообещает им свободу, они сами распахнут перед нами ворота своих городов.

Александр метнул на командира пращников снисходительный взгляд. Все знали, что мать Фарнуха родилась где-то в этих местах и попала в Грецию в числе невольниц, которых привезли с собой греки-наемники, служившие у персидского царя. Но, незаурядная жен-

щина, она быстро освоила знания и привычки греков, разбогатела, став одной из известнейших гетер, дала прекрасное образование своему сыну, которому перед началом опасного похода открыла тайну его рождения.

— Кровь заговорила? — засмеялся царь.

— Или ты думаешь, что мы пришли на эту землю исключительно из-за благородного желания освободить народы из-под власти Дария? — спросил Клит.

— Я бы тебе советовал помнить, дорогой Фарнух, что в тебе течет вместе с материнской кровью благородная кровь эллина! — добродушно посоветовал Птолемей Лаг.

— Я своего происхождения никогда не скрывал, даже когда пришел на службу к тебе, мудрый Александр! — с достоинством ответил Фарнух.

— Тебя никто и не обвиняет, дорогой Фарнух, — улыбнулся царь. — И может быть, ты прав, говоря о мужестве народа, который живет на этой земле. Но сейчас идет война, и потому любое отклонение от правил этой жестокой игры тут же будет воспринято, как слабость, как то, что наши силы на исходе. Ты понимаешь, что тогда может произойти?

Фарнух задумался, прямо посмотрел в глаза царю:

— Ты велик, царь! Я уничтожен твоим великодушием и предвиденьем событий, знать о которых не дано простому смертному, — признал Фарнух правоту Александра.

— И еще я скажу тебе, Фарнух, — даже не скрывая своего презрения к нему, сказал Клит. — Те, с кем мы сейчас воюем, никогда не были и не могут быть настоящими воинами. Потому что им неизвестно, что такое свобода. Они привыкли быть рабами и жить согласно воле своего господина.

— Ты так уверен в том, что говоришь, Клит?

— Да! — поддел Фарнуха македонец. — И еще в том я уверен, что твои соплеменники с большой радостью сменят одного господина на другого!

В это время к ним подбежал Аристан, молодой юноша из знатной македонской семьи. Он был при царе в роли связного, передавал приказы командирам отрядов во время сражения.

— Прости меня, мой царь, — обратился он к Александру. — В лагерь прибыли послы, которые хотят видеть тебя.

— Послы? Где они?

— Ждут возле твоего шатра.

Александр удивленно посмотрел на Аристана.

— Они не посмели беспокоить тебя, — ответил Аристан на его немой вопрос. — И ждут, когда ты соизволишь их принять.

— Ну, что же, друзья! — обратился царь к своим военачальникам, приглашая их следовать за собой. — Выслушаем, что нам хотят предложить гости, — и обратившись к Аристану, спросил, сбегая по откосу: — Ты хоть успел спросить — кто они, с чем явились?

— Нет, мой царь, — сконфуженно отвечал Аристан, едва поспевая за Александром. — Но если судить по одежде, — это саки. Наверное, будут молить о дружбе, как и другие до них.

— Ты думаешь, — это какой-то маневр, царь Александр? — догнал его Птолемей Лаг.

— Не знаю, — задумался победитель персов. — Но недаром Геродот предостерегал от хитрости и коварства неукротимых скифов и саков.

Аристан отстал от них, и его тут же нагнал Клит. Некоторое время они молча шли за царем и Птолемеем, каждый занятый своими мыслями. Потом Клит остановился, взял за руку юношу:

— Ты стал слишком послушен, Аристан.

— Что делать, — попробовал отшутиться тот. —

Сын Филиппа начинает чувствовать вкус к настоящей власти.

— То ли еще будет, — покачал головой Клит.

— Кто его знает, — уклонился от ответа Аристан. Потом, заметив, как потемнело лицо товарища, сказал виноватым тоном: — Видимо, многоопытная в подобном деле Олимпиада сильно преуспела в своих учениях.

Клит удивленно посмотрел на юношу.

— Она пишет царю так часто, — засмеялся гот, — что он не успевает отвечать, и мне приходится это делать за него.

— Что-нибудь интересное?

— Не то чтобы очень, но...

— Говори, Аристан, нас никто не слышит, — больно сжал его ладонь Клит.

— Александр, мне кажется, и сам начинает верить в свое божественное происхождение.

— Только глупец может поверить в подобную ерунду! — воскликнул Клит.

— Но Александр далеко не таков!

— В том-то и дело! — с болью согласился с юношей македонянин. — Он очень изменился за последний год.

— Его победы вскружили бы голову и не такому человеку, а Александр...

— Но мы — эллины, слышишь, Аристан! — горячо заговорил Клит, прервав его на полуслове. — И никогда! Никогда не склонимся перед кем бы то ни было из смертных, чтобы поцеловать ему руку!

— Ты прав, Клит! — хитро улыбнулся Аристан. — Ты, конечно, прав, но...

Он замолчал, услышав, что кто-то приближается к ним. Оглянувшись, увидел Фарнуха, который прошел мимо, даже не глянув на них, занятый своими мыслями.

— Вот человек, которому будет хорошо везде, — сказал он, глядя вслед удаляющемуся командиру

пращников. И погрузнев, добавил: — Как я устал от этих бесконечных сражений, как хочется снова оказаться под родным небом милой сердцу Македонии.

— Рано ты себя стал хоронить, дорогой Аристан! — засмеялся натянуто Клит.

— Разве я себя хороню? — удивился юноша. — А сыну Филиппа, я думаю, все же можно руку поцеловать, если он хочет. На то он и Александр, и вряд ли другому под силу то, что он задумал и уже сделал!

И махнув рукой, как бы не желая больше говорить на подобную тему, быстро пошел вперед, догнал царя и, сказав ему что-то, повернул в сторону обоза, возле которого суетились солдаты, разбирая захваченную в сражениях добычу...

7

Эоситей, командир передового отряда македонской армии, подал знак, и несколько человек, поднявшись с земли, быстро перебежали пространство, которое отделяло их от стен крепости.

Затаив дыхание, следили товарищи за смельчаками, вызвавшимися первыми забраться на стену, убрать часовых и, в случае удачи, открыть ворота. Ночь, казалось, благоволила македонцам. Тучи заволокли небо, погрузив в мрак и крепость, и ударную группу Эоситея, и храбрецов, которые, слившись с каменной стеной, осторожно карабкались вверх.

Из-за туч вдруг вынырнул полумесяц и осветил прилегающую к крепости равнину.

Эоситей выругался беззвучно, впился глазами в товарищей, которые припали к каменным выступам. Воги были на стороне защитников города. Если часовые заметят их, все пропало. Придется придумывать что-то другое, а он уже послал царю донесение, что го-

род в его руках. А в том, что победа будет за ним, в этом он не сомневался. Слишком малочислен был гарнизон крепости. Внезапность атаки могла принести легкую победу. Но теперь, когда стал виден каждый куст на равнине, каждый камень на гладкой поверхности крепостной стены, когда обнаружить смельчаков не было никакой сложности, все, казалось, рухнуло.

Эоситей оглянулся на распластавшихся товарищей, снова посмотрел на стену, ожидая услышать сигнал тревоги в крепости в любую секунду. Но тревоги не было, спящая тишина окружала сторожевые вышки.

«Спят, как бараны!» — облегченно подумал командир отряда.

Ему казалось, прошло много часов с той минуты, когда последний из вызвавшихся проникнуть в город исчез наверху. И когда он почувствовал, что не может больше ждать, когда пришло решение самому испытать счастье и открыть ворота, скрипнули цепи, опуская подъемные ворота-мост, медленно поднялась тяжелая железная решетка.

Забились отважные сердца бывалых воинов. По знаку командира, который первым побежал к распахнутым воротам, ринулись за ним солдаты.

Еще успел на мгновение усомниться бывалый гвардеец Александра — не засада ли это? Почему не вышел никто ему навстречу? Но остановиться самому и задержать солдат было уже не под силу, и он крикнул, вселяя уверенность в товарищей и как бы ныряя в бездну:

— Вперед! Вперед, друзья! — размахивал он коротким спартанским мечом, разгоряченный мыслью о предстоящей битве. — Докажем еще раз, что не зря армию божественного Александра считают непобедимой! Вперед!

— Вперед! — гремели в ответ сотни могучих глоток.

— Смерть варварам!

Мысль о легкой победе, о богатой добыче, которую они найдут в городе, подогривала солдат.

Крики и звон мечей разлетались по сонным улицам.

Завыли собаки, усиливая переполох. Македонские солдаты с факелами в руках рассыпались по улочкам, поджигая дома, убивая всех, кто попадался им на пути.

На площади кто-то забил в барабан. Эоситей поморщился, прислушиваясь к сигналу тревоги, крикнул, остановив одного из солдат:

— Быстро! Заткни-ка глотку этому горлопану.

— Сделаю! — кивнул тот и растворился в темноте.

Но было поздно. Будто тысячи факелов вспыхнули разом и живым огнем начали стекаться со всех концов города к площади, на которой гремел и гремел барабан войны.

Жители хватали оружие, если оно было, если нет — устремлялись к лавкам оружейников, разбирали мечи, копья и секиры. Барабан войны звал их, и они готовились дорого продать свои жизни.

Эоситей не рассчитал своих сил. Последние победы сына Филиппа вскружили голову храброму солдату.

С гнетущим скрежетом поднялся мост, опустилась решетка.

— Назад! — крикнул Эоситей, поняв, какая опасность ожидает отряд. — Ко мне, ребята! Ко мне, храбрецы!

И, окруженный врагами, отражал удары, все так же призывая к себе соратников, оставшихся в живых и пытавшихся пробиться к своему командиру.

Но слишком многочисленны были враги, которые вашищали свой город, свои дома, своих близких. И слишком мало было тех, кто пришел незваным и решил навязать свою волю.

И когда Эсхитей понял, что отсюда им не выбраться живыми, что пришел их час, он издал боевой клич, с каким солдаты Александра шли в бой, и сам ринулся в гущу врагов, поражая встречных и в свою очередь получая удары.

Очень скоро с отрядом македонцев было покончено. Пленных не было. Раненые сражались наравне с остальными и потому их добивали на месте.

Победа осталась за жителями, но ей никто не радовался. Каждому было ясно — царь греков не простит им гибели своего отряда. А помощи им ждать не от кого.

И если раньше в городе находились трезвые головы, которые предлагали послать к Александру послов с просьбой о мире и дружбе, то теперь и они приумолкли. После сегодняшней ночи о мире не могло быть и речи.

Победа или смерть. Третьего не дано. Невозможно победить столь могущественного врага, перед которым не устояла даже армия «потрясателя вселенной», и им оставалось только одно — умереть, но так, чтобы враг как можно дорожке заплатил за свою победу.

Александр был разъярен. Глаза его сверкали жаждой мести, искали, на ком бы вылить свой гнев.

— Они посмели поднять оружие на моих воинов!

— Я говорил, — осторожно заметил Клит. — С варварами нельзя говорить иначе, чем мечом. Теперь ты сам убедился, нельзя доверять их хитрым речам и обещаниям.

— Ничего! — стукнул кулаком по подлокотнику золотого трона царь. — Недолго они будут праздновать свою победу.

— Парменион выступил, как только получил твой приказ, — доложил Птолемей Лаг.

— Они закрылись в крепости, не думая о том, что

она стала для них глухой мышеловкой; — насмешливо бросил Клит.

— Ты прав, Клит! — выдохнул Александр. — Нельзя ни в чем потакать варварам, пока не будут снесены все крепостные стены, пока они могут держать в руках оружие! Я покажу им, что значит убивать безнаказанно моих лучших воинов, и горе тому, кто попробует просить о помиловании кого бы то ни было, пока я не буду сыт мщением! Все слышали мои слова?

Фарнух благоразумно отвел взгляд. Но тут вперед выступил Аристан.

— Стоит ли поддаваться первому всплеску гнева, о царь?

— Это говоришь ты, Аристан? — не смог сдержать своего удивления Клит.

— Эситей приходился тебе родственником по материнской линии, — еще больше удивился Александр. — Быстро же ты забыл о долге перед пролитой кровью близкого тебе человека!

— Эситей слишком поверил... — начал было Аристан, но замолчал, остановленный красноречивым взглядом царя. — Прости меня, великий Александр.

— Клит, я сам поведу войско! — поднялся Александр. — Труби сбор.

— Но, царь! — запротестовал Птолемей Лаг. — Ты еще не окреп после болезни, стоит ли рисковать здоровьем, когда наказать непокорных могут другие?

— Я все сказал! — повысил голос царь. — Не успокоюсь, пока не уничтожу осиное гнездо вместе с его обитателями.

— Нужно подготовить осадные орудия, — сказал Маред и, оглянувшись на Птолея Лага, объяснил: — Крепость находится в таком месте, что ее так просто не взять. Мои разведчики обследовали местность и пришли к выводу...

— Довольно! — прервал его Александр. — Ты тоже так считаешь, Птолемей?

— Знаешь, царь, — выдержав его взгляд, твердо ответил Птолемей Лаг. — Твои верные солдаты пойдут с тобой даже в ад, если ты прикажешь. К тому же, наш храбрый Маред забыл, что нет в этом мире неприступных крепостей.

— Крепости возводятся людьми, а не богами, — согласился с ним Клит. — И нет сейчас на земле такой силы, которая бы помешала справедливому гневу утолить жажду мщения.

— Я сравню эту крепость с землей! — воскликнул Александр. — Труби сбор, Клит.

Клит вышел из дворца. За ним пошли остальные, но их остановил голос царя:

— Не щадить! Никого не щадить!

Он кивком отпустил своих всеначальников.

— Александр в смятении, — задумчиво проговорил Маред, прощаясь с Фарнухом.

— Даже сыну бога может изменить счастье, — тихо сказал в ответ Фарнух. — Болезнь ослабила его дух.

— Но ему покровительствуют боги, иначе как объяснишь ты наши победы?

— Покровительствуют, — согласился Фарнух. — Но что будет, если с царем что-то случится?

Маред испуганно отшатнулся от товарища, покачал головой:

— Клянусь Зевсом, не будь ты моим другом, я подумал бы, что слышу речь заклятого нашему делу врага.

— Мало нас для претворения желаний царя Александра, — грустно засмеялся Фарнух. — И слишком далека родина, чтобы прийти на помощь, если бы вдруг случилось непоправимое...

В середине месяца метагейтниона¹ Бесс подъезжал к лагерю своего гонимого родственника Дария Кадомана.

Дорога была изнурительной: стояла невероятная даже для этих мест жара. Карагачи по краям дороги беспомощно вздрагивали пожухлыми ветвями в порывах обжигающих ветров, кусты тута поникли.

Даже ящерицы и вараны, привыкшие к жаре безводной пустыни, и те попрятались в глубокие норы, подальше от безжалостных лучей августовского солнца. Запас воды подходил к концу. Многие колодцы на пути пересохли или превратились в соленые.

Легчайший иссушенный песок скрипел на зубах, забирался за ворот одежды, в сапоги, запорашивал глаза.

Далеко позади остались плодородные поля, зеленеющие побегами риса и хлопка. Путь все дальше уходил в пустыню, куда Дарий бежал с остатками войска после поражения при Гавгамелах. Там он думал оправиться от потерь, дожидаться подкрепления, которое ему обещали верные сатрапы.

Бесс спешил. Он понимал — пройдет время, и Дарий, возможно, сможет собрать достаточно силы, чтобы стать ему не по зубам. Если и нет, то сюда может прийти Александр со своей армией. И в том, и в другом случае корона империи станет для него недостижимой.

А сатрапа властно манил древний трон персидских царей. И поспеши он — кто знает, к кому, в конечном итоге, окажется благосклонней судьба, не свалит ли случайная стрела божественного царя греков, не падет ли он раньше, чем закончит свои завоевания,

¹ Метагейтнион — август — первая половина сентября.

от какой-либо болезни, которые кишат в воздухе запустевших городов.

Его дело — убрать Дария и ждать, затаиться где-нибудь, пока ненасытный македонец не уйдет дальше...

Ночью, на привалах, Бесс приносил усиленные жертвы богине Ард-вахш. Сидя перед жертвенным огнем с пучком веток священного дерева, он бормотал, глядя на жаркие языки пламени:

— Хвала тебе, Ард-вахш, плодоносящая и могучая. Свет от тебя ослепляет врагов и повергает в трепет самых храбрых из рода человеческого! Не оставь меня, ослепи и уничтожь врага моего. .

И видел он в пляшущих и извивающихся языках пламени, как падает, пронзенный копьями, ненавистный «царь царей», как бежит из его рта алая кровь, как он, мучимый болью, протягивает моляще к нему изнеженные руки:

— Брат мой, помоги!.. Брат мой!..

— Умри! — дышит жадно ему в лицо Бесс. — Умри, чтобы никогда больше не воскреснуть!

Испарина покрывает бледные щеки сатрапа. Перед ним возникает видение, которое произошло очень давно, много лет назад. Вот он сидит на пиру, который устроил Дарий в честь гостей из далеких земель, что лежат позади Инда. Бессмысленные глаза «царя царей» шарят по рядам гостей, останавливаются на нем. Бесс чувствует, как холодный липкий пот течет по его спине. Никто не знает, что может сделать «царь царей» в следующее мгновение.

Но у хозяина империи сегодня хорошее настроение, и не будет работы палачу, который дремлет с открытыми глазами за тронном.

Вдруг Дарий хватает голову барана с огромного золотого блюда и кидает его в Бесса:

— Вот так, если ты предашь меня, будет с твоей головой, жалкий сын собаки!

И он покорно сидел перед своим господином, не смея даже вытереть жир со своей бороды...

— Твоя голова будет скоро лежать в пыли под моими ногами! — шептал Бесс, забыв о своих молитвах. Но вскоре приходил в себя, протягивал к огню дрожащие руки и снова начинал шептать слова молитвы, обращенные к Великой богине...

— Если вам дорога жизнь, остановитесь!

О бронзу щита переднего всадника ударила стрела и, отлестев в сторону, вонзилась в песок.

Бесс поднял голову. В плетре¹ от них замер насто-роженно молодой персидский воин. Позади, за барханом виднелись головы других.

Бесс кивнул Сатибарзану, одному из своих верных помощников, тот прищипорил коня и поскакал вперед.

Вскоре он вернулся в сопровождении проводника, который должен был проводить их в лагерь «царя царей».

Пока они добирались до места, их то и дело останавливали дозорные Дария Кадомана.

Вечерело. Жара спала, и над землей, еще горячей, потянулась легкая дымка, которая очень скоро должна была обернуться темным, таинственным покрывалом ночи.

Тут, наверное, раньше было большое селение. Шатер царя стоял посередине жалких домиков, которые лепились друг к другу, и теперь служили жилищем верным воинам Дария.

Огромные тополя раскинули ветви над белоснежным куполом царского шатра. В густых зарослях гутовника и алычи дремали «бессмертные».

Бесс внимательным взглядом окинул лагерь. Дарий, конечно же, приказал вырезать все население,

¹ Плетр — 31 метр.

чтобы кто-нибудь ненароком не выдал место, где скрывается последний ахеменид.

— Стой!

Ощетинившиеся колья «бессмертных» преградили дорогу Бессу.

— Это Бесс — верный царю сатрап Согды и Бактрии, — объяснил проводник, и стража расступилась, пропуская их к шатру «царя царей».

— Это Бесс!

— Бесс! — раздались ликующие голоса.

— Хвала Всемогущему, мы не одни.

— Скоро мы снова сможем выйти навстречу ненавистному врагу, да усыпит их своим дыханием Анхра-Майню!

Один из «бессмертных» скрылся в шатре, чтобы доложить радостное известие.

Бесс надменно ждал разрешения предстать перед «царем царей». Снисходительная улыбка блуждала на тонких его губах.

О, как все изменилось с недавних пор! Куда делась неприступная важность элиты царской армии — «бессмертных», численность которых никогда не менялась. Даже если после сражения из всего отряда оставалось в живых всего несколько человек, их место тут же занимали другие — дети высших сановников империи. Личная гвардия «царя царей» — «бессмертные» первыми получали право грабить покоренные города, присваивали себе львиную часть всей добычи, и в случае чего, в случае какой-либо провинности их мог наказать только сам «царь царей».

Нет, не теми обласканными видел их Бесс, в глазах их читал он страх за завтрашний день.

А разве сам он не изменился? Раньше, бывало, с каким трепетом ожидал он, приезжая к «царю царей», когда тот призовет к себе своего сатрапа.

Сейчас же Бесс с радостью отмечал перемену, ко-

торая произошла в окружении Дария Кадомана. Видно, не очень надеется «царь царей» на подмогу, которую ему обещали сатрапы, вон как забежали радостно глаза у стражников, охранявших главный шатер.

Плохо дело у Дария, если в лагере уже едят лошадей! От наметанного взгляда Бесса не укрылось несколько освежаванных лошадиных туш, висевших на вбитых в тополя крюках. Заметил он и исхудалых слонов, которых царь персов так и не смог использовать в последних боях, иначе они вместе с врагами могли потоптать и войско самого Дария, когда царь греков навязал ему сражение в горах.

Ах, какую нелепую, какую роковую ошибку совершил он, приняв сражение в тесном ущелье, где не мог развернуть для атаки свои страшные колесницы с острыми, как клинки, серпами, которые подрезают врагов, как серп жнецов валит тонкие колосья!

Видно, действительно отвернулись боги от царя персов, решив наказать его за грехи предков, за унижения, которым он подвергал его, Бесса, своего родственника. За все приходится платить в этой жизни. Пришло время расплаты за содеянное для Дария Кадомана, и он заплатит. Сполна заплатит за прошлую жизнь свою, кровью заплатит. Головой!

— Милостью божьей, «царь царей» и земли нашей, Дарий Кадоман ждет тебя, о Бесс! — поклонился сатрапу командир «бессмертных».

— Ты знаешь, что делать! — шепнул напоследок Сатибарзану Верховный владыка Согды и Бактрии.

— Не беспокойся, мой господин, — положил руку на меч начальник конницы. — Я все сделаю, как надо.

Дарий принял Бесса в своем шатре. В длинном белом одеянии, с единственной золотой цепью на груди, к которой была прикреплена печать Кадомана, он показался Бессу сильно исхудавшим и растерянным.

Впервые «царь царей» не ждал, сидя неподвижно на троне, когда к нему с низким поклоном приблизился сатрап, а сам пошел навстречу, обнял, посадил рядом с собой.

С тайным удовольствием Бесс отметил, как принял его заносчивый и чванливый когда-то царь персов. Сегодня он принимал гостя как соратник соратника, как брат брата, равный равному.

Бесс украдкой оглядел внутренность шатра: все как и раньше — у входа два черных изваяния, сложивших на груди мускулистые руки. Не один раз Бессу пришлось видеть, как по одному знаку «царя царей» эти статуи оживали и раздирали надвое вызвавшую гнев их господина жертву. И здесь загнанный, казалось бы, затравленный, всеми покинутый Дарий не мог отказать себе в привычной роскоши: ковры, оружие, драгоценные камни, светильники заполняли шатер, как бы подчеркивая, что ничто не изменилось. Но в то же время в беспорядке, который присутствовал в шатре, в запыленных светильниках, в жертвеннике, обрызганном свежей кровью, было что-то жалкое, настоящее.

Бесс скользнул взглядом по жилистой шее царя, вздохнул с сожалением, вдруг почувствовав в себе неодолимое желание тут же всадить нож в горло своему врагу. Но он понимал — даже если бы это ему удалось, его тут же раздерут верные псы Дария, которые стоят у входа.

Нет, торопиться нельзя. Пусть все идет своим чередом. Сатибарзан, наверное, уже напоил коней, выбрал позицию, ждет, держа наготове своих людей.

— Выпей, брат мой, — Дарий пододвинул Бессу сосуд с ледяным шербетом. — Как добрался? Не утомила тебя далекая дорога?

— Благодарю тебя, великий царь, — чуть склонил в поклоне голову Бесс, тут же отметив про себя, что

то не понравилось Дарию. Тот нахмурился, но сдержал свой гнев, понимая, что не время сейчас для обид и церемоний.

— Мне сообщили, что царь греков получил серьезное ранение и не может встать с постели, — сказал Дарий. — Услышал всевышний нашу молитву. Смерть царя вызовет раздор в лагере наших врагов и, быть может, скоро мы сможем вернуться во дворец.

Бесс не удержался, чтобы не кольнуть царя.

— По моим данным, Александр уже осадил нашу крепость в горах, — и добавил невинно: — Или рана была неопасная, или слухи, которые тебе передали, мой царь, преувеличены.

Дарий Кадоман помрачнел, закусил губы, едва сдерживаясь, чтобы не подать тайный знак своим рабам, умеющим рвать языки, ломать позвоночники и легко сворачивать шеи своим жертвам.

Бесс налил в кубок шербета, выпил, с облегчением почувствовав, как тело медленно расслабляется, как отпускает его удушающая жара, как растекается по жилам легкая хмельная истома. Да, умели готовить этот волшебный напиток слуги царя, и секрет изготовления его не мог узнать никто, как ни старались это сделать и друзья, и враги дома Дария Кадомана.

Бесс с завистью отметил, что несмотря на худобу и растерянность, которая затаилась в глазах «царя царей», он оставался таким же красивым, как и прежде. Высокий, стройный, с холеным, гладким лицом, которое не портили синие дуги под глазами. Придворные художники и льстецы часто сравнивали его с Сиявущем — и потому, что родился Дарий Кадоман под созвездием Бар-Сиявуша, и потому, что был схож с описаниями этого легендарного героя.

«Ну, что ж, — думал Бесс, вспоминая легенду, — пусть повторит мой родственник судьбу Сиявуша до самого конца».

Когда была соблюдена достаточная мера приличия для гостя, Бесс поднялся:

— Разреши, о царь, осмотреть твой лагерь.

— Брат мой, — остановил его царь. — Ты проделал немалый путь, прежде чем пришел сюда. Не лучше ли сначала тебе отдохнуть, побывать в купальне, чтобы мои искусные в этом деле слуги распарили тебя, умастили уставшее тело благотворными мазями. За дела ты можешь приняться и завтра, когда восстановишь свои силы.

— Я горю нетерпением осмотреть все, что у нас есть, — кивком поблагодарил царя за заботу Бесс. — Я хочу представить себе действительное положение вещей, чтобы знать, с чего следует начать реорганизацию армии.

Я спешил к тебе, великий царь, и не хочу откладывать дело, ради которого прибыл сюда, на завтра.

— Я знал, что ты не оставишь меня, — растроганно сказал Дарий, поднимаясь. — И ценю, что ты не хочешь сначала отдохнуть, предпочитая сразу приступить к делу. Если ты не против, я лично провожу тебя и покажу все сам?

— Прекрасно, великий царь, — не смог сдержать своей радости Бесс. Все складывалось лучше, чем он ожидал. Дарий сам идет в уготованную для него лоушку.

Они вышли из шатра. Каким разительным был контраст между прохладой, стоящей в царском шатре, где прекрасные смуглокожие невольницы беспрерывно махали огромными веерами из перьев диковинных птиц и дымились бронзовые чаши со снегом, специально привозимым для «царя царей» гонцами из дальних предгорий, и жарой, которая опять обрушилась на Бесса.

Они прошли к колесницам. Бесс незаметно оглянулся и кивнул Сатибарзану, чтобы тот был наготове.

Всадники, прибывшие с Бессом, уже напоили лошадей холодной колодезной водой, чистили оружие, поглядывая на своего начальника, который молча сидел в сторонке.

— Мне кажется, о царь, — сказал Бесс, указывая на одну из колесниц, — что нужно увеличить количество серпов. Во всяком случае — удлинить их.

— Ты так думаешь? — задумался Дарий, разглядывая страшные серпы по обоим бокам деревянной колесницы, которые пускали в самом начале сражения против легкой пехоты противника.

— Но здесь и так их достаточно, хотя, может быть, ты и прав, — неуверенно возразил царь персов.

— Представь себе, великий царь, — подошел Бесс к колеснице. — Если чуть увеличить упряжь, чтобы лошадей не задевало, можно установить серпы без всякого риска здесь и здесь.

Он наклонился, показывая, куда именно можно было бы установить дополнительные серпы, неосторожно защемил руку, выпрямился и замахал рукой.

Это и был знак, который ждали всадники сатрапа.

— Что с тобой? — забеспокоился царь, сделав шаг к своему сатрапу.

— Ничего страшного, великий царь! — улыбнулся Бесс.

— Берегись, царь! — крикнул один из телохранителей Дария, но было поздно.

Несколько «бессмертных», бросившихся на помощь Дарию с копьями наперевес, были смяты всадниками Сатибарзана.

— Брат мой!

Широко открытые глаза Дария Кадомана остановились на Бессе. До последней секунды не верил «царь царей», что это по приказу сатрапа совершается нападение.

Не верил в предательство своего родственника и потому даже не попытался спрятаться от разъяренных копыт лошадей. Но еще до того, как упасть под ноги лошадям, царя персов насквозь пронзило копье начальника конницы.

Дымящаяся кровь брызнула из раны, окрашивая в цвет смерти белоснежное одеяние «царя царей». И будто для большей убедительности, еще несколько копий вонзилось в тело упавшего властелина земли персидской.

Бесс почти ощутил, как входит острое жало в беззащитное тело. Он словно сам был на месте Сатибарзана, его рука направляла копье.

Еще! Еще раз! Еще!..

Ноздри его хищно вздрагивали, глаза горели жадным огнем. Он чувствовал тяжесть в руках. Ладони вспотели, он нервно вытер их об одежду.

А всадники Сатибарзана носились, неся смерть «бессмертным», которые оказались свидетелями страшной расправы над их повелителем. И они гибли, так и не поняв до конца, что же произошло на самом деле? Почему брат пошел на брата?

Бесс стоял над тем, кто был Дарием Кадоманом, кто еще несколько минут назад чувствовал себя всесильным мира, мог послать на плаху любого. И вот теперь лежит он никому не нужный, растоптанный копытами и пронзенный копьями своих подданных. Нет, никогда больше не подняться ему страшной, огромной властью, которая была дана от рождения! Никогда не исказится больше в неудержимом гнебе это невыносимо красивое лицо!

Бесс бессознательно искал в мертвом лице какие бы то ни было признаки жизни и очнулся только тогда, когда Сатибарзан с силой тряхнул его за плечо.

— Нужно уходить, великий царь!

Великий царь?

Бесс вздрогнул, посмотрел в лицо своему военачальнику. Да, это к нему обращается храбрый воин! Он — «великий царь»! Бесс! Нет, не Бесс!

Артаксеркс! Великий «царь царей», царь земли персидской! Все кончено, страшный сон позади. Теперь только вперед!

Бесс вскочил на коня, сильно потянул повод, едва удержавшись на горячей, потной спине нервно хрипевшего животного.

— Вперед! — подал команду Сатибарзан, стараясь быть рядом с Бессом.

Последний раз оглянулся назад новый царь персов, быстро нагнулся, сорвал цепь с печатью Кадомана.

Прощай, Дарий, несчастный брат мой! Ты многое успел увидеть и ощутить в своей жизни, судьба была к тебе благосклонной, во всяком случае до того дня, пока твоя звезда не пересеклась со звездой молодого царя Македонии.

Всадники Сатибарзана, окружив плотным кольцом Бесса, вынеслись из лагеря Дария. Запоздало прозвучал сигнал тревоги.

Бесс гнал коня, ничего не видя перед собой. Только ветер свистел в ушах. Вперед! Только вперед! Теперь все принадлежит ему — трон, люди, земля, власть...

Власть! И все же ты был счастлив, Дарий. Тебе принадлежали наши жизни в годы, когда ничто не предвещало трагедии державы, красивейшие женщины были тебе доступны, несметные богатства лежали в сокровищницах твоих дворцов, земли, от одного перечня которых кружилась голова, приносили тебе дань и покорность. Но не может счастье продолжаться вечно. Твоя воинственная планета, твое созвездие Сияющая не выдержало соперничества с восходящей звездой Александра, и, быть может, став оружием богов, и спас тебя от бесчестия, от участи раба, плененного

солдатами царя Александра. И теперь мне суждено испытать то, что было уготовано для тебя!

Не знаю, что будет, брат мой Дарий, что ждет меня в будущем, но не такого я хотел царства, каким получил сейчас. Где твои дворцы, где войско, перед которым трепетал мир, где золото, которое могло бы помочь сейчас мне? Что и говорить, если ты даже семью свою оставил удачливому победителю! Значит, нет у тебя права клясть меня и чернить перед Анхра-Майнью, перед которым ты, наверное, уже предстал.

Прощай, Дарий Кадоман! Я прощаю тебе все, что претерпел когда-то от твоего гнева и твоих радостей, прощаю свое унижение, которое ты постоянно заставлял меня испытывать, свой страх, свою боль!

Знай, быть может, придет время, когда я позавидую твоей участи, твоей смерти, и тогда ты можешь спокойно сказать, что ты отмщен и тоже прощаешь меня!..

Долго продолжалась бешеная скачка, точно духи гнались за всадниками. И только быстро густеющие сумерки и страх заблудиться заставили отряд искать место для ночлега.

— Где-то здесь должен быть колодец! — сказал Сатибарзан. — Ищите, пока совсем не стемнело.

Несколько всадников отделились и поскакали в разные стороны.

— Есть! Есть колодец, — скоро вернулся один из посланных. — И вода в нем есть, только она солоноватая.

Сатибарзан вопросительно посмотрел на Бесса.

— Ничего не поделаешь, — кивнул тот. И первым слез с лошади. — Хоть вымыться можно. Да и коней надо напоить.

Он начал снимать намокшее от пота, с солоноватыми белыми кругами возле подмышек платье, приказал принести воды и устраиваться на ночлег.

После расправы над законным царем персов Бесс решил больше не скрывать своих истинных намерений. Он открыто объявил себя «царем царей», верховным владыкой персидской державы, власть над которой ему передал посланец Ахурамазды, явившийся к нему во сне, и принял имя Артаксеркса.

Чтобы укрепиться на троне, он обещал все и всем. Тем народам, которые томились под игом персов и мечтали только об одном — о свободе, он клялся, что освободит их тут же, как только изгонит с земли священной Александра и его солдат. Персов он привлекал на свою сторону, назначая их на высокие должности, князей и старейшин, подвластных племен задаривал богатыми подарками. И потому, на первых порах, для него все складывалось хорошо.

Верный ему Сатибарзан, назначенный сатрапом Арайи, собрал под знамена нового царя большое войско и сам командовал в нем конницей, которая насчитывала более двадцати тысяч человек. Потом к Бессу присоединились еще несколько сатрапий кочевых племен, так что очень скоро он имел значительную армию, способную дать открытое сражение грекам.

Но Бесс не торопился выступить в поход. Он все еще надеялся, что Александр, утомленный долгими переходами и непрерывными сражениями, удовлетворится, наконец, тем, что достиг, и повернет свою армию назад, к стенам родной Македонии.

Должно же это произойти в конце концов, не из железа сотворен и сам победитель Дария, и его войско. Разведчики доносили, что отдельные отряды армии Александра уже открыто выражают свое недовольство затянувшимся походом и требуют отпустить их назад. Пока царь македонян имеет силы восстановить порядок в войске, но кто его знает, что будет

завтра, через месяц. Вабунтуйся солдаты, и тогда он вынужден будет искать перемирия с затаившимся где-то царем персов, и вот тогда-то и настанет его час, он постарается договориться с врагом на наиболее выгодных условиях.

Так думал Бесс, видя себя в мечтах во главе восстановленной им огромной империи. Но плохо он знал молодого, не ведающего отказа своим устремлениям царя македонян, тем более не мог представить себе его дальнейшие планы.

Прошел не один месяц, но известий о бунте в войске Александра не поступало.

И тогда Бесс послал к Александру своих посланников, нагрузив обоз богатыми дарами. Но победитель Дария не принял ни послов Бесса, ни его даров. Сыну Филиппа претило вести переговоры с цареубийцей. Он приказал Птолемею Лагу передать послам, что не успокоится, пока не увидит собственными глазами голову самозванца.

Когда вернувшиеся послы передали своему господину слова Александра, Бесс понял — мира ему не дожидаться, греки не уйдут добровольно с завоеванной земли. Понял и все же не торопился выступить навстречу врагу, чтобы дать сражение, к которому так рвался царь македонян.

Слишком высока была ставка, чтобы забыть обо всем и согласиться на открытое сражение. Он разослал гонцов по городам, не занятым еще завоевателями, а сам в ожидании подкрепления расположился лагерем вдоль переправы через Яксарт.

Шатер его — ярко-желтый шатер царя Артаксеркса — был разбит в центре лагеря под охраной всадников Сатибарзана, которого Бесс объявил своим приемником.

Сегодня возле шатра было довольно оживленно. Бесс принимал гостей из Согды. В шатре, кроме царя,

и его телохранителей, собрались молчаливый Сати-барзан — он сидел по правую руку от Бесса, Спитамен, закованный в кольчугу и перетянутый в поясе широким кожаным ремнем, на который навешивалось тяжелое оружие согдийца. Длинный меч, кинжал и лук с набитым колчаном лежали рядом с князем. Ростан, тоже вооруженный, сидел позади Спитамена, как бы предохраняя его спину, и не выпускал из рук острый скифский топорик на длинной ручке.

Далее, напротив трона, сидели благородный Вахшунварта и еще несколько князей и старейшин — коренастых скифов в остроконечных бронзовых шлемах, вооруженных так же, как и согдийцы.

Вопреки правилу оставлять оружие перед входом в покои царя, Бесс разрешил гостям этого не делать, но и сам под парчовый халат надел тончайшей работы кольчугу, подпоясался широким серебряным поясом, с которого свисал золотой кинжал, скорее служивший украшением, нежели оружием. На коленях царь держал двусторонний топорик — символ царской власти.

— Ты упорно не хочешь признать мое право на царство, Спитамен! — с миролюбивой усталостью в голосе говорил Бесс. И только глаза его — жесткие, холодные, безжалостные глаза хищного зверя — выдавали, чего стоит сейчас ему это спокойствие. — И это сеет смуту и неповиновение в государстве. И когда? В тяжелое для нас время.

Согдиец ничем не возразил царю. Он сидел рядом с князем Вахшунвартой, сложив под собой ноги крест-накрест, и ничего нельзя было прочитать на его застывшем лице, словно то, что говорил царь персов, относилось к кому-то другому.

— Неужели ты не понимаешь, что этим людям, — кивнул Бесс на слуг, которые сновали между гостями, внося огромные золотые блюда с мясом, запеченной

дичью, чаши с ароматными приправами, кувшины с хмельными напитками и греческим вином, настоянным на степной душистой траве, — нужен господин, которому они привыкли служить и подчиняться его прихотям? Ты молчишь?

Спитамен не шелохнулся.

— Ты веришь, что люди смогут жить без царя?

— Наша земля никогда не знала царей до того времени, пока на ней не появились персы, — ответил, наконец, Спитамен.

Он осушил кубок с вином одним залпом, поставил его на низкий столик перед собой и только после этого поднял глаза на царя.

— Спитамен, ты забываешь, перед кем сидишь! — не выдержал Сатибарзан.

— Я забываю?

Спитамен усмехнулся, останавливая взгляд на начальнике конницы Бесса.

— В том-то и дело, что я ничего не забываю. Не забыл, кем был когда-то... — он запнулся на мгновение, — царь, как получил он трон и власть, какой ценой!

Стало тихо. Будто горячая волна прокатилась по рядам гостей.

— Видишь, память у меня хорошая.

— Спитамен!

Сатибарзан понял, на что намекает согдиец, но не знал, как реагировать на его слова.

— Мои предки никогда не склонялись перед человеком, превращая его в бога, — сказал Спитамен, словно не замечая насторожившихся телохранителей Бесса. — Они поклонялись только огню, великой Анахит и всемогущему Ахурамазде, и это нам завещал премудрый саошинта Заратуштра. Или ты считаешь себя мудрее его?

Спитамен замолчал. Снова на какое-то время в шаг-

ре стало тихо. Бесс с побледневшим лицом смотрел на согдийца, сидевшего перед тронем с грозным спокойствием, словно он был сам гений священного огня, который спустился на землю и вселился на время в тело простого смертного.

В глазах царя мелькнул страх: неужели он, сидящий перед ним человек, чья жизнь сейчас находится в его, Бесса, власти, он в один из дней явится к нему, чтобы произнести приговор богов?

Сатибарзан и телохранители царя смотрели на своего повелителя. Они были точно натянутые струны. По первому знаку готовы были броситься на неукротимого согдийца, а с них в свою очередь не сводили настороженных глаз друзья Спитамена.

Только Вахшунварта сохранял невозмутимое спокойствие, понимая, что не время сейчас для открытого столкновения. Понимал это и Бесс и потому даже не посмотрел в сторону Сатибарзана.

— Спитамен, — обратился к согдийцу царь персов. — Я ценю тебя как человека древнего и благородного рода Согды, — он перевел дыхание, впиваясь режущими зрачками в бесстрашное лицо согдийца. — Ценю как смелого воина, но есть предел и моему терпению! — зазвенел вдруг его голос.

— Давно бы так, великий царь! — блеснули глаза Сатибарзана.

— Не забывай, что у меня есть и другие методы заставить непокорных склонить головы!

— Ты угрожаешь мне, о Бесс!

— Артаксеркс! — громко поправил согдийца Сатибарзан. — Перед тобой — царь Артаксеркс, и запомни это, Спитамен!

— Я знал царя Дария Кадомана, — притворно удивился Спитамен, издеваясь над военачальником Бесса. — Знал сатрапа царя Бесса, но кто такой Артаксеркс — я не знаю!

— Послушай, Спитамен! — задыхаясь от гнева, проговорил Сатибарзан. — Одно мое слово, и мои воины превратят тебя...

— Успокойся, Сатибарзан! — остановил его властный голос старого князя. Вахшунварта поклонился царю и продолжил: — Отборные воины есть и у меня, и у благородного Спитамена, и у твоего царя.

Бесс облегченно перевел дыхание, благодарно кивнул князю:

— Прав мудрый Вахшунварта, — сказал он. — Не время нам бросаться с обнаженными мечами друг на друга. Сейчас наша сила в единении! — он сжал свои пальцы в кулак, обратился к Спитамену: — Не так ли, мой младший брат? Согласен ты со мной?

Спитамен опустил глаза.

— Я говорил тебе, великий царь, — сказал Сатибарзан. — Разве можно доверять согдийцам, которые только ждут минуты всадить нам в спину нож!

— Прислушайся к голосу разума, Спитамен! — воскликнул царь, взглядом приказав Сатибарзану замолчать. — Ответ откровенно, с кем ты? Со мной или...

Он не закончил. Спитамен прямо посмотрел ему в глаза.

— Я слушаю тебя.

— Могу я верить, что ты поможешь мне?

— В чем помогу? В бегстве?

Бесс выдавил на лице кривую улыбку.

— Пока — в отступлении.

— Среди персов бегство теперь называется отступлением, — откровенно смеялся Спитамен.

— По-моему, такое положение не может долго продолжаться, — вступил в разговор Вахшунварта. — И Спитамен в этом прав.

— Что же ты предлагаешь, князь? — живо откликнулся Бесс.

— Нужно решать, — задумался тот. — Или открыто встать на дорогу войны и немедленно выступить в поход, или...

— Или? — не выдержал Сатибарзан.

— Или пойти навстречу царю греков с изъявлениями дружбы и мира, — спокойно ответил старый князь и, обратившись к Спитамену, спросил: — Ты тоже так считаешь, князь?

— Да, — склонил голову Спитамен.

— Я посылал к Александру своих людей, — грустно сказал Бесс и покачал головой. — Но он даже не принял их, отказался от золота.

— Тогда нужно воевать, — положил руку на меч Сатибарзан.

— Воевать с Александром? — усмехнулся Спитамен.

— Не могу я сейчас открыто выступить против армии греков, — задумался Бесс. — Это опытные воины, которые никогда не знали поражения.

— И еще они знают, — заметил старый князь, — что поражение для них — верная смерть. И потому они будут сражаться до последнего солдата. Или все, или ничего. Назад дороги нет, они могут идти только вперед.

— Такую армию победить почти невозможно, — согласился с Вахшунвартой Бесс.

— Что же ты предлагаешь, великий царь? — голос Сатибарзана дрогнул.

— Пока — ждать! Нужно собрать как можно больше войска и золота, а потом...

Он замолчал, не договорив.

— Мой царь, — снова обратился к нему Сатибарзан. — Пока ты будешь собирать золото и войско, греки подчинят своей власти всю нашу землю. Кому мы тогда будем нужны? Кто согласится на союз с низвергнутым царем?

— А я тебе говорю — торопиться не время, — жестко отрезал Бесс. Но тут же добавил, как бы извиняясь за свою резкость: — В конце концов военное счастье переменчиво, дорогой мой Сатибарзан. Как это случилось не один раз, вспомни историю моего славного предка Кира, его печальный конец после битвы с массагетами... А как кончил могущественный Крез, армия которого считалась непобедимой? Да и судьба моего бедного родственника Дария Кадомана пусть наведет тебя на мысли, мало ли что может случиться с молодым царем, у которого, должно быть, немало тайных врагов и завистников.

— Все правильно, — засмеялся Спитамен. — Вдруг Александр однажды уснет и не проснется, как это случилось с твоим бедным родственником.

— Ты очень сокрушаешься по этому поводу? — усмехнулся Бесс.

— Скорее тебе пристало сокрушаться по нему, — ответил Спитамен. — Он перс, как и ты. Я же — согдиец, родился и умру на своей земле, которую мечтаю увидеть свободной. Только тогда смогу я дышать легко, когда на ней не останется ни одного врага — будь то перс, грек или македонец!

— Вот и помоги своей родине.

— Моей родине или тебе?

— Разве это не все равно? — удивился Бесс. — Солдаты Александра вторглись на твою землю, сжигают дома согдийцев, убивают, грабят. Разве мы не союзники против общего врага?

— Вы здесь чужие, Бесс! Ты и твои воины, и потому в моем сердце нет и не может быть жалости к участи, которая ожидает вас.

— Последний раз тебя спрашиваю, о Спитамен, — вскричал Бесс. — Друг ты мне или враг? Сдержишь ли свое слово, как обещал?

Гнетущая тишина нависла в царском шатре.

— Я сдержу свое слово, — выдержав горевший ненавистью взгляд царя персов, ответил медленно Спитамен. — Я сделаю, что обещал, о Бесс! — повторил он, будто преодолевая что-то в себе. — Но знай, сердце мое не лежит к тебе! Помни об этом, о Бесс!

— Артаксеркс, о Спитамен! — вскочил Сатибарзан. Но согдиец даже не посмотрел на него, быстро вышел из шатра. Следом покинули царя и товарищи Спитамена. Последним встал князь Вахшунварта, поклонился с достоинством царю, остановил напряженно-вопросительный взгляд на начальнике конницы персов, будто хотел что-то сказать ему, но раздумал, кивнул и вышел к ожидавшим его соплеменникам.

— Позволь мне, великий царь, — дал волю своему гневу начальник конницы, — и я заставлю этого Спитамена валяться в твоих ногах, захлебываясь собственной кровью!

— Успокойся, храбрый Сатибарзан, — улыбался Бесс.

— Не могу, великий царь! — стонал перс. — Слишком много начали позволять себе отпрыски рабов! И ты, мой царь, позволяешь им так разговаривать с собой!

— Возьми себя в руки, друг! — приказал Бесс. Коварная улыбка поползла по его губам. — Придет время, и они ответят нам за все. Кровью своих близких ответят.

— Ответят, клянусь гневом Ахурамазды! — в гон ему пообещал Сатибарзан...

Пятую осень от начала войны встретили солдаты Александра. Она пришла на землю Согды, как всегда, неожиданно, напомнив о себе проливными, но пока еще теплыми дождями.

Пришла, наконец, война и на землю Заратуштри. Быстро, за считанные дни Александр со своей армией

перешел горы Гиндукуш, с ходу дал сражение торопливо выступившему навстречу Бессу и погнал его через всю Согду до наполнившегося мутными бурными водами Окса.

Здесь ему пришлось задержаться и дать возможность уйти Бессу с остатками своей армии.

Царь персов успел переправиться через реку на легких судах местных рыбаков на другой берег, потом сжег все лодки и заперся в согдийском городе Наутаке, оставив на волю победителя жителей окрестных селений.

Взбешенный неудачей, Александр не оставался в бездействии. Разделив армию на две половины, приказал одной собирать хворост, рубить деревья и готовить средства для переправы через реку. Сам же со второй половиной начал опустошать и сжигать селения вдоль всего побережья, мстя жителям за помощь, которую они оказали персам и помогли уйти от полного разгрома.

Снова запылали дома, опустели земли. Те, кто успел, бежали с обжитых мест, посылая проклятия богам, которые сотворили землю и живое на ней, персам, которые ввергли их в пучину войны, солдатам Александра, опьяневшим от сознания своей силы и безнаказанности, от крови, которая лилась потоками...

10

Огонь костра слабо освещал задумчивые лица согдийцев, которые даже сейчас, ночью, не расставались со своим оружием, держали его под рукой, хотя, казалось, особых причин для тревоги не было.

Спитамен полулежал на разостланной шкуре барана, рядом с ним, обняв колени, смотрела в огонь широко открытыми глазами Гулрухсор. Косы ее свободно

падали на плечи, укрытые плотной шерстяной накидкой. Ростан принес новую охапку дров, бросил на землю с другой стороны костра.

Юный оруженосец Спитамена был чем-то озабочен. Поковыряв палкой в углях и подбросив в огонь сухого хвороста, он глянул на Спитамена:

— Может, мяса принести?

— Избавиться от Дария, чтобы иметь Артаксеркса! — сказал Спитамен. — Бедная земля Согды, неужели ей никогда не сбросить иго тиранов!

Ростан посмотрел в сторону города. Вдали чернела изломанной линией крепостная стена. В темноте бодрствовали цикады, распевая свои вековые песни, всхрипывали спугнутые кем-то кони. Изредка перекликались часовые на стенах и у главных ворот. Пахло свежей кровью и жареной бараниной.

— И все равно мало завидного в доле Бесса, — сказала Гулрухсор. — Титул «царя царей» сейчас стоит очень мало.

— Говорят, Бесс устроил пир во дворце, — сказал Ростан. — И танцовщиц ему привезли из Мараканды.

— Чувствует близкий конец, вот и ударился в оргии, — сказал, усмехнувшись, Спитамен.

— Теперь его все называют великим Артаксерксом.

— Привыкают, — в голосе Спитамена прозвучала горечь разочарования.

— Подлая мышь возомнила себя орлом! — гневно воскликнула Гулрухсор.

— Но среди массы мышей есть и летучие, — заметил Ростан.

Гулрухсор метнула на него неприязненный взгляд, начала со злостью ворошить раскаленные угли, искры вместе с дымом метнулись в ночное небо.

— Александр через глашатаев вербует себе сторонников в покоренных городах, — тихо заговорил

Спитамен.— Он велел объявить, что пришел из своей страны только ради того, чтобы освободить народы из-под власти персов.

— И ты веришь этим словам? — удивилась Гулрухсор.

— Я готов верить всему! — воскликнул Спитамен.— Лишь бы прогнать персов с нашей земли.

— И посадить на трон царя греков!

— Долго ему не усидеть вдали от родины,— глухо сказал Спитамен.

— Хотела бы я хоть один раз взглянуть на царя греков.— Отблески пламени играли на ее красивом лице.— Интересно, какой он?

— Придет день и увидишь,— сказал Спитамен, ложась на спину и глядя на звездное небо.— Всему свое время.

Ростан тоже лежал на спине, с большим трудом сдерживая отяжелевшие веки. За день он устал и очень хотел спать, но уснуть раньше Спитамена ему было стыдно.

— Когда же ты решишься, наконец, на что-то?

Спитамен будто очнулся:

— Это было бы изменой.

— Кому?

Спитамен посмотрел на жену:

— Ты не понимаешь?

— Объясни мне, кому это было бы изменой? — настаивала она.

— Своей совести.

— А-а!

— Царю.

Гулрухсор громко и с издевкой рассмеялась.

— Ну, вот и ты смирился, стал называть Бесса царем! Бесс — царь царей! Мой муж, Спитамен, признает цареубийцу законным наследником трона! Нет, этого не может быть! Даже представить смешно, чтобы

кто-то всерьез принимал этого выскочку за верховного владыку империи Ахеменидов!

— Если бы империя существовала, то, может быть, никто и не признал его царем,— сказал Спитамен.

— Но что тогда сдерживает тебя сейчас, когда нет никакой империи, когда в стране царит другой, когда...

— Я должен выполнить свой долг до конца,— упрямо сказал Спитамен, отводя взгляд от жены.

— Долг перед этим тупым и самоуверенным Бессом? — воскликнула Гулрухсор. — То есть, прости меня, Артаксерксом! — поправилась она.

— Перестань, Гулрухсор,— попросил жену Спитамен.

— До лагеря врага три дня пути на хороших конях, а он устраивает пиры!

— Ему больше ничего не остается.

— И приглашает всех, кроме тебя! — не сводила с мужа горящих глаз Гулрухсор.

— Я кочевник,— попытался улыбнуться Спитамен. — И не люблю эти пиры во дворцах, где каждый старается побольше набить желудок, уподобляясь голодным шакалам и жадным гиенам. Нет, это не для меня,— покачал он головой. — Не бываю я спокоен в окружении Бесса, когда в любую минуту ждешь, что в твое горло вот-вот выпьются чьи-то зубы.

— Ты стал бояться чьих-то зубов?

— Я ничего не боюсь! — сверкнул глазами Спитамен.

— И тебе ничего не нужно? — с плохо скрытой иронией спросила Гулрухсор.

— Ничего.

Спитамен задумался, помолчал и добавил:

— Кроме тебя, конечно.

— А конь? — хитро прищурилась она.

— Какой конь? — не понял Спитамен.

— Быстрый, как ветер!

— Конь нужен, — засмеялся Спитамен, поняв ее хитрость.

— А свобода?

— И свобода тоже нужна. Без свободы я мертв!

— А степь, с ее бескрайними просторами, где гуляет только ветер, такой же вольнолюбивый, как ты?

— Да, да, да!

— Вот видишь, любимый, как много тебе нужно для полного счастья, а ты говоришь...

— Я был неправ, Гулрухсор! — воскликнул Спитамен. — Тысячу раз неправ и сознаю это! Ты знаешь, что моя жизнь и ты неразделимы! Что я умру, если потеряю тебя!

— Закрой глаза, — нежно прижала ладонь к его губам Гулрухсор. — И ни о чем не спрашивай. Я хочу кое-что показать тебе.

Спитамен послушно закрыл глаза. Гулрухсор громко хлопнула в ладоши. Ростан прислушался, сел, удивленно посмотрел на жену Спитамена. В стороне кто-то свистнул, и тут же рядом услышал Ростан глухой перестук копыт. Из темноты вышел старый слуга Гулрухсор, ведя под уздцы пепельного жеребца на стройных тонких ногах. Умные глаза животного настороженно косили на поводыря, который замер в двух шагах от Спитамена.

— Теперь можешь открыть свои глаза, — убрала руку Гулрухсор.

Спитамен сел и только после этого открыл глаза. Секунду смотрел на коня, потом встал, обошел его кругом, будто не веря своим глазам, — высокое стройное тело, тонкие длинные ноги, пушистая холка выдавали редкую породу.

— Дава́ньский конь, откуда? — не удержал своего восхищения Спитамен.

— Зачем спрашивать откуда,— засмеялась Гулрухсор.— Из Фарганы, конечно.

— Это мне?

— Тебе! Нравится? — жадно следила за ним Гулрухсор.

Спитамен не мог выразить своего чувства.

— Я выбирала его с любовью, чтобы конь смог возместить тебе потерю твоего Скунху. Прими от меня этот подарок, пусть этот конь носит тебя с любовью, которую чувствую к тебе я.

Спитамен обнял жену, которая, ласкаясь, потерлась лбом о его плечо. Ростан медленно обошел коня, восхищенно цокнул языком.

— Как его зовут?

— Пусть Спитамен сам выберет коню имя,— сказала Гулрухсор.

— Как же мне его назвать?

— Придумай сам. Посмотри на него хорошенько и реши, кого он напоминает, — подсказала Гулрухсор.

Спитамен взглянул на коня, который нетерпеливо пританцовывал на месте, фыркал презрительно.

— Назову я его... Налий?

— Налий,— задумалась Гулрухсор.— А почему бы и нет? В этом коне действительно есть что-то демоническое! И еще я хотела тебе сказать,— остановила она мужа,— хозяин, у которого я купила жеребца, сказал — конь будет послушен только тому, кто первым его объездит.

Спитамен засмеялся заразительно и неожиданно легко вскинул могучее тело на спину жеребца.

Конь встрепенулся, заржал оскорбленно, встал на дыбы, закрутился на одном месте, пытаясь сбросить с себя седока, но Спитамен будто прилип к его спине. Ему захотелось прямо сейчас, несмотря на темень, прокатиться на Налие. Он дал коню попрыгать, по-

том, как только почувствовал, что тот расслабился, резко ожег плетью круп и пропал в черной пасти ночи...

Дворец Бесса в Наутаке был намного скромнее, чем его прежние дворцы. Окружающим он объяснял это тем, что не время сейчас думать о роскоши. А по ночам, глядя на голые стены внутренних покоев, он с тоской вспоминал богатый дворец в Персеполисе — зал с сотнями массивных золотых колонн, которые держали тяжелый свод огромного строения, крылатых быков из чистого золота с рубиновыми глазами по обе стороны главной лестницы, с четкими, нескончаемыми барельефами, которые изображали победы царей из рода Ксерксов. Вспоминал белые известковые дома богатых вельмож из окружения «царя царей», каждый из которых был намного богаче сегодняшнего правителя.

Крепость Наутака была построена искусными мастерами в далекие времена, еще до нашествия на страну персов. Северные ветры продували городок насквозь, вынося из его улиц всякий сор и пыль. Южные же иссушающие ураганы ударялись о крепкие стены, которыми крепость была обнесена с южной стороны, открытой для вторжения врагов.

Большой зал дворца, служащий для всевозможных собраний, вплотную примыкал к маленькому домашнему храму, в котором происходило служение богам, приносились жертвы. Жилые помещения терялись в массе маленьких, причудливо расположенных комнаток, в которых ночевал царь.

Боясь покушений, Бесс каждую ночь менял место ночлега. Никто не знал, где будет ночевать царь. Последнее время ему во всех виделись наемные убийцы. И он не доверял даже своим телохранителям, каждый

день менял их, выбирая из числа всадников Сатибар-вана.

Лежа ночью на ковре — под стать одолевающим его страхам, желтовато-песочном с темно-красной бахромой и светлыми узорами цветов, — он проводил томительные часы без сна, прислушиваясь к подозрительным шорохам и прижимая к груди тонкий стилет из крепчайшего металла. И казалось ему — по темным переходам неслышно крадутся вооруженные убийцы, вамирают за выступами с занесенными над головами клинками, и беззвучно падают у дверей стражники из царской охраны.

Он даже слышал шум схватки. Вскакивал, с замирающим сердцем крался к двери, прислушивался, трогал железные засовы и, успокаиваясь на некоторое время, возвращался к своему ложу. И так каждую ночь. Каждую ночь просыпался он, с ледянящим душу страхом вглядывался в черные углы, прислушиваясь к усталому лаю собак на окраинах города. И едва занималась алая полоска зари, вскакивал обрадованно, что еще одна ночь миновала и он остался жив, усердно благодарил богов за их милость, громко окликал слуг и, убедившись, что они стоят перед дверью, отпирал засовы.

А потом, окруженный охраной, снова принимался пировать и вскоре забывал о своих ночных страхах. А по коридорам громыхали деревянные, похожие на кандалы, сандалии рабов, делающих свою бесконечную изнурительную работу.

В дальних кварталах принимались за работу ремесленники: тонко стучали молоточки, визжали пилы, месил глину гончар.

Бесс-Артаксеркс сидел за пиршественным столом усталый, невыспавшийся. Темные, с желтоватыми белками глаза его бегали по лицам слуг, советников, женщин, которые пытались отвлечь его от горьких дум.

И царь поддавался им, забывая на некоторое время о делах дня, о наступающей армии греков, замороженный красотой танцовщиц, их диковинными танцами, замысловатыми костюмами.

Но и женская красота уже не трогала царя. Александр вторгся в Персеполис. Гонец, загнавший не одну лошадь, рассказал, глотая воздух, о страшном пожаре, во время которого драгоценные стены из кедра и черного дерева обрушились вниз огненными искрами, как превратились в золу священные книги, собранные в сокровищнице «царя царей», как, плавясь, стекали жидкими струями серебряные и золотые листы кровли дворца.

Все сгорело. Ничего нельзя было спасти из адского пламени. А царь греков смеялся, глядя на пламя, охватившее древнюю колыбель царей Персии. По его приказу никто не смел приблизиться ко дворцу, чтобы спасти хоть что-нибудь из ценностей, которые там хранились.

Мука была на лице гонца, когда он рассказывал о гибели Персеполиса. Глаза его безумно блуждали по лицам нахмурившихся персов.

Бесс смотрел на прожженный рукав шелкового кафтана гонца, который явился в Наутаку вестником грядущих несчастий. Нет, не с доброй вестью явился он сюда, и потому должен понести наказание.

И он приказал отправить гонца в объятия «железной девы» — шкаф этот в виде женщины был утыкан изнутри острыми гвоздями, которые при закрытии шкафа впивались в тело несчастного, прокалывая его насквозь.

И потом, слушая вопли обреченности, он мрачно усмехнулся:

— Боги любят жертвы. Может быть, эта маленькая жизнь отвратит от нас хоть часть тех несчастий, которые обрушатся на нас в скором будущем!

И вместе с телом гонца, истерзанного в объятиях «железной девы», по приказу царя на площади перед сооруженным алтарем богини Анахит сожгли в тот же день еще сто рабов, пятьдесят свободнорожденных жителей города и десять именитых граждан. Согда из числа заложников, которых Бесс возил всюду с собой.

Город наполнился воплями и мольбами о пощаде. Перед дворцом собрались родственники и близкие обреченных на заклятие Анахит. Они стояли на коленях под окнами царя, разрывая себе лица до крови и моля о пощаде.

Но царь только коварно улыбался, слушая крики под своими окнами. Неужели богам будет мало этих жертв, неужели они не отведут от него карающей руки своей?

Нет, не может этого быть! Ведь он всегда так чтит их, разве не были его жертвы им всегда богаты и обильны! Должны! Должны они смириться над ним!

И снова он крался по пустынному дворцу, полному страха и печали, где даже женские покои — с прекрасными рабынями из Сербии, Нубии, Египта, с танцовщицами из Крита, тщательно отобранными из самых красивых дев покоренных стран — были необычайно притихшими.

Он то приказывал устраивать зрелища, напивался до полусмерти, не слушая советов придворных врачей и жестоко страдая от болей в печени, то подолгу заседал с соратниками — вождями племен, сотниками, — обсуждая предстоящие сражения, которые навсегда останутся неосуществленными, и все ждал, ждал.

А время безвозвратно уходило...

Но последнее известие о гибели Персеполиса будто подкосило его внутренние силы. В глазах царя навсегда поселился страх, и он все чаще уходил в себя, ограждаясь от внешнего мира ежедневными пирами.

Вот и сейчас он возлежал на мягких одеялах, мелкими глотками пил вино из золотого кубка и потухшим взглядом следил за плавными движениями полуобнаженных танцовщиц.

Тонкие, гибкие тела девушек то сплетались в причудливом узоре законов танца, то расступались по сторонам, скользили по гладкому мраморному полу вокруг ложа царя, зазывая его своими послушными молодыми телами, которые влекли, волновали кровь, просвечивая сквозь тончайшую ткань накидок.

Сегодня Бесс пригласил к себе во дворец и согдийских князей.

— Ты выполнил мой приказ, Вахшунварта? — поднял царь на князя затуманенные глаза.

— Я сдал золото твоему казначею, великий царь! — ответил Вахшунварта.

— Он сдал золото? — икнул Бесс.

К нему тут же приблизился один из приближенных, что-то зашептал на ухо.

— Значит, ты говоришь, что сдал золото моему казначею?

— Это так, великий царь, — поклонился Вахшунварта.

— Ты дал золото! Двадцать талантов? — скрипнул зубами Бесс.

— Двадцать талантов, — бесстрашно подтвердил старый князь.

— Но я тебе приказал собрать сто двадцать талантов! — закричал Бесс. — Куда ты спрятал остальные сто? Я тебя спрашиваю, князь! Куда ты дел золото, которое я приказал тебе собрать?

— Великий царь, — побледнел Вахшунварта. — Чтобы набрать эти двадцать талантов, мне пришлось...

— Какое мне дело, что тебе пришлось сделать! — перебил его Бесс, опрокидывая чаши, которые стояли

перед ним. — Мне нужно золото! Золото, ясно вам?

Он оглядел притихших гостей, силясь разглядеть кого-то из них.

— Вы все... ничтожнейшие из трусов! Из-за вас я вынужден здесь сидеть, вместо того, чтобы сражаться с врагом! Вы думаете, я не знаю, о чем сейчас ваши мысли? Не догадываюсь, как вы сидите тут передо мной и прикидываете, как бы подороже и безопаснее себя продать царю греков! Рабы! Подлые жалкие рабы!

Он тяжело задышал, наваливаясь на стол всем телом и тыкая жирным пальцем в каждого из гостей, которые отворачивались, боясь встретиться взглядом с царем.

— И все же вы мне будете служить! Из страха будете! И принесете мне то, что я прошу — золото! Мне нужно золото, много золота, чтобы нанять хорошую армию, а не такой сброд, который представляете из себя вы! Труссы! Жалкие подлые трусы!

Он вскрикнул. Голова его бессильно упала на грудь. Музыка смолкла. Танцовщицы неслышно отступили за тяжелые занавеси, натянутые между колоннами.

Стало тихо. Все услышали, как царь всхрапнул несколько раз. Но вдруг он открыл один глаз, бешено заворачивал им:

— Мне надоели ваши капризы! Эй, вы!

Он схватил тяжелую чашу и с силой запустил ею в гостей. Чаша пролетела в палайсте от головы Спитамена. Испытанный воин, он не шелохнулся, чтобы отвести голову, только побледнел слегка. Он не заметил, как смял в руках золотой кубок.

— Ты, Вахшунварта, и ты... Спитамен! — хрипло проговорил Бесс.— Если через два дня вы не привезете мне сто пятьдесят талантов! — он усмехнулся, ста-

раюсь увидеть выражение лица Спитамена. — Я обещаю вам! Клянусь царством Анхра-Майню, мой палач дерет шкуры не только с вас, но и с тех, кто вам дороже всего — с ваших жен и детей! Вы поняли меня?

— Мы поняли тебя, владыка! — ответил Бессу Вахшунварта, приказывая взглядом Спитамену молчать...

И в ту же ночь, наконец, случилось то, что давно не давало покоя царю персов.

Колеблющийся свет факелов, прикрепленных к каменным стенам дворца, едва освещал длинные мрачные проходы. Какой-то шорох привлек внимание стражника, он насторожился, вглядываясь в полумрак до рези в глазах. Ему даже показалось, что он заметил какую-то тень, скользнувшую в дальнем переходе.

Он прислушался. Вздохнул облегченно — все было тихо. Только сердце в груди билось слишком громко. Стражник заставил себя успокоиться: кто может проникнуть сюда? Дворец окружен преданными царю воинами.

И все же ему было не по себе. И понятно, почему. Рассказывали старожилы, что на нечистом месте построен дворец. Когда-то на этом месте было кладбище, стоял алтарь, где приносили жертвы богам местные жители.

И потому беспокойно по ночам в проходах и комнатах дворца. Это тени умерших не находят себе покоя в подземном царстве вечного сна.

Сами мучаются и живым не дают покоя, подумал стражник, крепче перехватывая тонкое, но крепкое древко копья. Правы были люди: в проклятом месте нет жизни. Но лучше не думать об этом, успокаивал себя он. Его дело — охранять двери, чтобы никто не

проник в покои царя. Он простой солдат, делает, что приказывают.

— Тс-с-с!

Спитамен прижался к стене. Его примеру последовали и остальные.

Стражник, облокотившись о копьё, клевал носом. Время от времени он выпрямлялся, пытаясь отогнать сон, но вскоре снова начинал клевать носом.

Спитамен махнул рукой, и от стены отделилась бесшумная тень. Через мгновение стражник издал приглушенный стон, лязгнул кинжал, скребнув о металлический щит. Тени за спиной Спитамена замерли, вслушиваясь в гнетущую тишину, потом медленно двинулись вперед.

— Все в порядке, князь! — шепнул на ухо Спитамену его верный помощник Шамху.

Спитамен осторожно толкнул тяжелые двустворчатые двери с резными барельефами священных грифонов, будто бы стоящих на страже царского сна.

Бесс не видел, как соратники Спитамена окружили тахту, на которой он мычал что-то в беспамятстве.

— Что будем делать? — спросил князя Шамху, глядя на Бесса.

— Заверните его в ковер, — подумав, сказал Спитамен. Вначале он думал отрубить голову Бессу тут же, в спальне, но сейчас раздумал. — Отправим его в подарок Александру. Пусть сам решает, что с ним делать.

— Понятно! — усмехнулся Шамху.

По его приказанию несколько человек тут же скинули царя персов на ковер, ловко скрутили его, так что он не мог даже пошевелиться, только замычал мучительно.

— Не нравится! — засмеялся один из воинов.

— Потерпит, — сказал Шамху. — Все же лучше, чем потерять голову.

— Спитамен!

В спальню царя вбежал Ростан. Глаза его сияли. Он поднял руку, держа за волосы чью-то голову.

— А этот подарок прими от меня.

— Сатибарзан?

Спитамен узнал голову своего врага.

— Он кинулся на меня, но упал, споткнувшись обо что-то. А я не стал ждать, пока он поднимется.

— Вот ты и стал настоящим мужчиной, — обнял юношу Спитамен. — Жаль, не увидел это царь, он бы смог по достоинству оценить твою победу.

— Теперь он откроет глаза только перед царем греков, — сказал Шамху.

— Брось к нему и его раба, — кивнул Спитамен на голову Сатибарзана.

— Чтоб не было ему скучно! — засмеялся Шамху, быстро распеленал все еще продолжавшего недовольно мычать Бесса, бросил ему на грудь отрубленную голову начальника конницы.

— Отвезешь Бесса Александру, — отдавал последние указания Мазафару, своему другу и дальнему родственнику, Спитамен, когда они незамеченными выбрались из дворца. — Скажешь, что князья и старейшины Согды готовы открыть ворота своих городов и выйти навстречу Великому царю греков.

Спитамен замолчал на короткое время. Глаза его смотрели куда-то сквозь Мазафара, он словно сомневался в чем-то и уговаривал себя отдаться на волю богов.

— И мы сделаем это, если он пообещает нам свою дружбу и покровительство. Все, — закончил он.

— Скажу, как ты велишь, брат Спитамен, — кивнул Мазафар и, прощаясь с ним, поднял правую руку. — Где мне тебя искать, когда все будет сделано?

— Стоянка наша будет на правом берегу реки Яксарт. Ты знаешь пещеру Меченосцев?

Мазафар утвердительно склонил голову.

— Ищи нас там,— поднял руку Спитамен.

— Найду, будь спокоен.

Маленький отряд Мазафара ускакал в сторону переправы через Окс. По слухам, греческая армия расположилась лагерем под крепостью Мерв, и нужно было спешить, чтобы застать Александра до начала осады. Может, удастся предупредить ненужное кровопролитие.

Спитамен знал через перебежчиков, что царь греков замышляет поход на далекий Инд. Но в то же время он понимал, Александр никуда не уйдет, пока полностью не покорит земли персидской империи, пока не почувствует, что за спиной ему ничто не угрожает, что народы и племена Согды и Бактрии подчинились ему и не помышляют о войне. В этом-то и должен был убедить царя греков Мазафар.

Спитамен подождал, пока всадники его друга сольются на горизонте с ровной гладью степи, обернулся к Вахшунварте:

— Куда решил идти ты, князь? Со мной или дороги наши расходятся?

Вахшунварта пытливо посмотрел в лицо своему соплеменнику, скрытал скептическую улыбку в густой бороде.

— Дорога у нас с тобой одна, храбрый Спитамен,— сказал он.— Но сначала я должен побывать в Мараканде.

— Пусть будет так,— согласился Спитамен.— Мы будем ждать тебя, князь Вахшунварта. Ты понимаешь, в такое время нам надо держаться вместе.

Вахшунварта кивнул и поднял руку.

— До встречи, Спитамен.

— Удачи тебе, князь! — поднял руку и Спитамен.

Всадники разделились и, поднимая за собой тяжелую пыль, понеслись за своими жожаками в разные стороны.

Александр сидел на золотом троне с высокой резной спинкой, который когда-то принадлежал Дарию Кадоману. Глаза царя греков холодно смотрели на Бесса, который стоял перед ним на коленях, в грязной извалявшейся одежде.

Жалкий вид сломленного врага не будил жалости в гордом македонянине, уголки рта презрительно опустились книзу, когда он насытился зрелищем и спросил пленника:

— И ты посмел объявить себя царем персов?

Бесс нашел в себе силы и прямо взглянул в лицо Александру:

— Я такой же Ахеменид, как и Дарий!

— Ты жалкий пес! Ты поднял руку на законного царя и занял его трон, и считаешь себя Ахеменидом?

— Боги отвернулись от меня,— смиренно сказал Бесс, видя в глазах царя греков свою смерть.— И потому я стою перед тобой на коленях, в грязной одежде.

— Ты думаешь, могло быть иначе?

— Не знаю,— подумав, ответил Бесс.— Задуманное богами предугадать трудно. Дарий тоже верил, что будет править вечно. Боги рассудили иначе.

— Свое черное дело ты прикрываешь волей богов, раб!

— Я только говорю, что думаю, великий победитель персов. И то, что ты сейчас смеешься над падшим, не делает тебе чести, царь!

— Ты ожидаешь благодарности?

— Нет,— покачал головой Бесс.— Но если правду говорят, что ты рожден богом — сохрани мне жизнь! Судьба переменчива, и на моем месте мог оказаться ты, подумай об этом, мудрый царь!

— Сохранить жизнь цареубийце?! — засмеялся Александр. — Нет, ты даже не перс!

— Великий царь! — побледнел Бесс.

— Ты рожден с рабской душой и умрешь рабом! — Александр махнул страже. — Убрать его!

Рослый воин схватил распластавшегося перед троном царя персов за ворот и, несмотря на отчаянное сопротивление, потащил его к выходу.

— О царь! — завопил Бесс. — Заклинаю тебя! Твоими богами! Матерью твоей заклинаю, помилуй! Помилуй, сын бога!

— Заткни ему глотку! — приказал Александр, отворачиваясь, чтобы не видеть, как коротко взлетел меч и ударил по жилистой шее перса...

— Выступишь сегодня же, — приказал Александр Птолемею Лагу.

— Я готов, мой царь, выехать хоть сейчас.

— Встретишься со старейшинами Мараканды, — кивнул царь. — Скажешь им, что я — властелин Персии, принявший титул «царя царей», приказываю им: если они хотят сохранить город от разрушения, видеть жен и детей свободными, не проданными в рабство, они должны прекратить бессмысленное сопротивление.

— Они сделают это, царь, — убежденно сказал Птоломей Лаг.

— Будет лучше, если они сами откроют врага города. Бесс — мертв, теперь им не на кого надеяться.

— Я думаю — это победа?

— Я тоже так думаю, — улыбнулся Александр. — Конец войне, эта земля наша.

— Пока боги милостивы к тебе, Александр, это будет всегда! — сказал Птоломей Лаг.

— Нет человека, который бы смог объединить эти орды и продолжить войну. Они должны прийти ко мне, как раньше шли к царю персов. Но ты не должен ничего обещать им.

— Я понял, великий царь. Они придут к тебе, если нет — я приволоку их на цепях.

— Но сначала надо заручиться поддержкой их князей, — задумался Александр. — Особенно этого Спитамена. Говорят, он имеет большое влияние на своих соплеменников.

— Может быть, ты прав, мудрый Александр, — ответил Птолемей Лаг. — Хотя опасения твои, я думаю, не имеют места в жизни. Вот жену этого князя я бы хотел увидеть. По слухам, она настоящая Артемиды!

— Клянусь Аполлоном! — захохотал Александр. — Я очень бы не хотел, чтобы там тебя последовала участь Актеона, — и уже серьезнее закончил. — Поэтому постарайся выполнить приказ как можно точнее.

— Не беспокойся, царь! — ответил македонец. — Эти варвары будут дрожать от страха, видя перед собой посланца самого Александра!..

12

Птолемей с нетерпением оглядел бескрайнюю равнину, которая окружала его маленький отряд. Где-то здесь он должен был встретиться со Спитаменом.

От лошади шел крепкий запах пота, перемешанный с запахом настойки — листьев и зеленой скорлупы грецкого ореха, варенных в уксусе. Запах настойки отгонял moskitov, и потому ею каждый день обтирали лошадей.

— Проклятая жара! — ворчал Птолемей, шире расставляя руки, чтобы ветер высушивал на ходу тяжелые мокрые полукружья одежды подмышками.

Он вспомнил тоже горячий, но какой-то ласковый, прозрачный воздух Эллады, в котором тонешь, как в море. Здесь же солнце было яростным, иссушающим. Только в предгорьях, где росли огромные, раскидистые

леса и близко были видны вершины снежных гор, царяла прохлада. Но неуловимый Спитамен нарочно выбрал для встречи равнину — может быть, для того, чтобы греки не могли устроить засаду?

Птолемей с неохотой поехал на встречу с вождем самого воинственного согдийского племени. Ему казалось неприемлемым для чести царя вести переговоры, если можно было уничтожить противника. Молодой и горячий, Птолемей был из тех, кто без всякого колебания верил в военный гений Александра, в то, что боги будут всегда милостивы к нему и его делу. Но в последнее время даже он стал в глубине души сомневаться в том, что военное счастье будет всегда на стороне греков. Ведь предстояло удаляться все дальше и дальше, в глубь страны, в бескрайние равнины, которые способны проглотить самое огромное войско. Между тем флот остается в бездействии, а снабжать такую армию становится все труднее и труднее. Что, если стремительные продвижения царя оторвут армию от путей снабжения? В нынешней встрече, как казалось Птолемию, тоже таится какая-то хитрость. Небольшой отряд греков, пожалуй, сможет оказать сопротивление воинам Спитамена, но что, если силы этого вождя варваров будут большими, чем о том известно в лагере? Птолемей не боялся смерти. Подобно всем грекам, он верил, что нельзя уйти от своей судьбы, и если неумолимые Парки перерезали нить жизни, ничто уже не свяжет ее снова. Но где-то в глубине души он надеялся, что когда-либо снова увидит родину, увидит любимые им храмы Афин, где так много воздуха, света и прекрасных статуй, сделанных лучшими в мире мастерами, услышит говор толпы возле Акрополя, где спорили за власть над городом Афина и Посейдон, увидит любимые им состязания тетрипп, где соревнуются бешеные колесницы, которыми управлять могут лишь немногие...

Солнце стало уходить за горизонт, а на пути отряда не встретился ни один живой человек, который бы указал дорогу в лагерь согдийца.

Птолемей чертыхнулся в душе, ругая себя, что не взял проводника, сказал, не скрывая раздражения:

— Клянусь Зевсом, эти варвары решили посмеяться над нами!

Никто ему не ответил. Лишь ворон, каркая, сорвался с заскорузлого искореженного суховея саксаула и улетел в степь. Провожая взглядом птицу, один из всадников заметил какое-то движение:

— Птолемей, смотри туда,— крикнул он, указывая направление.— Там кто-то есть.

Птолемей приподнялся, упираясь в стремя, махнул рукой:

— Вперед!

Они не ошиблись. Это был пастух-сак. Невысокий, коренастый, с густой черной с проседью бородой на широкоскулом лице, он облокотился о топорик и спокойно ждал, глядя на мчавшихся во весь опор македонских всадников.

Он не шелохнулся даже тогда, когда Птолемей направил своего коня прямо на него, но видя, что пастух бесстрашно стоит на дороге, резко осадил коня:

— Кто такой?

— Отвечай, старик! — ткнул его в бок острием тонкого копья македонец.

Но пастух будто даже не почувствовал укола, он смотрел на Птолемя.

— Твои овцы? — спросил его Птолемей, чувствуя, что угрозой и силой от него ничего не добиться.

— Мои,— разжал губы сак.— А ты... Птолемей, посланец Александра?

— Ты меня знаешь? — удивился македонец, впираясь глазами в бесстрастное лицо пастуха.

— Ты ищешь Спитамена? — вместо ответа снова

спросил сак, и словно какая-то волна прошла по его морщинистому лицу.

— Да, ты снова угадал, старик... Мне нужен Спитамен. Где он?.. Ты отведешь нас к нему?

Птолемей нетерпеливо дернул поводья.

— Спитамен там,— пастух показал рукой в надвигающуюся темнеющую даль.— Ты не увидишь его.

— Не испытывай моего терпения, старик! — снова поднял на дыбы своего коня полководец Александра.— Или ты меня немедленно поведешь к своему Спитамену, или...

Он угрожающе коснулся своего меча, но пастух стоял, как изваяние. И Птолемей Лагу вновь пришлось утихомиривать свой гнев.

— Он ждет нас, старик... Или ты не веришь мне?

— Спитамен никого не ждет,— ответил пастух.— Он не будет говорить с тобой.

— Ты с ума сошел, пастух! — закричал македонец.— Я Птолемей Лаг, посланец царя царей Александра, и Спитамен не будет говорить со мной?

— Спитамен велел передать посланцу македонского царя, что он ждал Александра — друга!

— Александр — царь! — поправил пастуха Птолемей.— А цари не могут быть друзьями простых смертных.

— Александр — враг,— ровным голосом сказал пастух.— Он убивает наших сыновей, разрушает дома, насилует наших дочерей и жен... Спитамен велел передать, что вы, македонцы, сами встали на дорогу войны и объявили себя врагами мирных согдийцев, а с врагами он будет говорить только мечом...

Он повернулся и пошел, медленно переставляя посох. Греки смотрели ему вслед, не понимая, отчего вдруг изменился в лице Птолемей.

— Что случилось с этим, как его, Спитаменом? — спросил Птолемея его сотник.

Разъяренный, Птолемей хлестнул коня, поскакал по равнине. Всадники полетели вслед.

— Он объявляет войну Александру! — отдышавшись, заговорил Птолемей, и глаза его презрительно вспыхнули. — Он, этот полудикий кочевник! Да знает ли он хотя бы, что значит фаланга, какие обходные маневры нужно применять при мало-мальски нормальной битве?

— Но у них, этих варваров, есть нечто другое, — возразил сотник, стараясь держаться рядом с Птолемеем. — Они сражаются на родной земле!

— Когда восемьдесят лет назад Ксеркс разграбил Афины, нам мало помогло то, что мы сражались на своей земле! — возразил ему молодой военачальник. — Наши предки не были трусами, но только хорошо обученная, регулярная армия способна вести настоящую войну! Согдийцы — как будто храбрые воины. Но армию они не успели сплотить, ни хотя бы прилично обучить. Дарий, как мне известно, требовал от них главным образом дань, воинов для своего войска. Природная храбрость здесь вряд ли поможет. У этого Спитамена был один только выход — пасть перед Александром, склониться перед великим царем, умолять его о пощаде! А он... Я бы сам его... сейчас... сегодня!

— Во всяком случае сегодня нам не удастся возвратиться в лагерь, — спокойно заговорил сотник. — Нам нужно искать место для ночлега. Коня утомлены, да и мы тоже. Посмотри — кончики ушей у моей Нике как будто похолодели.

— Только бы не нарваться на засаду, — тревожно заговорил Птолемей. — Я не представляю, как передам Александру эту новость! Его посланника даже не принимают, посылают ему навстречу какого-то пастуха! О боги!

...Бежала навстречу вечерняя дорога, и крупные

созвездия начинали загораться над голой. Потонуло запахом полыни и влаги. Впереди должен быть колодец. Всадники замолчали, каждый думая о своем. Птолемею вспомнилось, с каким достоинством отвечал им старик. О каких убийствах он говорил? Вероятно, о захвате последней крепости. Наверно, ему хотелось, чтобы с жителями вели мирные переговоры, но ведь крепость осмелилась закрыть свои ворота перед победителями Дария, и, конечно, ее жителей стоило проучить! Но если придется воевать с каждой крепостью, то сколько же нужно будет ждать возвращения на родину?!

13

...Александр наблюдал, как его солдаты лавина за лавиной шли на приступ Кирэсхату — главного города усрушанских мятежников, и как снова и снова откатывались назад, оставляя под стенами убитых и раненых.

Видя бесполезность дальнейшего штурма, Александр приказал отвести войска и заняться устройством лагеря.

Впервые сын бога остановил сражение, не добившись какого-либо видимого успеха. Впервые приближенные и товарищи царя видели его растерянным.

А задуматься было от чего: казалось — все македонское войско прошло вдоль и поперек всю огромную империю Ахеменидов, завоеваны, полностью или частично разрушены неприступные, казалось бы, крепости-города, подневольные персам народы признали власть нового царя. Главное достигнуто, главное, но не конечное. Но это царь держал глубоко в себе, даже своим ближайшим друзьям не раскрывал истинных причин, почему он оттягивает решение возвратиться в родную Македонию. Пока было возможно, он отгова-

рился от всяческих попыток натолкнуть его на мысль об окончании войны тем, что начал строить укрепленные города на завоеванной земле и заселять их ветеранами, которые уже не могли воевать из-за тяжелых ранений или увечий. И вот разгромлены основные силы врагов, можно, наконец, отдохнуть от сражений и подготовиться к походу на далекую сказочную страну, о богатстве которой он слышал еще в детстве. И вдруг эти восстания в согдийских городах...

В течение предельно короткого времени солдаты Александра осадили и взяли штурмом пять крепостей-городов по левому берегу Яксарта. По приказу царя пленных не брали — мужчин убивали на месте, женщин и детей вместе с прочей добычей роздали солдатам, а то, что осталось, отправили в Македонию.

Весть о страшной резне, которую устроили враги в захваченных городах, быстро распространилась по земле Согды и Бактрии. Жители мелких селений при известии о приближении македонцев в страхе бросали свои дома, уходили в горы, в степь, вливались в отряд неукротимого Спитамена...

Ох, уж этот Спитамен!

Александр задумчиво смотрел на оцетинившуюся пиками крепостную стену Кирэсхату. Разве думал он тогда, когда впервые услышал имя согдийского князя, что оно станет для него не то чтобы кошмаром, но... но будет мешать ему!.. Разве этого мало, что он, сын бога — непобедимый Александр, должен думать о каком-то разбойнике, посылать свои отряды на поиски непокорных согдийских всадников!..

Жаль, что не удалось встретиться с этим князем в самом начале. Увидь он его лично, может, сразу понял опасность, которую тот собой представлял...

Глаза царя блуждали по укрепленному валу, который возводили македонские солдаты.

Кирэсхату — одна из самых больших крепостей

на земле Согды, действительно казалась неприступной, и Александр, одетый в яркий плащ — подарок жителей Родоса, — наброшенный поверх золотого панциря, был хорошо виден защитникам крепости, чувствующим себя в безопасности за ее толстыми каменными стенами.

— Эх, царь, — кричали они сверху. — Таких крепостей ты не встречал в своей Македонии!

— Хочешь взглянуть на нее изнутри? Взлети сюда, чего тебе стоит?

— Взлети, ведь ты сын бога? — издевались над ним восставшие. — Незачем тебе тут стоять, царь! — приблизился к Александру Птолемей, но тот так посмотрел на него, что фраза так и осталась незаконченной.

— Куда ему! — хохотали осажденные кирэсхатцы. — Для этого нужно, чтобы у него выросли крылья!

— А чтобы взлететь сюда, кроме крыльев нужно еще кое-что, чего нет во всем войске самозванного бога!

Казалось, смеялись над македонцами и их царем даже камни, из которых была сложена стена крепости.

— Сын Зевса, уйдем отсюда! — не выдержал теперь уже Маред, заслоняя царя щитом. И вовремя, потому что несколько камней, пущенных умелыми пращниками, забарабанили по гладкой бронзе.

— Он прав, — поддержал товарища Птолемей. — Тебе опасно оставаться здесь более, мой царь.

Но Александр словно не слышал уговоры своих полководцев, беззвучно ругался, не сводя горевших ненавистью глаз со все более расходившихся защитников крепости, которые все смеялись и смеялись. И смех их острыми стрелами впивался в сердца бывалых македонцев, будил досаду, ненависть, и от него нельзя было спрятаться. Смех падал сверху непрерывным потоком, стелился по горным ущельям, караб-

кался по каменным выступам вверх, к вершинам, еще более неприступным, более грозным, чем сама крепость...

14

Вечером Александр собрал перед своей палаткой командиров и ветеранов армии.

— Можешь начинать, — оглядев собравшихся, кивнул царь прорицателю Аристандру.

Аристандр склонил голову и приблизился к связанному барану. Два помощника прорицателя подали ему священный нож.

Испытанные солдаты Александра, затаив дыхание, ждали результата, как приговора.

Аристандр долго рассматривал внутренности жертвы, что-то нашептывал себе под нос, наконец, обернулся к царю:

— Боги, как всегда, с тобой, великий царь! — с радостью возгласил он. — Враги твои обескровлены. Крепость падет еще в этом месяце.

Александр удовлетворенно хмыкнул, обернулся к своим полководцам.

— Это очень приятное известие, — раздался вдруг смех Клита. — Непонятно только, как это боги предсказали, что крепость падет еще в этом месяце, если, — Клит показал на заходящее солнце, — заканчивается последний — тридцатый день.

Стало тихо.

Прорицатель метнул на царя встревоженный, умоляющий взгляд.

— Разве? — притворно удивился Александр, в упор глядя на друга. — Ты ошибаешься, Клит.

В глазах македонянина мелькнула растерянность.

— Сегодня не тридцатый, а двадцать восьмой день

месяца, — твердо проговорил Александр. — Не так ли, солдаты? — обратился он к ветеранам.

— Двадцать восьмой!

— Ты прав, Александр!

— Не морочь нам головы, Клит! — зашумели ветераны.

Аристандр с благодарностью поклонился царю:

— Ты истинно сын Зевса, великий царь, — вполголоса произнес он.

Александр все так же, высокомерно улыбаясь, смотрел на Клита.

— Если сын Зевса желает считать сегодняшний день двадцать восьмым, пусть будет так, — согласился Клит, отводя взгляд.

— Никогда еще мои солдаты не отступали перед неприятелем, — заговорил Александр. — Мы побеждали даже тогда, когда число врагов было равно числу звезд на небе в лунную ночь. Или это не так?

— Так!

— Веди нас, царь!

— Веди, и мы снесем эту крепость вместе с горами, — загудели солдаты, окружившие палатку царя.

— Неужели ты сомневаешься в нас, царь Александр? — выступил вперед седобородый македонец с иссеченным глубокими морщинами и шрамами лицом. — Прикажи, и ты увидишь, что не затупились еще мечи твоих солдат!

— Прикажи!

— Прикажи, царь! — раздались голоса.

— Эй, горнист, труби атаку!

Толпа всколыхнулась, но тут Александр поднял руку и призвал всех к молчанию:

— Я знал, что вы поймете меня, приказал собрать вас здесь. Вас, моих верных и неутомимых солдат.

Он сделал паузу, оглядел неровный строй.

— Горы сильнее нас, но вспомните хитроумного Одиссея! Победить можно не только силой.

— Говори, царь!.. Мы слушаем тебя!

— Мне нужны добровольцы, которые бы не боялись высоты... Кто пойдет со мной?

— Я! — выступил вперед бородатый македонец.

— Я! — шагнул второй.

— И я!

— И я пойду с тобой, Александр!

— Мы все пойдем за тобой, царь! — оглянувшись на товарищей, сказал бородатый македонец, который первым выступил вперед. — Говори, что нам надлежит делать, и веди за собой.

Александр поднял руку:

— Я знал! — крикнул он, утихомиривая ветеранов. — Я знал, что могу надеяться на старую гвардию моего отца, а теперь — к делу!

Глубокой ночью, втыкая в снег короткие мечи и дротики, упираясь в них и подсаживая друг друга, ползли вверх, на гору, которая возвышалась над крепостной стеной, солдаты Александра.

— Осторожно, Филот, — предостерегал пожилой македонец своего более молодого товарища. — Оплакивать нас тут будет некому.

— Если я погибну, — шепотом ответил Филот, подтягивая тяжелое тело по скользкому снегу. — Ты совершишь возлияние Гекате. Моя мать обещала меня этой богине.

— Не хорони себя раньше времени, мальчишка! — прервал его товарищ. — Мы все совершим возлияние Плутону, дай только добраться до этих варваров!.. Мы с тобой еще пройдемся по улицам Спарты, Филот.

Они замерли на короткое время, чтобы передохнуть.

— Ты думаешь, я боюсь смерти, Леонид, — гово-

рил бородатый македонец, перехватывая ремень и подтягивая к себе товарища.

— Ну, что ты, Парт,— отдышавшись, ответил Леонид.— У меня и мысли такой не было.

Они снова поползли дальше, обходя отдыхающих Филота и его друга.

— Просто, я чувствую,— с горечью шептал тот, которого звали Партом.— До утра мне не дожить. А так больно думать, что ты умрешь, так и не увидев родных стен.

— Проклятая страна! — отвечал Леонид, с силой вонзая меч в слежавшийся снег.— Проклятая жизнь!

Он перевел дыхание, снова выбросил вперед руку с мечом, метр за метром продвигаясь вверх:

— Проклятая страна! — сами собой шептали его губы. — Будь проклят тот, кто придумал эти войны!..

Тем временем сам Александр во главе маленького отряда медленно продвигался по пересохшему руслу реки, которая вела в город через толщу горных пород. Впереди отряда, показывая дорогу в темноте — шли без факелов, чтобы не обнаружить себя,— был проводник раб-перебежчик. Он-то и подсказал Александру, что в крепость можно попасть этой дорогой.

Вскоре они достигли города, Александр остановился, подозвал к себе Птолемея:

— Ты откроешь северные ворота, я же двинусь к главным.

Они обнялись.

— Будь осторожней, Александр!

— Давай! — вместо ответа толкнул его вперед царь. Маленький отряд разделился и растворился в темноте улиц...

Усталые защитники крепости спали, не зная, что участь их жизней, а также самого города решена.

У Главных ворот завязалась короткая, но беспощадная схватка. У часовых не было времени поднять тревогу, они яростно сопротивлялись бешеному натиску опытных солдат македонского царя, которые, в свою очередь, бились с такой злостью, что казалось со стороны это не простые смертные обрушились на обреченных мятежников, а сами боги спустились на землю, чтобы истребить непокорных. Македонские солдаты умирали без стонов, раненые отползали в сторону, чтобы не мешать товарищам.

Александр рубил врагов, пробиваясь к замку, который держал цепь подъемного моста через ров. Он уже почти добрался до него, но тут на него напали сразу трое защитников крепости. Одного Александр зарубил топориком, второму отрубил руку, но сам получил сильный удар по голове, пошатнулся, заслоняясь мечом и отбивая новый удар. Кровь из глубокой раны залила глаза, царь на какое-то мгновение перестал видеть врагов. Это понял один из нападающих согдийцев. Издав радостный клич, он ринулся на беспомощного в эту минуту Александра, еще секунда — и ничто бы уже не спасло македонского царя, но Клит успел заслонить его своим телом и отбить удар.

А еще через несколько минут в открытые ворота хлынули солдаты Александра...

15

Сражение не прекращалось до самого утра. Хотя сражением это побоище назвать было трудно. Разъяренные солдаты Александра устроили настоящую резню, не щадили ни самих мятежников, ни их жен, ни детей. Да и сами защитники чувствовали, что спасения им не будет, дрались, как обреченные, на улицах, в горящих домах. Женщины сражались наравне со своими мужьями, но шаг за шагом ветераны не

истового Александра теснили восставших, отрезая их от города и загоняя к обрыву. Один за другим падали в пропасть израненные тела мужественных защитников Кирэсхату, другие вдруг обхватывали в объятия кого-либо из врагов и сами прыгали с обрыва.

Александр, будто опьяневший от крови, бился в первых рядах:

— Вперед, друзья! — ревел он страшным голосом, нанося неотразимые удары своим тяжелым мечом. Упал, почти разрубленный пополам пожилой согдиец исполинского роста, рядом свалился, захлебываясь собственной кровью, второй. А меч сына бога поднимался и опускался, сея смерть и ужас.

— Не жалеть никого! — рычал Александр.

— Смерть мятежникам!

— Смерть варварам!

И ревели в ощущении близкой победы сотни глоток, и лилась алая кровь храбрых сынов древнего города. И падали, чтобы никогда не встать, потомки отца мудрецов Заратуштры.

— Э-ге-гей! — бежит впереди своих солдат сын бога, забывая об опасности.

Но сами боги охраняли его. Стрела, пущенная точно в упор, просвистела у самого уха царя, впилась в горло Парта, который бежал следом, и в ту же секунду острый дротик глубоко вонзился в левое предплечье Александра.

Дрогнул царь, прижимая рукоятку меча к раненому плечу, выдернул из раны дрот и, размахивая им, как мечом, снова кинулся вперед. И снова, увлекшись боем, оказался в гуще врагов, и теперь сам едва успевал отражать удары нескольких мечей. И в который раз сверкнуло над ним оружие смельчака, но кто-то из воинов в отчаянном прыжке принимает удар на себя и падает к ногам Александра...

А Спитамен в это время расположился со своими всадниками лагерем на берегу Якеарта и ждал гонца из Кирэсхату. Тревожно было на сердце согдийского князя. Он еще верил, что Кирэсхату держится, что еще можно помочь ее защитникам, и ждал подкрепления из Фарганы. И подкрепление придет.

Но поздно! Не успеть ему соединиться с друзьями. Нет больше города, нет древней крепости, которая не была сломлена даже самим Киром, в которой когда-то начинал читать свои проповеди святой мудрец Заратуштра. А на развалинах падают головы последних оставшихся в живых непокоренных и несломленных горцев.

17

К полудню все было кончено. Сквозь разрушенные стены крепости виднелись развалины домов, груды мертвых тел облепили черные вороны. Из горной расщелины вниз, на траву, капала кровь. В одном из чудом уцелевших дворов тоскливо выла собака, оплакивая свое собачье горе, истошно вопила сумасшедшая женщина в разорванном платье, которое едва прикрывало молодое стройное тело.

Александр, с перевязанной головой, в плаще, прикрывающем раненое плечо, обходил лагерь, останавливался возле погибших соотечественников, которых готовили в последний путь друзья, всматривался в мертвые лица, словно желая закрепить в памяти каждое. Неожиданно блуждающий взгляд его остановился на пленнике, который стоял возле обгорелого дерева. Руки его были скручены за спиной, мокрые волосы облепили большой выпуклый лоб.

Пленник смотрел на царя с бесстрашным спокойствием.

— Кто это? — спросил Александр сопровождавших его полководцев.

— Это Гипарх, мой царь, — ответил Маред. — Правая рука твоего заклятого врага Спитамена.

— Вот как? — удивился царь, с интересом разглядывая пленника. — Значит, ты близкий друг Спитамена?

— Он поднял мятеж и руководил обороной Кирэсхату, — сказал Маред.

Александр кивнул, глядя в глаза Гипарху:

— А это зачем? — показал он на связанные руки. — Он же не улетит.

По знаку Маред Гипарху освободили руки: перерезанная веревка упала к ногам пленника.

— А если у него и вырастут крылья, мы мешать не станем, — вдруг улыбнулся Александр. Сражение окончено, к нему снова возвратилось хорошее настроение. Он победитель, а победителю можно проявить великодушие к бывшему врагу. — Пусть расскажет своим друзьям, что ждет тех, кто решается поднять оружие против моих воинов.

— А разве ты не возьмешься за оружие, если на твою землю придет враг? — спросил царя Гипарх.

— Мою землю? — высокомерная улыбка пробежала по лицу Александра. — Разве можно сравнить мою землю с твоей? Мы, эллины, всегда были свободны, как была свободна и наша земля! Вы же были только рабами, рождались и умирали рабами персидских царей!

— Ты ошибаешься, царь!

— Этот варвар слишком много себе позволяет, — замахнулся на Гипарха Маред, но отступил, остановленный взглядом Александра.

— Желаешь убедить нас в обратном?

— Ты ошибаешься, — повторил с вызовом Гипарх. — Мы никогда не были рабами персов. Они на-

пали на нашу землю, как тучи саранчи. Но саранча не печна, истребив первые всходы, она идет дальше, а на месте пустыни прорастает новая зелень, так и мы не потеряли свободы, как другие народы державы Ахеменидов. У нас сохранились наши вожди, мы слушались только решений Совета Старейшин!

— Ты и сейчас так считаешь?

— Да... и не надейся, что, разрушив наши дома, покоришь души! Мы никогда не будем вашими рабами!

— Не будете? — засмеялся Александр. Ему было действительно весело. Приятно после сражения чувствовать себя великодушным победителем, говорить на равных с поверженным врагом. — Посмотри на себя — ты остался один, Спитамен бросил тебя на произвол судьбы, на милость победителя!.. И даже если это не так, тебе он уже помочь не в силах! Ты сейчас хуже любого раба, ты пленник, который стоит перед победителем, господином, а жизнь твоя, как и смерть, в руках моих солдат. Они могут убить тебя, продать в рабство. Их воля для тебя отныне то же самое, что воля богов...

— И снова ты ошибаешься, царь! — снисходительно заметил Гипарх. Он оглянулся на солдат, которые, затаив дыхание, слушали их спор. — Посмотри на них...

Гипарх сделал вид, что хочет что-то сказать, приблизился к македонянину, который срезал веревки на его запястьях...

Никто не успел сообразить, что сделает в следующую секунду пленник: Гипарх с быстротой молнии схватил за плоское лезвие меча, который держал наготове стражник, вывернул резко, не обращая внимания на кровь, которая брызнула из ран на пальцах. Солдат охнул и выпустил оружие из своих рук. В следующее мгновение Гипарх издал торжествующий клич и легко, почти неувлимым движением полоснул

острием меча по своему животу. Алая кровь, шипя, брызнула из зияющей раны.

Все онемели, глядя на дымящиеся внутренности, которые вывалились на землю под ноги пленнику. Как ни привыкли солдаты Александра к виду человеческой крови, к смертям, этот согдиец заставил своим поступком содрогнуться суровые сердца.

А Гипарх смеялся, глядя на царя, смеялся, будто не ощущая боли, последних секунд уходящей из него жизни. Он обманул своих врагов. И теперь он, побежденный, смеялся над победителями, и они бессильны были что-либо ему сделать. Только смех его слабел с каждой секундой, каждым мгновением, и все более бледнело ставшее вдруг красивым скуластое лицо молодого согдийца.

— Ну что, царь! — хрипло говорил он. — И теперь ты утверждаешь свою власть над моей жизнью и смертью?

Он медленно опустил на колени. Ноги уже не могли держать тяжелеющее с каждой секундой тело.

— Я... уйду сам... своей волей!.. И нет надо мной твоей власти, ты не в силах остановить мгновение смерти, хотя тебя твои солдаты объявляют богом! — он замолчал, собираясь с силами. — Не можешь ты подарить кому-нибудь мою жизнь, а я... принять ее из твоих рук... врага!

Александр, потрясенный мужеством Гипарха, молчал, не находя, что ответить умирающему.

— Тебе нечего сказать, царь! — торжествовал Гипарх. — И ты после этого веришь в свое божественное происхождение? Не-е-т! Ты такой же смертный, как и все! И не властен ты над жизнью и смертью!

Гипарх зашатался, начал валиться на бок, но удержал себя, опершись на руки:

— Смотри на меня, царь! Я смеюсь над тобой! Я смеюсь над сыном бога! Ха-ха-ха-ха!

Тут кровь заклокотала у него в горле, он упал на землю, все так же страшно глядя на македонского царя. Гипарх хрипел, стараясь что-то сказать, но слов уже никто разобрать не мог. Глаза умирающего начали туманиться, и с каждым мгновением все более темнело лицо Александра, который впервые смотрел на врага без обычного своего превосходства, превосходства эллина над остальными людьми.

А дым густел и стелился по окровавленной земле, уползая по каменистым тропам, по камням, обломкам скал в горы — синие, неприступные, гордые.

18

Большой и богатый был родовой дом князя Вахшунварты. Его построил в далекие времена один из прадедов, положивший начало родовому имени, построил на века, выбрав удачное место на гористой возвышенности над долиной. Это был полудом-полукрепость, за толстыми каменными стенами можно было укрыться и выдержать довольно длительную осаду. Подвалы дома хранили запасы еды на много месяцев. Никогда раньше никто из предков не покидал дома, не бросал его на произвол судьбы. Теперь это приходилось делать.

Словно злой дух с недавнего времени поселился в доме, поселился хозяином и задул огонь в глубоких очагах. И сразу неуютно стало нынешним жильцам его, холодом инородным, чужим, непрощеным задышали каменные стены, и от холода этого не опасали теперь ни жаркий огонь, ни толстые персидские ковры, ни крепкие вина, привезенные из далеких стран в огромных чанах.

Вахшунварта в своей обычной одежде — плотной рубашке, шитой серебром и опоясанный тонким кожаным ремешком, в шароварах ниже колен, запущенных

в высокие мягкие сапоги, неслышно обходил просторные комнаты. Когда он еще сюда вернется, да и вернется ли?

Он поправлял брошенные в беспорядке вещи, которые невозможно было увезти с собой, замирал вдруг, прислушиваясь к голосам управителя, переругивающегося со слугами, которые тоже ходили как потерянные. И домочадцы Вахшунварты, и рабы, и вольные слуги — все свыклись с домом, давним укладом его, а теперь не представляли себе жизнь вне его стен.

— Эти ковры тоже надо забирать! — командовала Олия, жена старого князя. — И расстелите их так, чтобы удобно было сидеть в повозке.

— Сделаю, госпожа, — отвечал ей монотонный голос управителя, который тут же обрушивался на слуг и рабов, оказавшихся рядом. — А вы что стоите?.. Выносите эти тюки... Да не эти, вон те!..

— И посуду не забудь, — не успокаивалась женщина. — Обложи ее так, чтобы не побить.

— Все сделаю как надо, госпожа.

— Вот разиня! Куда же ты смотришь, Науд?.. Я тебе говорю, а ты что делаешь?

— Ковры хочу взять, как ты приказала, госпожа.

Вахшунварта грустно улыбнулся: здесь не знаешь, что принесет завтрашний день, а Олия о коврах беспокоится. Ах, Олия, Олия!

Он пошел на голоса, которые доносились из самой большой комнаты в доме. Там обычно он принимал гостей, устраивал пиры, на которые собирались самые знатные люди Согды, иноземные купцы, друзья из Бактрии и Фарганы, с которыми он был связан кровными узами.

Вахшунварта увидел дочь. Перебирая пальцами крупные гранаты тяжелого ожерелья, девушка безучастно смотрела на мать, шевеля время от времени

еще по-детски пухлыми, красиво очерченными губами.

— Рохшанак, дочка,— окликнул ее Вахшунварта.— А ты почему не собираешься?

— Я собираюсь.

Рохшанак словно очнулась от каких-то своих дум, непонимающе посмотрела на отца, точно не узнавая его, но вот глаза ее ожили:

— Мне так не хочется уезжать, отец! — сказала она.— И как тут без меня будут мои кеклики?

Старая Олия оторвалась на минуту от своих хлопот, покачала головой:

— Ее кеклики интересуют!.. В такое время, когда мы...

Она смахнула непрошеные слезы.

— Не ругай ее, мать,— тихо сказал он.— Ребенок еще, это мы с тобой прожили жизнь, а она...

Он махнул рукой, пошел к противоположным дверям, которые выходили во двор.

— Не забудьте теплую одежду с собой взять,— сказал он, стараясь не встречаться с ищущим взглядом жены.

Тревога вселилась в сердце Вахшунварты, но он держался изо всех сил. Жена и дочь не должны почувствовать, что он чем-то обеспокоен. Все хорошо. Все делается, как надо. То, что они уезжают,— простая мера предосторожности.

— Отец прав,— обняла дочь старая Олия.— Оденься потеплей, ночью в дороге может быть холодно.

Рохшанак кивнула, вышла из комнаты, не замечая, как вдруг опустились плечи, ссутулилась прямая спина гордой женщины, точно неожиданная усталость свалилась на нее. Олия некоторое время смотрела на дверь, за которой скрылась дочь, вздохнула тяжело, возвращаясь к своим делам.

Она ходила по дому, что-то говорила рабам, что-то укладывала в тюки, а мысли ее все время возвращались к Рохшанак, единственному ребенку князя. Подумать было страшно, что ждет их там, среди чужих людей?..

— Может, зря ты отправляешь нас из дома? — сказала она мужу, оставшись с ним наедине. — Лучше быть нам вместе в тяжелую минуту! Кто защитит нас, если случится самое страшное?.. А так, жили вместе и умрем, если надо будет, вместе.

— Будет тебе, жена! — с досадой сказал Вахшунварта. Но посмотрев на жену, обнял ее, привлек к себе. — Не беспокойся, Олия. Мои люди проводят вас до места. Пока все не прояснится, вам лучше быть подальше. Александр, я думаю, не полезет в горы... там для вас самое безопасное место. И Науд будет при вас, ты не думай о плохом.

— Разве я о себе думаю, — обиделась Олия. — Давай отправим Рохшанак под охраной слуг, а я останусь с тобой! Куда мне старой без мужа?

— И это говоришь ты, гордая Олия, жена Вахшунварты? — удивился князь. — Ты можешь отпустить одну единственную дочь, наследницу моего имени? Олия, как у тебя язык повернулся сказать подобное?

Женщина всхлипнула, прижалась к мужу.

— Даже если бы со мной что-то случилось, я бы умер со спокойной душой, что рядом с Рохшанак будешь ты!.. Ты ее мать, и не позволишь осквернить наш род.

— Прости меня, князь!

— Пусть только уйдет Александр, — подобрел Вахшунварта, погладил жену по жестким волосам. — А он уйдет... должен уйти, не вечно ведь он будет воевать. Солдаты устали, истосковались по родным крышам... Мне тут говорили, что чуть было войско не

бунтовалось, и сыну бога приходится считаться с желанием своих солдат.

— Александр! — подняла на мужа заплаканные глаза Олия. — Кажется, совсем недавно ты радовался ему, его победам, а теперь... заставляешь нас бежать из родного дома, бросая все, что нажито, мы должны прятаться в горах, как изгнанники или рабы.

Вахшунварта подошел к лошадям, проверил подпруги, поправил потники.

— Не думали мы, что врагом придет к нам царь македонцев, — с горечью заговорил он. — В своих посланиях он обещал свободу, а на деле... его солдаты ничем не лучше персов, такие же жадные, ненасытные, а крови пролилось намного больше, чем за то время, пока правили нашей землей Ахемениды.

Он не заметил, как вышла из дома Рохшанак и остановилась за их спиной, прислушиваясь к словам отца:

— Цветущие города они превратили в пустыни, теперь там живут только прожорливые гиены и мерзкие шакалы! Никого не пожалели! Никого!

Он замолчал, уходя в свои мысли.

— Мама, — окликнула Олию Рохшанак. — А правду говорят, что у Александра на голове.. вот тут... растут рога, потому что он родился от бога?

— Не знаю, доченька... Не видел никто у него рогов, но то, что ему помогают боги, это несомненно. Иначе как бы он победил персов, которых никто победить никогда не мог. Простому смертному такое не под силу.

Вахшунварта очнулся от своих мыслей:

— Я слышал, что он не только настоящий воин, он еще и очень мудрый человек, что учителем его был великий мудрец из греков!

— Да, да! — закивала Олия. — Люди много рассказывают о его учености.

— Не понимаю тогда, как большая мудрость может уживаться с неумейной жаждой крови, желанием нести людям слезы и смерти!..

И он снова замолчал, погружаясь в свои думы и не замечая рабов, которые выносили из дома тяжелые тюки, скрученные ковры, резные сундуки с домашней утварью.

19

Крепость Мараканда. Солнце едва коснулось высоких зубчатых стен, а в центральные ворота через тяжелый перекидной мост, который на ночь поднимался, отрезая город от внешнего мира, уже выезжали гости: окруженные пышной свитой и вооруженной охраной послы соседних государей, погоняли тяжело груженных мулов торговые люди, трусцой бежали, кланча милостыню, юродивые и нищие, скакали, возвращаясь с ночных рейдов, сторожевые отряды македонской конницы.

То ли оттого, что жители Маракады не оказали никакого сопротивления, выслали навстречу солдатам Александра знатных горожан с изъявлениями покорности и дружбы, добровольно открыли все ворота, то ли сын бога просто пожалел прекрасные строения древней столицы Согды, но он не разрешил солдатам грабить город, как это было прежде. Поговаривали также, что это могло быть связано с новой политикой македонского царя, понимающего, что здесь, в сердце Азии, лучше всего вести себя как милостивый, справедливый владыка.

Царь царей, полуразвываясь, сидел на троне; подражая персидским владыкам, он был одет в длинный до пят, стеганный золотом и сверкающий крупными алмазами халат. Голову украшала светившая всеми цветами радуги тяжелая тиара.

— Посольство от хорезмского царя Фарасмана! — объявил придворный церемонимейстер.

Послы вошли в зал, остановились в нескольких шагах от трона, склонились в почтительном поклоне, дожидаясь позволения говорить.

Клит и Неарх, стоящие справа от царя, переглянулись, пряча насмешливые улыбки. Александр заметил это, нахмурился, метнул на соратников недовольный взгляд, махнул послам рукой:

— Я слушаю, — сказал он. — С чем прибыли ко мне послы царя Фарасмана?

Старший выступил вперед, развернул длинный пергаментный свиток, еще раз поклонился Александру и стал читать торжественным голосом:

— Сыну Зевса, повелителю могущественной державы без границ, царю великих эллинов, персов и многих других народов царь Фарасман и впредь к царю царей и его непобедимым воинам всемогущий Ахурамазда.

Посол замолчал, снова сделал легкий поклон в сторону царя.

— Спасибо Фарасману, — кивнул Александр.

— Пусть знает мудрейший повелитель крупнейшей державы, что сердце правителя Хорезма полно любви и дружбы к нему, и в знак этого просит принять скромные дары, которые изготовили лучшие мастера.

Посол повернулся, сделал знак своим людям, которые с поклоном расступились, давая дорогу чернокожим полуобнаженным невольникам. Они поднесли и раскрыли перед троном несколько тяжелых ларей изумительной красоты. Сами лари были сделаны из драгоценного красного и черного дерева, сцены охоты из царской жизни украшали стенки и крышки ларей. Внутри же они были заполнены золотыми и серебряными украшениями, резными чашами, драгоценными камнями, обработанными руками ювелиров, которые

оставалось только вставить в оправу, чтобы камни ожили, заиграли волшебными цветами. Причудливые фигурки диковинных зверей, изготовленные из слоновой кости, казалось, вот-вот оживут и полезут из ларей. Пока Александр разглядывал подарки, невольники развернули тюки с тончайшими золототкаными отрезами шерсти, шелка, парчи.

Военачальники Александра не смогли скрыть своего восторга, хотя думали — после тех сокровищ, которые они увидели во дворцах персидских царей, их ничто не может удивить. А рабы хорезмских послов все вносили и заполняли зал дарами, и казалось, не будет этому конца. Но вот рабы ушли и больше не появились. Тогда снова вперед вышел старший, вынул из последнего ларя кумган из серой жженой глины, запечатанный плотной пробкой, и протянул македонскому царю:

— Это целебный настой, — сказал хорезмиец. — Да не будет знать великий царь царей, что такое болезни и раны в походах, но если такое все же случится и тело перестанет быть послушно воле, этот настой спасет его и вернет здоровье и былую силу.

— Спасет и вернет силу? — недоверчиво улыбнулся Александр, принимая кумган из рук хорезмского посла и передавая его Неарху.

— Да, — подтвердил хорезмиец. — Этот настой лечивает девяносто девять болезней.

— А что излечит сотую? — спросил насмешливо Клит.

— Сотую не излечит никто, — ответил посол. — Потому что сотая болезнь — это смерть, а ее нельзя остановить. Ее присылает к живущим сам Анхра-Майнью, и тогда даже всемогущий Ахурамазда не вправе заступиться за того, кого выбирает себе в жертву бог подземного царства.

Неарх осторожно открыл пробку, поднес горлышко

кумгана к своему лицу, пожал плечами, капнул жидкость на ладонь, снова понюхал, не сводя с посла выжидающе-напряженного взгляда.

— Можешь даже лизнуть языком,— бесстрастное лицо хорезмийца отразило нечто вроде улыбки.— Вреда от этого тебе не будет... Скорее, наоборот, лизнув настой, человек почувствует необычайный прилив сил.

Неарх лизнул ладонь. Grimаса отвращения искавила мужественное лицо македонского полководца.

— Не знаю, от чего спасает настой,— сказал он, обращаясь к царю.— Но вкус у него омерзительный.

Посол ничего не ответил на замечание, развернул свиток:

— Еще спрашивает повелитель Хорезма у своего брата Александра: не станет ли он воевать с его соседями — колхами, живущими неподалеку от моря? Если есть это в его дальнейших планах, то он, царь Фарасман, может предложить свою скромную помощь всем, чем может — провиантом для войска, проводниками, отборными воинами и оружием.

Посол замолчал, свернул свиток и передал его церемониймейстеру.

— Хорошо,— кивнул Александр.— Я подумаю над предложением твоего царя.

Он взглядом подозвал к себе Клита, что-то шепнул тому на ухо. Клит молча удалился из зала.

— Я тоже хочу передать царю Хорезма подарок.

Он замолчал, глядя на дверь за спинами посольства хорезмского царя.

В это время в зал вошел Клит, ведя за собой тонконового коня серо-голубой масти.

— Двух коней прислал мне правитель Фарганы. Одного я передаю в дар Фарасману.

— Конь Поднебесной! — заволновались в свите посла.

— Царь Фарасман будет очень обрадован твоему

подарку, великий Александр! — поклонился посол, приложив руку к груди.

— И пусть знает царь Хорезма — я принимаю его дружбу и надеюсь в будущем лично побывать у него в гостях и увидеть его прекрасную страну, о которой уже много наслышан.

— И не напрасно. Для Хорезма и нас, скромных обитателей его, большая честь будет — принять столь дорогого гостя!

Посол поклонился и, пятясь, покинул зал. За ним вышли и те, кто его сопровождал.

20

Александр давно чувствовал по утрам слабость в теле, легкое недомогание, но, как всегда, легкомысленно относился к опасениям своего врача, говоря, что это всего-навсего легкая простуда. Но однажды он не встал, как обычно, и, когда слуги явились, чтобы разбудить царя, он не узнал их.

Взгляд Александра блуждал по встревоженным лицам, потрескавшиеся губы шептали бессвязные слова.

Весть о болезни царя с быстротой молнии распространилась в войске. Страх овладел даже бывалыми солдатами. Каждый задавал себе вопрос:

— Что будет, если Александр умрет?

— Этого не может быть! — тут же отвечали они сами себе. — Александр не принадлежит к числу смертных. Он не может умереть. Он...

— Ну, а если это все же случится? — настаивали ветераны.

— Тогда...

И страх — непрощенный, непреодолимый, изматывающий душу, расслабляющий мускулы вкрадывался в тело македонцев и греков.

Все понимали, что боги не могли допустить такое. Не могли бросить их на произвол судьбы за тысячи стадиев от родных стен.

Солдаты рыскали по окрестным городам, хвагали всех лекарей, жрецов и прорицателей и тащили их в лагерь, угрожая, что, если они не вылечат их царя, то увидят свою смерть раньше, чем дух Александра покинет его тело.

И все же никто из врачей не решался применить свое искусство, справедливо опасаясь за свою участь. Один только верный Филипп оставался рядом с царем.

Александр пришел в себя, смог говорить с друзьями, но слабел день ото дня. Казалось, ему уже нет спасения. И только Филипп не терял надежды, приготовил очередное лекарство — сильный настой из лекарственных трав и опиума, умолил царя принять его, ибо Александр давно уже отказывался от каких бы то ни было лекарств.

— Мой царь, — приблизился к Александру Парменион, который давно ненавидел Филиппа. — Мне донесли, что враги наши подкупили твоего лекаря и он обещал им убить тебя. Прошу, во имя твоего отца Зевса, не пей отраву, которую он тебе предлагает.

— Ты уверен, что Филипп желает мне зла? — спросил Александр, глядя в глаза Пармениону.

Вместо ответа тот вынул из-за пазухи письмо и протянул царю.

— Это мои люди отобрали у одного лазутчика, который пробирался тайно в наш лагерь.

Александр развернул письмо.

«Верь этому человеку, друг. Он передаст тебе это послание и десять талантов, остальные тридцать ты получишь, когда выполнишь обещанное. Во имя всемогущего Ахурамазды, который тебе поможет, не медли...»

— Это все? — поднял глаза Александр.

— Разве этого мало? — воскликнул удивленно Парменион. — В письме говорится, сколько получил твой лекарь дополнительно...

— Можешь идти.

— Но, великий царь!

— Я сказал, — нахмурился Александр.

И Пармениону ничего не оставалось, как удалиться. Вскоре пришел Филипп. Ничего не подозревая о письме, он бодро подошел к царю и протянул чашу с лекарством:

— Прими его, Александр. И пусть покинут твое тело недуги. А если уж им нужна какая-нибудь жертва, пусть переселяется в этого барана, — кивнул лекарь на привязанного в углу шатра большого барана.

Александр вынул из-под подушки письмо и подал Филиппу:

— Прочитай пока это, а я приму твое лекарство.

Царь взял чашу с настоем и, пока Филипп был занят чтением, осушил ее до дна.

— Мой царь!

— Я тебя слушаю, Филипп.

Лекарь упал на колени перед ложем больного царя.

— Ты поверил этой клевете? — воскликнул он.

— Ты видел, я выпил твое лекарство.

— О боги! — письмо дрожало в руках преданного Филиппа. — Если твой дух ослабнет...

— Я верю тебе, — улыбнулся царь побелевшими губами. Ему было очень плохо. Он чувствовал, что теряет сознание.

— Если ты не согласишься в целебную силу снадобья, — вскричал Филипп, — горе мне и моему войску, о царь!

— Филипп!

— Верь мне, и ты сам сможешь своим выздоровлением ответить клеветникам, царь! Царь!..

Но Александр уже не слышал его вопля. Он снова впал в забытие.

Два дня и две ночи повелитель полумира находился между жизнью и смертью. Уже приносили богатые жертвы своим богам жители восставших городов Согды, Бактрии и далекой Фарганы. Снова участились набеги на македонские обозы, небольшие укрепленные пункты. Заволновались и те, кто давно смирился и поклялся в верности царю греков.

Но, видимо, боги не забыли о своем любимце. Александр пришел в себя и уже больше не терял сознания. То ли лекарство возымело действие, то ли молодой организм сам справился с неизвестной болезнью, но царь стал быстро поправляться и очень скоро смог самостоятельно выйти из шатра к войску.

И забылись все обиды, которые накопились за долгие месяцы и годы в сердцах бесстрашных солдат. Мощные крики радости слились с клятвенными уверениями, что они пойдут со своим царем куда он захочет. Хотя еще месяц назад требовали обратного, находились на грани бунта, требуя от царя повернуть обратно. Завоевано все, что возможно. Теперь, мол, пришло время мирных переговоров. Но до мира было далеко, и в этом их убедило время, пока царь был на грани смерти. На призыв неукротимого согдийского князя поднялась Западная Фаргана. Ее жители перебили отряд, который оставил в городе победитель. объявили себя свободными от всех обязательств и, отправив во все стороны вестников о восстании, закрыли ворота города и стали ждать помощи из далекой Согды.

Узнав об этом, еще не совсем оправившийся от болезни Александр срочно выступил на Фаргану, оставив в Мараканде часть своего войска во главе с Каном.

Как только Спитамену донесли, что Александр ос-

тавил Мараканду, он тут же осадил столицу Согды. На помощь осажденным Александр послал конницу Фарнуха и отряд легкой пехоты во главе с Маредом.

Когда Спитамену доложили о приближающемся вражеском отряде, он разделил свое войско на две части. Одной приказал инсценировать отступление, а сам со второй половиной засел в камышах по обе стороны дороги, по которой спешили солдаты македонского царя.

Увидев, что войско Спитамена бежит, Маред, предвкушая легкую победу, приказал преследовать варваров и, забыв об опасности, далеко ушел от крепости. И тут ему в тыл с основной частью своего войска ударил сам Спитамен. Сражение было коротким, перевес силы оказался на стороне восставших. Немногим удалось спастись, вырвавшись из окружения.

Покончив с отрядом Маред, Спитамен снова вернулся к Мараканде и осадил город. Весть о гибели отряда настигла Александра в дороге. Обеспокоенный участью тех, кто остался в Мараканде, он повернул назад, с ходу ударил по передовым отрядам согдийского войска, смял их и погнал от стен города, пока, наконец, не потерял следы Спитамена в необъятных песках. И тогда он накинулся на ни в чем не повинных земледельцев: снова запылали селения, рушились стены города, лилась кровь мирных жителей. За короткий срок солдаты Александра уничтожили более ста тысяч жителей Согды и Бактрии.

По приказу Александра был устроен пир в честь благополучного возвращения в Мараканду.

В пиршественном зале было душно, хотя за стенами дворца бушевала невиданная доселе гроза. После очередного разряда грома, когда молния, казалось, расколола небо над головами пирующих надвое, гости испуганно притихли.

— Пир в грозу, — сказал кто-то тихо, — плохая примета.

Анаксарх, друг Клита, толкнул своего приятеля в бок и обратился к Александру:

— Скажи, царь Зевса, ты ведь не можешь сделать ничего похожего?

Стало так тихо, что каждый теперь мог услышать, как бьется сердце соседа. Все смотрели на царя и ждали, что он ответит.

— И не хочу, — засмеялся Александр. — Зачем мне внушать ужас своим друзьям?

— Не знаю, как Анаксарх, — крикнул кто-то за соседним столом, — но мне такая перспектива не слишком по душе.

И снова застучали кубки с вином, задвигались виночерпии, внося в зал огромные блюда с дымящимися бараньими тушами, зажаренными целиком в специальных казанах.

— Пей, ты почему не пьешь, Нearch? — ткнул кубком в рот своему полководцу Александр.

Нearch качнулся пьяно, взял в руки чашу, допил ее до дна и, икнув, поставил на стол.

Александр, удовлетворенный, отвернулся от него, стал смотреть на кифареда, который в это время прохаживался острым словом по полководцам, потерпевшим поражение в последних стычках со скифами и согдийцами:

Фарнук испугался скифской секиры,
Как будто это было копьё Марса.

Громкий хохот сопровождал едкие куплеты. Фарнук прятал глаза, клял в душе кифареда, его искусство, себя — за то, что пришел на пир.

— Эй, Фарнук! — закричал сын бога. — Покажись, где ты там! Или тебя действительно так напу-

гали скифские секиры, что ты и здесь, на моем пиру, прячешь голову?!

— Покажись, мы на тебя посмотрим!

— Пусть покажется, — кричали с другого конца стола. — А то потом будет уверять, что не было его на пиру, что не слышал, как его разделал Праних.

— Так его, Праних!

— Давай, давай! — поддержал кифареда царь. — Продолжай.

Праних встал, поклонился царю и, снова садясь на свое место, запел, ободренный успехом:

Каран искал тени,
Но нашел стрелы Спитамена,
И, как трусливый заяц,
Подставил им спину.

И снова могучий хохот сотряс стены дворца. Теперь и Фарнух поднял голову и смеялся вместе со всеми, радуясь, что кифаред оставил его в покое. Каран в это время обнимал красивую гетеру, шептал ей ласковые слова и сначала не понял, почему кругом смеются. А когда кто-то сказал ему причину смеха, поспешно скинул руку с плеча девушки, схватил со стола наполненный кубок и жадно приник к нему губами, притворяясь, что не слышит и не воспринимает ядовитых слов куплета.

— Ничего, — насмеявшись вдоволь, заговорил царь царей, подставляя пустую чашу Птолемею, который исполнял сейчас роль царского виночерпия. — К весне я покончу с этим Спитаменом.

Он отпил вина, бросил в рот крупную сливу, выплюнул косточку.

— Я затравлю его, как зайца... и тогда родная степь не спасет его.

— Нехорошо смеяться над македонцами, царь!

Александр удивленно потряс головой, отвлекаясь от своих дум.

— Они хотя и попали в беду, — говорил медленно Клит, — но все же лучше тех, кто над ними смеется.

Александр снова пригубил чашу. Стало тихо, все смотрели на царя, на Клита, который тяжело поднялся под пристальным взглядом сына бога, оперся обеими руками о стол, не отводя от царя своих дерзких страшных глаз.

— Ты, наверное, хочешь оправдать себя, называя бессилие и трусость бедою? — сказал Александр.

За столом хихикнули. Все вспомнили, на что намекал царь. Несколько дней назад солдаты Клита попали в засаду, которую устроил Спитамен со своими всадниками. И, не приди на помощь Александр, может, не пришлось бы сегодня Клиту сидеть за пиршеским столом. Клит это понимал, но как истинный эллин, рожденный под свободным небом Греции, не мог терпеть оскорбления от кого бы то ни было. Он побледнел, как от удара, закричал срывающимся голосом:

— Эта самая трусость спасла тебя, царь Александр, когда ты уже подставил спину мечу Спитридата!

— Клит, опомнись! — дернул его за руку один из друзей.

— Не забывайся, Клит! — тихо сказал Птолемей товарищу, как бы невзначай, за его спиной.

— Так прошу тебя, царь! — говорил неукротимый македонец. — Не позволяй варварам смеяться над твоими солдатами!.. Хватит того, что им позволено сидеть с нами за одним столом, хотя для меня это хуже пытки, и я только подчиняюсь твоей воле.

Гости из местных высокородных князей нахмурились.

— Хватит! — Александр побледнел и сильно ударил кулаком по столу. — Мне надоело слушать тебя!

— Я говорю то, что думают остальные, но боятся

сказать тебе об этом! Я говорю от имени тех, кто пошел за тобой, оставив родное небо, жен, детей, матерей и сестер, говорю за тех, кому больше не суждено вернуться под родной кров, чьи кости покоятся здесь, на чужой земле! — запальчиво заговорил Клит.

— Замолчи, Клит! — попытался остановить его Непарх.

Но и в этот раз не принял предостережений товарища Клит.

— Или тебе по душе эти кочевники со своими варварскими обычаями? Тогда забудь, что ты царь эллинов, и женись на одной из их женщин, а нас отпусти домой!.. Мы тебе не нужны...

— Долго еще, негодяй, будешь радоваться, понося меня при каждом удобном случае?! — закричал в гнев Александр. — Забыл, с кем говоришь?

Кровь била в висках. Александр прикрыл глаза, чувствуя, что теряет власть над своей волей, еще раз попытался взять себя в руки.

— Или ты нарочно призываешь македонян к бунту?

— Что ты себе позволяешь, безумец! — раздались возмущенные возгласы.

— Замолчи, Клит!

— Перед тобой царь!

— Если ты нас перестал уважать, зачем мы тебе? Распусти войско, отправь нас в родную Грецию, а себя окружи варварами и безропотными рабами, которые будут целовать тебе руки и поклоняться твоему персидскому поясу и белому хитону! — Клита словно прорвало, и он, теряя всякую осторожность, говорил, говорил, — Мы же, свободные эллины, не привыкли ползать на коленях перед кем бы то ни было, и язык наш говорит всегда только то, что чувствует сердце, — он усмехнулся. — И когда-то ты тоже так считал, гордился своим рождением, но теперь... Что стало с тобой, Александр?

Кровью налились глаза сына бога. Все время, пока говорил Клит, пальцы царя то сжимались в кулак как, что болели в суставах от нечеловеческого напряжения, то начинали шарить по широкому поясу. Александр до последнего мгновения боялся чего-то, боялся себя, сдерживался изо всех сил, искусывая в кровь свои губы. С детства он любил Клита, дружил с ним, ценя его преданность и бесстрашие, но сейчас он вдруг почувствовал, что перед ним чужой, что потеряна навсегда та нить, которая связывала их. И будто затуманилось у него в голове, он схватил со стола стилет, которым брал куски мяса, и с силой запустил им в Клита.

— Убью! — прохрипел Александр, выхватив у кого-то меч и опрокидывая скамью, на которой сидел.

Но его перехватили с двух сторон.

— Успокойся, царь! — крепко сжимал его руку с мечом Неарх.

— Клит опьянел от вина, ты же знаешь его, — говорил Птолемей, кивая товарищам, чтобы те вывели Клита из зала.

— Он посмел так говорить со мной! — вырывался из рук друзей Александр. — Я слишком много ему позволил и вижу, что развратил его.

— Да выведите его! — крикнул Неарх.

За столами началось смятение. Одна часть окружили царя, другая стали упрашивать Клита покинуть зал.

— Я убью его! — тяжело дышал Александр. — Чтобы никто не смел! Клит! Где ты, Клит?!

— Я здесь! — рвался к царю македонец.

— Хотя ты и молочный брат Александра, — обхватив его за плечи, говорил Ксенодох, — я бы советовал тебе придержать язык! Лучше уйдем отсюда.

— Нет, я все скажу ему!

— Успокойся, Клит! — пробовал образумить товарища Фарнух.

— Этот Александр не будет слушать тебя!.. Он уже не тот, с которым ты бегал к гетерам.

— Ну и что! — кричал Клит. — Мы все одинаково равны перед Зевсом!

— Он прав, — тихо подогревал его злость хитрый Каран. — Пусть говорит, ведь он почти брат царю.

— Позорить меня перед чужеземцами! — Александр резко оттолкнул от себя друзей. — Эй, стража! Ко мне! Здесь заговор!

Из всех дверей на зов царя высыпали солдаты, но, оказавшись в зале, остановились в нерешительности.

— Эй, ты! — закричал страшным голосом Александр своему телохранителю. — Труби сбор! Сигнал тревоги, если тебе дорога жизнь! Или я не царь уже?

— Не спеши! — остановил трубача властный шепот Птолемея.

— Я говорю — труби общий сбор! — заорал сын бога и ударил трубача по лицу. Из рассеченной раны хлынула ярко-красная кровь. Трубач побледнел, оглянувшись на Птолемея Лага.

— Я убью тебя, если ты издашь хоть один звук! — прохрипел Птолемей, повиснув на руке царя.

— Зачем поднимать лагерь, царь? — успокаивал Александра Неарх. — Неужели ты и к нам потерял доверие? Поверил, что тебя окружают враги?

Ксенодох и Фарнух вывели наконец Клита.

— Хорошо, — неожиданно согласился Александр, заметив, что Клита нет, — но наказать Клита, я накажу!.. В назидание другим! Вина!.. Птолемей, налей мне вина, я хочу пить. Я буду сегодня пить всю ночь.

Птолемей послушно наполнил чашу искристым молодым вином, которое особенно нравилось царю. Все успокоились, начали возвращаться к своим местам. Но тут снова в дверях появился упрямый Клит. Будто судьба властно и настойчиво вела его за руку к роковому

концу. Он нашел взглядом царя, дерзко засмеялся ему в лицо:

— Запомни, Александр, я свободный эллин, и никогда тебе не увидать, чтобы я целовал твою руку, а вы, друзья...

Он обращался к македонцам, которые окружали царя, но так и не договорил того, что хотел сказать. Взбешенный Александр выхватил копье у одного из своих телохранителей и с силой метнул в Клита. На этот раз рука не подвела его.

Клит замер на полуслове. Тяжелое копье ударило ему в грудь и вышло со спины. Македонец зашатался, хватаясь за дерево, которое торчало из груди, упал на колени. Grimаса боли исказила его лицо, он еще раз попытался встать, но кровь хлынула у него из горла, и Клит упал, заскользив в предсмертных конвульсиях по мраморному полу.

Мертвая тишина сковала гостей. Все с ужасом смотрели на царя. Неожиданно, как чей-то стон, громко лопнула струна у кифары. Все вздрогнули, посмотрели на кифареда, который сжался под колючими взглядами, испуганно попятился к стене. Александр беспомощно огляделся, шагнул к своей жертве.

Клит лежал на пороге, безмолвный и неподвижный. Александр замер над телом друга, застонал громко, упал на колени:

— Клит! Что ты наделал, брат мой!

Слезы потекли по мужественному лицу царя.

— Открой глаза, Клит! Скажи хоть слово, ты не можешь оставить меня, друг!.. О, боги, отец мой, как же ты позволил случиться такому!

Все смотрели на царя, не решаясь приблизиться. Внезапно, озаренный какой-то мыслью, Александр вскочил на ноги:

— Я иду за тобой, Клит!

Он выхватил из ножен солдата меч, но ударить се-

бя уже не успел. Поняв его намерение, к нему бросились друзья, крепко обхватили со всех сторон:

— Пустите! Отпустите меня! — умолял их Александр. И, видя, что это не помогает, начинал угрожать, рваться из цепких рук. — Прочь! Кто смеет прикасаться ко мне! Руни! Руки прочь! Эй, стража! Клит! Где ты, бедный мой друг?!

Царя с большим трудом вывели из зала. Гости, обходя труп, начали покидать дворец. Вдруг гетера, которая сидела с Караном, метнулась к распростертому телу и, наклонившись над ним, быстро смочила свой платок в алой лужице.

— Я посвящу его кровь Персефоне, — объяснила она Аристофану, начальнику стражи, который пришел, чтобы унести тело товарища и подготовить его в последний путь. — Чтобы она помогла нам быстрее вернуться на родину...

21

Ветер колыхал остроконечные верхушки камыша, шелестел широкими листьями.

Фарнух остановил коня, настороженным взглядом окинул берег реки, поднял руку!

— Отдохнем здесь.

Отряд спешил. Одни повели коней поить на мелководье, другие занялись устройством лагеря.

— Эй, вы! — окликнул ветеран-грек своих молодых товарищей. — Давай за дровами, если хотите побыстрее набить животы мясом.

И, скинув на землю оружие, начал вытаскивать из телеги большой бронзовый котел на трех ножках. К нему подошли еще двое, чтобы помочь.

— Вери за ручки, ну! — командовал грек. — Так... устанавливай!.. Да не так же, раззява!.. Он же перевернется! — не зло ругался ветеран.

Установив котел, он занялся баранами: ловко повалил животных на землю и тут же скрутил ремнями ноги.

— Теперь можешь действовать,— сказал он своему помощнику.— И ножи заточи сначала.

— Ножи заточи ему! — ворчал тот, вынимая из сумки несколько ножей.— Никогда не думал, что мне придется стать мясником.

— Между солдатом и мясником почти никакой разницы нет,— заметил македонец, который помогал устанавливать котел. И сейчас он стоял там же, разглядывая ручки на котле. Искусный мастер сделал их в виде горных козлов, приготовившихся к прыжку.

— Нравится?

Грек-ветеран бросил рядом охапку дров.

— Хорошая работа.

— Хорошая,— согласился ветеран.— Из-под самой Фарганы с собой вожу.

Он оглянулся на своего помощника, покачал головой:

— Какой же ты солдат, если не можешь освежевать барана?

— Такой же, как и ты,— огрызнулся тот, работая ножом...

— Бедная Валерия! — тоскливо говорил худощавый грек, смывая пот с боков своей лошади.— Она, наверное, как Пенелопа, прядет пряжу и смотрит на дорогу.

— А я, как ни стараюсь, не могу вспомнить лицо моей ворчуньи,— смеется его товарищ, барахтаясь в воде.

— Солдату вообще не стоит заводить семью,— философски заметил лежащий на берегу.— Его дело— война, а самые верные друзья, которые никогда не предадут,— меч и щит...

— Вернулася разведка,— доложил Фарнуху по-

моцник — пожилой, почти квадратный македонец.
— Ну? — не поднимая головы, спросил Фарнух. Он лежал на толстой лошадиной попоне, подставляя лицо лучам заходящего солнца.

— Они никого не встретили. Все бесполезно, по моему, нужно возвращаться. Спитамена здесь нет, да и не может быть. Зверь, когда за ним идет охотник, уходит подальше.

— Он здесь, — открыл глаза Фарнух. — Здесь!.. Но вот где? Чует мое сердце, что он рядом.

— Пусть бы его поглотили эти ненасытные пески! — вздохнул македонец, усаживаясь рядом со своим командиром.

— Эти пески поглощают только наших солдат! — Фарнух выплюнул травинку, перевернулся на живот. — Спитамена с его головорезами они прячут.

— Ужасное место, — говорил бородатый грек, подбрасывая побольше сучьев в огонь под котлом. — И когда этому придет конец?

— Тс-с-с!

Спитамен приложил палец к губам, осторожно раздвинул камыши. Солдаты Александра, позабыв об опасности, резвились, как дети, — бултыхались в воде, окатывая друг друга брызгами. Они радовались короткому отдыху, возможности забыть, что идет война и где-то рядом может быть враг.

Спитамен махнул товарищам:

— Пошли... только тихо.

Двое согдийцев улыбнулись своему вожаку, набрали в легкие побольше воздуха и нырнули под воду, за ними последовали еще, потом еще и еще.

Спитамен напряженно вглядывался в лица врагов и ждал. Вот, ойкнув, исчез под водой один из купающихся, за ним последовал другой.

— Эй! Ксанф, где ты? — всполошился было кто-

то, но тут же сам вдруг нелепо взмахнул руками и ушел под воду.

— Эй, что там происходит? — поднял голову грек, который лежал на берегу. Почувствовав неладное, он обернулся к командиру. — Фарнух, там...

Он не договорил. Тонкая тростниковая стрела впиалась ему в горло, и он захрипел, валясь навзничь и вахлебыгаясь кровью.

— Фарнух, смотри! — успел крикнуть помощник командира и тут же упал замертво, пронзенный сразу несколькими стрелами.

— Вот и Спитамен! — выдохнул Фарнух, вскакивая на ноги и обнажая меч. — Солдаты, ко мне! Быстрее, если вам дорога жизнь!..

Но было слишком поздно. Поднимая клубы пыли, на лагерь обрушились согдийские конники. Через несколько минут все смешались и трудно было разобрать, где свои, а где чужие. Греки оборонялись с остервенением обреченных. Раненые впились в ноги врагов, которые оказывались рядом. Тех, кто бежал к реке, встретила засада во главе с самим Спитаменом, который до поры выжидал, не выдавая своего присутствия. И враги бросились к камышам, надеясь укрыться в их зарослях. Тут-то и встретил их Спитамен.

Захваченный врасплох, отряд Фарнуха сопротивлялся довольно долго. Каждый дрался за троих. Словно обезумев от воплей и крови, согдийцы носились между врагами, как смерть. И падали под их ударами испытанные солдаты македонского царя, посылая напоследок проклятия в адрес коварных варваров. Умирали, так и не увидев родной Эллады.

Спитамен рубился на берегу, прикрывая щитом себя и Гулрухсор. Она стояла за его спиной и посылала стрелу за стрелой в бегущих врагов.

Кольчуга, плотно обтягивающая ее грудь, еще не

успела обсохнуть от воды, искрилась на солнце серебром. Мокрые пряди выбились из-под маленькой шапочки и прилипли к окаменелому лицу.

Точно ожившая статуя Афины Паллады стояла она в гуще сражения, пуская свои неотразимые стрелы. Мрачный холод глаз молодой женщины поражал тех, кто в последнюю секунду успевал встретиться с ней взглядом. Они точно успевали увидеть свою смерть и тут же падали, окрашивая зелень травы своей кровью.

Лишь когда стрела пробила грудь юного македонянина с благородным, словно вырезанным из белого мрамора лицом, который зашел сбоку и занес было уже свой меч над Спитаменом, и пораженный почти в упор рухнул под ноги согдийца, она наклонилась над ним, вглядываясь в холодеющие черты. И будто кольнуло ее что-то, смутная тень не то жалости к поверженному красавцу-врагу, не то сожаления о мимолетной красоте вообще пробежала по ее прекрасному лицу.

Очень скоро все было кончено. Ни один солдат Александра не ушел от смерти.

И снова уносился в бескрайние пески неуловимый отряд согдийского князя, уносился навстречу набегающей ночи, которая торопилась укрыть трупы, оставленные на съедение гиенам, окрасить в свой цвет граура кровь героев, которые все приняли смерть лицом. Никто не был поражен в спину.

Но как она ни спешила, над трупами уже кружили черные вестники смерти — жадные грифоны и осторожные вороны слетались на кровавый пир...

22

— Ты говоришь — это сын Кандаки?

— Если верить его словам — это так, — подтвердил Птолемей Лаг. — И внешность царевича, благород-

ство речи, осанка подтверждают, что он из знатного рода.

Александр задумался.

Птолемей Лаг подождал немного, потом снова обратился к царю:

— Он хочет увидеть тебя, чтобы выразить благодарность за помощь, которую оказали ему наши разведчики.

— Он тебя видел?

— Нет. Я разглядел его, когда он разговаривал с Парменионом, — несколько удивился Птолемей Лаг вопросу царя.

— Вот что, — Александр подошел к нему, снял свой плащ и набросил на плечи Птолемею Лагу. — Садись на мое место.

— Что ты еще задумал, великий Александр?

— Пока я сам не знаю, — засмеялся царь, усаживая его на трон. — Итак, ты будешь Александром, а я — твой советник. Понял?

— Нет, — покачал головой простодушный военачальник Александра.

— Ну, это не важно. Потом поймешь, сейчас главное — ты царь, я твой ближайший советник, начальник щитоносцев. Все. Теперь зови своего царевича.

Птолемей уселся поудобнее на троне, кивнул стражникам, которые с интересом прислушивались к тому, что происходило:

— Давайте сюда гостя.

Сын царицы Кандаки оказался молодым черноволосым юношей с тонким смуглым лицом, орлиным носом и большими выпуклыми глазами под широкими густыми дугами бровей. На нем была кольчуга искусной скифской работы, талию перетягивал широкий серебряный пояс с золотой пряжкой в виде солнечного диска с разбегающимися по сторонам лучами. С левого бока свешивался длинный узкий стилет с инкру-

стированной золотом и мелкими брильянтами ручкой.

Он остановился посредине зала, прижал обе ладони к груди и, чуть поклонившись, замер перед Птолемеем.

— Кто ты, благородный человек? Мне рассказали, что тебя постигло несчастье, но я решил выслушать все от тебя самого и потому позвал к себе.

— О Великий Александр! Не думал я, что судьба приведет меня к тебе в таком виде!

Слава о тебе и твоих победах перешагнула горы и моря, бурные реки и непроходимые пустыни. Давно мечтал я о встрече с тобой, но не так она должна была произойти. И не смею я сетовать на богов, по воле которых я сегодня стою перед тобой без свиты, без подарков, достойных тебя.

Он замолчал на некоторое время, словно припоминая события недавнего прошлого.

— Имя мое Кандавл,— переборол он волнение.— Я старший сын царицы Кандаки, которая правит землей в ста парсангах от переправы через Яксарт.

— Я слышал о мудрости твоей матери, Кандавл,— сказал Птолемей Лаг и махнул слугам.— Принесите нам что-нибудь, достойное дорогого гостя.

Птолемей Лаг посадил царевича справа от себя и, пока слуги накрывали стол, попросил рассказать, что случилось в дороге.

— Несчастье привело меня в твой лагерь,— начал рассказ Кандавл.— И все же я рад теперь моему несчастью, ибо иначе не смог бы увидеть и услышать тебя так близко. Но если ты хочешь историю, которая со мной произошла, слушай, великий царь.

Каждый год в стране амазонок в это время справляют праздник цветов и любви. Моя мать находится в большой дружбе с их царицей, и ежегодно мы по приглашению приезжаем на праздник. Все было хорошо. С небольшим отрядом, с подарками для царицы ама-

тонок и ее дочерей я и моя жена отправились в путь. Мы были спокойны и беспечны, считая дорогу неопасной, но царь бебриков — наш давний враг — выведаль у кого-то, какой дорогой мы едем, и устроил засаду. — Лицо царевича исказила внутренняя боль. — Их было много. Все мои друзья и охрана, которая сопровождала нас, погибли. Мне чудом удалось избежать плена и уйти от погони. Враги бежали, увидев твоих разведчиков. И вот я здесь, перед тобой, великий царь.

— Значит, спасся ты один?.. А как же твоя жена? Что с ней?

— И это мне неизвестно, — грустно покачал головой Кандавл. — Когда на нас напали с криками воины царя, конь жены моей испугался и понесся вперед. Я только успел заметить, как за ней погнались несколько всадников; вот и все, что мне известно.

— Что ты теперь думаешь делать? — снова задал вопрос Птолемей.

— Вернусь на родину, — со вздохом ответил Кандавл, но тут же глаза его загорелись ненавистью. — Я соберу дружину и отомщу бебрикам за их коварство! Они мне дорого заплатят...

— Зачем же во имя такой благородной цели ехать так далеко? — вступил в разговор Александр и, обернувшись к Птолемию, добавил. — Прости меня, царь, что без разрешения твоего...

— Хорошо, хорошо! — прервал его Птолемей, пряча улыбку в густой бороде. — Что ты можешь посоветовать, мой верный Антигон?

— Позволь мне, царь, — заговорил Александр. — Я выступлю со своими щитоносцами немедленно и обещаю тебе — через очень короткое время Кандавл будет отмщен и, если жена его еще жива, получит ее обратно.

— Очень благородно, дорогой Антигон, с твоей стороны, но... Ты мне нужен здесь, и я...

— Я постараюсь обернуться так скоро,— чуть тверже сказал Александр, глядя в глаза Птолемею,— что ты и не заметишь моего отсутствия.

— Ты в этом уверен?

— Да,— подтвердил Александр.— К тому же у нас с бевриками свои счеты. Они не раз нападали на наших разведчиков и даже разграбили обоз, который мы отправили в Грецию несколько дней тому назад.

— Да, ты прав,— сдался Птолемей.— Бевриков надо наказать.

— А принц Кандавл покажет дорогу, чтобы мы долго не искали его обидчиков, ведь так?

— Я готов! — Кандавл не смог сдержать своей радости, глаза его благодарно сияли, когда он смотрел на Александра.— Если царь разрешит... моя мать, царица Кандака, постарается достойно отблагодарить за помощь ее сыну.

— Пусть будет так, Антигон! — поднялся Птолемей.— Возьми своих щитоносцев, отряд всадников Карана и выступи немедленно. Пусть узнает царь бевриков, что такое воины Эллады!

23

Солдаты под командой Александра ворвались в город бевриков глубокой ночью. Стража, охранявшая дворец, разбежалась, не оказав никакого сопротивления и бросив царя и его близких на волю победителей.

Кандавл носился, как демон зла, удары его меча сокрушали всех, кто вставал на его пути.

— Рагина! — выкрикивал он ежеминутно имя жены.— Рагина, где ты? Это я, твой муж Кандавл!.. Рагина, отзовись!

Не пощадил он ни царя бевриков, который умоляюще простирал руки к македонскому царю, ни его де-

той. Уже под утро, потеряв всякую надежду увидеть свою жену живой, Кандавл нашел ее в одной из тайных комнат дворца.

А утром Александр устроил пир в честь одержанной победы. Счастливый принц сидел рядом, поминутно обнимал своего спасителя:

— Поверь, мой друг Антигон! Мать моя — великая царица — достойно отблагодарит человека, спасшего честь ее сына. Ты должен побывать у меня в гостях.

— Я это сделаю с большим удовольствием, — приговаривал Александр с улыбкой. — Если меня отпустит с тобой мой царь.

— Отпустит, — горячо говорил Кандавл. — Я упрошу его, а ты доверься мне... Я знаю, есть и у нас такие, кто враждебно относится к македонскому царю, но никто не посмеет обидеть гостя самой царицы. Поедем со мной, ты увидишь такое, чего нигде не встречал, и верь — мои слова не пустая похвальба.

— Повторяю, я подчиняюсь Александру, — отвечал ему Александр, с улыбкой наблюдая за сменой настроений на мужественном лице принца. — Но сам я готов последовать за тобой.

И потом, вернувшись назад, Александр приказал Птолемею отправить его к Кандаке как своего посла.

Каким бы опасным ни представлялось это путешествие, он никогда не простил бы себе, не используя он возможность побывать в гостях у Кандаки. Об уме, незаурядном мужском характере, воле ее ходили легенды. Говорили о сказочных богатствах, которые она собрала в своем дворце. Александр хотел убедиться в том, что слышал раньше.

Птолемею, как он ни сопротивлялся, пришлось подчиниться приказу царя. Тогда он велел позвать к себе Кандавла.

— Я хотел написать письмо твоей матери, — ска-

зал он наследнику Кандаки.— Но потом решил: пусть Антигон поедет с тобой и лично передаст царице на словах мои самые лучшие пожелания и изъявления дружбы. И еще...

Он пристально посмотрел в глаза Кандавлу, скавал медленно, с расстановкой:

— Ты понимаешь, как мне дорог Антигон!.. Мне очень хотелось бы верить, что в твоей стране с почетом встретят моего посла, и он вернется назад целым и невредимым!

— Пусть царь Александр будет спокоен! — поклонился Кандавл. — Антигон поедет, как твой посол и как мой брат! Клянусь тебе, никто не посмеет даже взглядом оскорбить гостя царицы. Я верну его тебе с царскими дарами...

24

Отряд Спитамена, далеко ушедший в горы, давно уже привык жить походной жизнью. И все же, по настоянию Гулрухсор, Спитамен вынужден был построить дом, похожий на тот, который они оставили в долине.

— Мы люди, а не звери, — говорила она. — Я хочу, чтобы была крыша над головой, пусть даже ненадолго, но была своя спальня, комната для гостей.

И Спитамен подчинился. Из камней, в которых недостатка не было, он построил дом, вытянутый в длину, с парадной частью, семипролетной верандой, четырехколонным прямоугольным залом — гостиной, охваченной со всех сторон широким коридором.

Конечно, времени на то, чтобы возводить вокруг нового дома многочисленные пристройки для воинов Спитамена, уже не было, но сам дом, по мнению Гулрухсор, на некоторое время отвлек людей от тягостных мыслей о смерти, которая неотвратимо следовала за отрядом, унося друзей и соратников князя.

И хотя имя Спитамена уже стало легендарным среди населения Согды и стоило ему где-то появиться, как в его отряд сотнями стекались обиженные и угнетенные, все же даже он иногда начинал сомневаться в скорой победе.

Но никто не знал о тайных сомнениях своего князя. Каждый день, как обычно, с утра проводились занятия по военному делу.

— Если мы хотим победить, то должны сражаться лучше, чем солдаты Александра, — говорил Спитамен, не позволяя товарищам по борьбе лениться. И все понимали — князь прав. Лучники, становясь в ряд, ревниво следили за тем, кто быстрее и метче попадет в чучело врага, сшитое из старых тряпок и набитое соломой, или нарисованную разноцветной охрой на мочке платане голову гиены со шлемом, который носили солдаты Александра. Конники мчались по узкой горной дороге, сшибая мечами нанизанные на черенки яблоки и посылая стрелы в мишени, всюду расставленные по приказу Спитамена.

Искусство конников Спитамена было так высоко, что Александр, когда однажды увидел их действия в бою, не смог сдержать своего восхищения:

— Будь у меня такие всадники, — воскликнул он, — война в Азии была бы давно закончена и мы уже были бы на подходах к Инду.

И все же словно облако нависло над соратниками Спитамена. Можно было на какое-то время захватить небольшую крепость, разогнать обозников, перебить передовой отряд, но сразиться на равных с армией царя греков Спитамен не мог, не имел для этого сил. И армия эта, как непобедимое воинство Ахурамазды, все больше и больше теснила его со всех сторон, шла по пятам, неся смерть в и без того поредевшие ряды борцов за свободу земли Согды, отрезая Спитамена от городов и загоняя его все выше и выше в горы. И уста-

лость, все чаще приходящая к Спитамену, казалось, передавалась его отряду.

А если так, то уставать он не имеет права. Он в ответе перед памятью предков за дело, ради которого оставил свой дом в долине, за людей, которые поверили ему и пошли за ним, за жену, Ростана!..

Древний бронзовый котел на треножнике стоял над костром, жарко стрелявшем вверх крупными угольками и время от времени посылавшего в молчаливую ночь россыпи красных искр. Пахло можжевельниковыми ветками, горячей золой и мясом, которое варилось в котле.

Спитамен, растянувшись на пушистой шкуре недавно выслеженного им снежного барса, закинул руки за голову.

Ярко и тревожно горели звезды, миллиардами светлых точек светился великий Млечный путь.

Спитамен думал о вчерашнем сражении. Они окружили греков, которые возвращались с охоты. Гикнув, понеслись на врага стремительные, вышколенные воины Спитамена. Греки не дрогнули. Они мгновенно сгрудились, оцетинившись со всех сторон пиками, прикрываясь от стрел тяжелыми кожаными щитами, в которых тонули легкие стрелы согдийских лучников.

Спитамен вспомнил лицо грека, который оказался на его пути. Светловолосый, с огромными глазами, в которых не было страха, скорее удивление мелькнуло в них. Уже в последнюю секунду, сшибая врага, Спитамен успел отметить молодость его. Юноша стоял на пути всадника прямо, не отступая и не прикрываясь, выставив вперед короткий меч. Он был очень молод, не более семнадцати весен, и, наверное, любимец своей греческой богини любви. Кажется, Афродитой зовут ее. Афродита — странное имя у богини.

У них, согдийцев, нет богини любви. Есть Ана-

жит — богиня плодородия, есть боги света и тьмы. Наверное, потому, что слишком тяжела и ненадежна жизнь кочевника, ему всегда угрожает неурожай, всегда гонит его прочь, в луга, потребность менять пастбища.

Вот потому и жены у них ценятся не изнеженные, не те, что требуют постоянного ухода и золотых украшений. Другом должна быть в первую очередь жена, верной спутницей, сильной и выносливой, как его Гулрухсор.

И красота женщин здесь не та, изнеженная и капризная, как у персиянок, выставляющих напоказ обнаженное тело. Нет, красота согдианок диковатая и сильная, как у цветов, что растут и распускаются под самыми беспощадными лучами солнца.

Спитамен вспомнил лицо юноши-грека и снова удивился: слишком он был похож на женщину. Разве что более высокую и сильную.

И неизвестно почему, вдруг дрогнуло сердце у князя — наверное, таким вот мог бы быть сын, не рожденный, но желанный всегда, во все дни, проведенные рядом с Гулрухсор.

Но этот юноша на его дороге был враг, он пришел на землю Согды убивать, грабить, устанавливать свои законы и потому, повинаясь силе, неизмеримо более могущественной, чем все его желания, пустил Спитамен из лука гибкую, страшную стрелу. И долго после того, когда юноша, не успев прикрыть маленьким круглым щитом левый бок, вздрогнул всем телом и, запрокинув голову, медленно упал, все звенел в ушах Спитамена тонкий, такой привычный всегда, но ставший вдруг чужим и зловещим, звук спущенной тетивы.

Потом были стрелы, много стрел, но тетива не умолкла, и, кажется, даже сейчас, спустя много часов после боя, все звенела в ушах, напоминая о смерти,

которая всегда бежит рядом с его конем, а когда отстаёт — он все равно ощущает затылком ее холодное дыхание.

— Ты будешь великим воином, сынок! — часто говорил ему отец. И тогда, подсаживая его впервые на коня, он смеялся над его страхом. — В нашем роду никогда не было трусов, Спитамен.

— Я и не боюсь ничего! — выдохнул он, с большим трудом сдерживая дрожь в голосе и боясь оглянуться на мать. Она тоже стояла рядом с отцом и подбадривала его улыбкой.

— Пошел!

Отец легко ударил коня. Чудом удержался в седле Спитамен, сделал круг по двору, потом еще, еще... А после сам смеялся над своим страхом, который, оказывается, легко можно победить...

Но последнее время он все чаще и чаще думает о смерти. Почему бы это?

Спитамен смотрел на Ростана, который подошел к платану. Там, завернутое в шерстяное покрывало из козьей шерсти, лежало тело Мазафара. Верный соратник князя был тяжело ранен в бою и умер уже здесь, на руках у Спитамена. Окруженный греками, Мазафар отчаянно отбивался, разя врага мечами, которые держал в обеих руках, но потом, как-то сразу, несколько стрел вонзились в его грудь, где кольчуга была порвана мечами врагов. И в разгаре боя Спитамен успел только заметить, как неслась лошадь Мазафара и как, словно не желая выпускать поводья, тащилась вслед за ней по кочкам и сухой степной траве Мазафар, а за ним тянулась красная влажная лента...

Сколько крови пролито за эти годы! Ушли из жизни Бесс, Дарий, их верные псы Сатибарзан и Датафарн. Они чувствовали себя бессмертными, отправляя в объятия Анхра-Мийню его соплеменников, но вот и сами оказались в его мертвом царстве. Бродят в веч-

ном холоде и лучшие друзья, с которыми он начинал борьбу, думал жить вместе, в дружбе и согласии долгие годы, когда изгонят врага с родной земли.

Нет их, но нет и спокойствия на родной земле — пропахшей сухой, горячей пылью, с ее прохладными предгорьями, тонущими в тени огромных дубов, елей и платанов, с ее лугами, на которых растет сочная, чуть влажная трава, где так привольно цветет весной ковыль! Перед мысленным взором Спитамена встали укутанные желтоватыми цветами акации, и он тут же ощутил сладкий густой аромат этого волшебного дерева...

Что нужно Александру от нее, этой земли?

— Ты что-то спросил, родной?

Спитамен несколько мгновений смотрел на жену, покачал головой:

— Подумал вдруг, — сказал он со вздохом. — Что людей толкает на войну? Что не дает им жить спокойно?

— Ты думаешь об Александре?

— Он родился царем, — кивнул Спитамен. — У чего было все — власть, богатство, дворцы, так чего же ему не хватало, что он покинул свою Македонию и вступил на бесконечную дорогу войны! Ведь не только наши дома пустеют, погибают, уходят из жизни лучшие из его соратников!

— Есть нечто сильнее людей, их маленьких желаний, и ты это прекрасно знаешь, Спитамен, — сказала Гулрухсор.

— Ты имеешь в виду славу?

— И славу тоже! А больше всего ощущение власти, власти над миром, избранности своего рождения.

Спитамен молча смотрел на жену. Она права, насытить эти желания нельзя, почти невозможно. А царь греков до сих пор не знал поражения, и потому ничто не может остановить его на половине пути.

— А богатства, которые потекли в сокровищницы греков? — сказала Гулрухсор, помещивая мясо в котле. — Разве может простой смертный отказаться от золота, пурпурной краски, тонкой шерсти, пуха, хлеба, который растет на просторах завоеванных земель, ведь это же почти даром.

— И все же не жажда обогащения движет Александром! — задумался Спитамен.

— И слава тоже, — улыбнулась Гулрухсор. — Ему нужен ореол завоевателя.

— И потому он сеет смерть за собой!

— И потому он объявил себя сыном бога, чтобы ни у кого не мелькнуло сомнение, что его может кто-то остановить, противостоять его планам.

Они замолчали. Подошел Ростан, опустился на шкуру рядом со Спитаменом.

— Даже не верится, что Мазафара нет и больше никогда не будет, — сказал он.

— Много пришлось мне видеть смерть, но гоже никак не могу привыкнуть к ней, — согласился Спитамен. — Тяжело терять друзей. Теперь вот и Мазафар...

Он вспомнил мертвое, заострившееся лицо друга:

— Эх, Мазафар, Мазафар! — с болью вырвалось у него.

Гулрухсор помешала варево большой деревянной ложкой, попробовала на вкус, бросила в котел пучок зелени.

— Мясо почти готово, можно есть, — сказала она, подвигая к себе глубокие миски из обожженной глины.

— Мы охотились в горах, — вспомнил вдруг Спитамен что-то далекое. — Мне было немногим больше, чем тебе, Ростан.

Ростан кивнул, поставил перед Спитаменом миску с мясом.

— Я и не заметил, как Мазафар отстал от меня. Слишком увлекся, — улыбнулся Спитамен. — Или за-

думался о чем-то, не помню сейчас. Только слышу вдруг крик!

— Берегись!

И тут же будто гром ударил! У меня волосы дыбом встали! Оборачиваюсь резко, а сам в сторону прыгаю тут же, на всякий случай. Смотрю, а Мазафар уже по земле катается с барсом.

Глаза Ростана горели жадным пламенем. Он весь напряжился, представляя себе картину, которую нарисовал Спитамен, себя на месте Мазафара.

— Ты мне никогда не рассказывал об этом случае, Спитамен! — лицо Гулрухсор слегка побледнело.

— Я и сам забыл о нем, — грустно улыбнулся Спитамен своим мыслям. — Оказывается, барс давно уже за нами шел. Мы за ним, а он обошел нас и крался следом.

— Кто кого получилось! — облегченно вздохнул Ростан.

— Если бы не Мазафар, не сидел бы я сегодня здесь, — засмеялся Спитамен.

— И к моему отцу он сватом от тебя приходил, — тихо сказала Гулрухсор. И, глянув на мужа, добавила неуверенно: — Но все же мне казалось иногда, хоть и был он твоим верным другом, что он ко мне относился несколько иначе, чем к кому-нибудь. Понимаешь, Спитамен...

— Понимаю, — глянул на нее он. — Мазафар очень любил тебя.

— Мазафар? Ты шутишь, Спитамен!

— Нисколько.

Спитамен замолчал, подвинул миску с едой к себе поближе.

— Но это невозможно!

— Он тоже так думал, — кивнул Спитамен. — Особенно, когда узнал, что я хочу на тебе жениться. Он сам признался мне в этом.

— И я бы тоже поверил такому, как Мазафар,— сказал Ростан.

— И то, что ты об этом не знала, доказывает его чистоту,— кивнул Спитамен.

— А меня Мазафар сделал настоящим воином! — вырвалось у Ростана.

— Даже так? — усмехнулась Гулрухсор.

Ростан быстро глянул на нее, покраснел и закончил торопливо, с некоторой досадой в голосе:

— Я хотел сказать, он научил меня драться мечом и стрелять из лука.

— Теперь ты должен доказать, что у тебя был хороший учитель,— сказал Спитамен.

— Я докажу,— выпалил Ростан.— Докажу, и все же не верится, что я больше не услышу, как он говорит: «Ростан, прежде чем стрелять из лука, ты должен почувствовать силу ветра. Ветер и твой помощник, и твой враг одновременно!» Не могу поверить, что он уже стал добычей Анхра-Майнью.

— Все мы когда-нибудь станем добычей бога тьмы,— сказала Гулрухсор.

— Это так,— согласился Ростан.— Но как не хочется, чтобы это случилось с тобой и твоими близкими.

— Смерть не спрашивает, хочется тебе или нет. Ты молод, Ростан, и потому страшишься.

— Мне совсем не страшно! — вскинулся Ростан.

— Страшно,— глянув на него, сказала Гулрухсор.— Всем страшно то, что неизвестно. И я не стыжусь своего страха.

Спитамен удивленно глянул на жену.

— Я тебя не понимаю.

— Я женщина, дорогой,— улыбнулась она.— А женщине многое прощается, что не к лицу мужчине.

Она помолчала, думая о чем-то своем. Сказала через некоторое время:

— Просто очень страшно подумать, что тебя может не быть. Ты гость на земле. Ты пришла на короткое время и уйдешь, превратишься в пыль, а все на земле останется, как и было. Так же будет светить солнце, нагревая землю, холодно отражаться в воде луна. Не умирают звезды, трава, только человек! Разве не больно ощущать свое бессилие перед вечным временем, Спитамен? Разве не хочется тебе отдалить свою смерть хотя бы на некоторое время, на срок, когда сами устанем от жизни, от ее суеты!

Спитамен смотрел на жену, которая успела переодеться. Теперь она снова была в женском наряде — в длинном шелковом платье, бусы из крупных зерен халцедона и агата облегали открытую шею, крупные жемчужины на тонкой золотой нити украшали ее маленькие уши, а в волосах поблескивали, играя огнями, брильянты золотого гребня.

Гулрухсор улыбнулась мужу, хотя глаза ее оставались грустными.

— Эх, женщина! — залюбовался женой Спитамен. — Страх смерти всегда висит над всем живым, власть Анхра-Майнью не в силах пресечь даже Аху-рамазда — сильнейший и могущественнейший из богов.

— Ты помнишь лицо македонянина?

— Которого ты свалила к моим ногам?

Гулрухсор не ответила, глаза ее смотрели куда-то в пространство.

— Почти совсем мальчишка, — сказала она, вспоминая его.

Спитамен засмеялся.

— И как это я его упустил из виду? Ведь все время держал в поле зрения, чувствовал, что может зайти сбоку!

— Немногим старше Ростана, — сказала Гулрухсор.

— А ты молодец, не будь тебя, неизвестно, как бы все повернулось.

Ростан сидел, насупившись, опустив обиженно глаза. Ему не понравилось, что Гулрухсор напомнила его годы, но еще больше оскорбился он, что его сравнили с врагом.

— Вода в реке стала совсем красной от крови, — лицо ее потемнело. — Мертвых было столько, что невозможно было напоить коней.

— Это была кровь наших врагов, — сказал Ростан, исподлобья глядя на Гулрухсор.

— Кровь у всех одинакова, — устало возразила жена Спитамена. — И у врагов, и у друзей. И у нас тоже, — добавила она через паузу.

— Что с тобой, милая? — спросил удивленно ее Спитамен. — Ты плохо себя чувствуешь?

— Или тебе стало жалко наших врагов? — Ростан не смог скрыть своего раздражения. — Это на тебя так подействовал тот македонец?

Спитамен укоризненно покачал головой:

— Ростан!.. Иди, проведай лошадей.

Ростан закусил губу, поднялся и ушел.

— Я устала, Спитамен, — заговорила Гулрухсор с болью. — Я вдруг почувствовала, что не могу смотреть на кровь, я не могу больше убивать!.. Мне страшно, Спитамен!..

— Ты думаешь — я или Ростан пришли в этот мир только для того, чтобы убивать?

— Спитамен!

— Не мы завоеватели на земле греков! Не мы разрушаем их дома, убиваем мужей, насилуем их жен! Нашу землю топчут враги, наших детей обращают в рабство.

— Спитамен! — взмолилась Гулрухсор.

— И потому я не успокоюсь, пока в моих жилах течет кровь согдийца! Вуду спокойно, нет — с радо-

стыю наблюдать, как бьется в агонии мой враг, и не будут они спать в своем лагере, пока рука моя может держать меч.

— Клянусь! — вышел из темноты Ростан. — Я клянусь перед вечным Ахурамаздой и Анахит, что буду с тобой, пока на земле нашей останется хоть один вражеский солдат.

— Ты слышала? — обратился к жене Спитамен.

— Но воевать против Александра бессмысленно, Спитамен! — воскликнула она. — Неужели ты до сих пор не понял это?

— А ты поняла?

— Да, да, да! — слезы полились из ее глаз. — Мне страшно представить себе, что однажды мы сами попадем в ловушку, и твое тело поволокут на веревке за лошадью. Поволокут по горам, чтобы показать — смотрите, вот что осталось от князя Спитамена. И будут смеяться, смеяться, смеяться... и никто не захочет остановить насмешника, отнять твое тело. Спитамен, я не хочу дожить до этого момента.

— Ты устала, жена, — обнял ее Спитамен. — Ничего, это и со мной было. Выспишься, отдохнешь.

— Я была у жрицы, — будто в забытьи говорила Гулрухсор. — Она посмотрела на мои ладони и сказала, что видит на них кровь. Она сказала, что эта кровь будет мучить меня всю жизнь.

— Успокойся, родная, — Спитамен почувствовал, как под руками его дрожит горячее тело жены. — Ты действительно очень устала. Я провожу тебя.

Он встал, но Гулрухсор не двинулась с места.

— Жрица права. Мне страшно вспомнить, сколько крови я пролила. Всезнающая Анахит никогда не простит мне этого, ведь я — женщина.

— Тогда оставайся, мы и без тебя справимся! — сепаративно высказался Ростан.

Гулрухсор невидяще посмотрела на него, перевела

взгляд на мужа, освободила свои плечи из-под его рук, встала и, ничего не сказав, ушла в шатер.

— Не стоит обвинять ее, Ростан,— тихо заговорил Спитамен, садясь к огню.— Она женщина и прежде всего рождена быть матерью, а идет в сражение в мужской одежде. У нее желание иметь ребенка, но боги в этом отказали ей, и она наравне с нами живет кочевой жизнью.

— Я понимаю,— согласился Ростан.

— И разве ты видел когда-нибудь, чтобы она испугалась при виде врага?

— Нет.

— Или первая бросилась бежать, когда сражение было для нас неудачным?

— Этого не было, даже наоборот. Ты помнишь, я рассказывал тебе...

— Вот видишь,— вздохнул Спитамен.— Ей просто трудно. К тому же... когда она узнала у жрицы, что никогда больше не сможет иметь детей...

— Я был неправ, о Спитамен! — воскликнул юноша с болью.— Я пойду к ней!.. Я буду умолять, чтобы она простила меня. Если бы знал, разве мог бы я ее обидеть?

— Обидеть человека очень легко, тем более женщину. Даже такую сильную, как Гулрухсор.

Спитамен помешал варево в котле, попробовал на вкус:

— Вот и еда наша готова. Зови Гулрухсор.

Вскоре они сидели каждый со своей миской. Ели молча.

— Нужно склонить Кандаку к совместной войне с греками,— заговорил он вдруг. Гулрухсор кинула на мужа быстрый взгляд и снова склонилась над своей миской.

— Если она согласится, тогда к нам присоединятся и другие. Она мудрая женщина, и если поймет, ка-

кую опасность несет Александр нашим народам...

Спитамен говорил, как бы споря с невидимым собеседником, споря с собой, и ни Гулрухсор, ни Ростан не мешали ему. Только молча слушали, занятые едой, мыслями о завтрашнем дне, который несет с собой что-то неизвестное.

25

По приказу царицы во дворце в честь дорогого гостя — посла непобедимого Александра — был устроен пир.

Зал, в котором проходил торжественный прием и куда привели Александра, поражал воображение своей изысканной роскошью. Огромные праздничные столы из тяжелого черного дерева ломились от всевозможных яств. Пол под ногами был покрыт пестрыми цветными коврами, мягкий упругий ворс поглощал звуки шагов, обнимал, ласкал и грел ноги, как будто был живой.

Ложа и сидения для гостей блистали позолотой и серебром. А со стен на вошедших смотрели резные изображения грозных воинов, восседавших на литых из яркой меди серпоносных колесницах, за которыми возвышались громады боевых слонов.

И над всем этим воинством рождалась из священного яркого пламени волшебная птица Феникс — прародительница царского рода Кандаки. Рождаясь, птица как бы благословляла воинов на подвиг.

Александр, пораженный ее величием и красотой, долго не мог отвести от нее взгляда. Казалось, еще немного — и она оживет, взмахнет своими огромными золотисто-красными крыльями, моргнет двумя гиацинтовыми глазами и оживут вслед за ней воины, ринутся со стен дворца, сметая на своем пути все живое.

Александр с большим трудом отвел глаза: нет, никто бы не смог остановить это волшебное воинство. Никто, даже он, сын Зевса...

Царицу Кандаку он узнал сразу, хотя никогда раньше не видел ее. И даже когда ехал вместе с Кандавлом во дворец, не в силах был представить себе ее внешность. И вот она предстала перед Александром во всем своем блеске, и он безошибочным чутьем великого человека понял и остановил на ней свой пронизательный взгляд: вот она — мудрая и властная царица Кандака.

На мгновение скрестились их взгляды, и она поняла, что гость узнал ее.

Немолодая, но все еще прекрасная, стояла царица в окружении пышной свиты женщин, которые на первый взгляд могли соперничать с ней и красотой, и молодостью, и свежестью лица, голубизной глаз — всем тем, что составляет женскую сущность, ее силу.

И они, быть может, повинуясь приказу царицы, старались подчеркнуть эту неотразимую силу шелками, массой золотых, серебряных, лазуритовых, сердоликовых и гранатовых украшений, искрящихся в свете свечей и факелов в нишах зала волшебными слепящими огнями.

Кандака едва заметно улыбалась, чувствуя, что ей не удалось обмануть гостя, он легко узнал ее, как может выделить незаурядную натуру из тысяч лиц человек, наделенный богами внутренним прозрением.

Александр смотрел на царицу, читая в ее лице, в осанке, в огромных глазах нечто такое, что не мог бы передать даже самый гениальный живописец и ваятель, но что должен был несомненно отметить, увидев ее в первый раз.

Повинуясь какому-то порыву, Александр сделал шаг, но тут вперед выступил Кандавл, поклонился матери:

— Разреши, царица, представить тебе моего друга и спасителя советника всемогущего Александра — Антигона.

— Я всегда рада гостям, — милостиво кивнула Кандака, не сводя с Александра проницательно-испытующего взгляда. — Друг моего сына — друг моей страны. Чувствуй себя так, точно ты попал в свой дом, храбрый Антигон.

— Позволь и мне выразить чувства благодарности к судьбе, что она свела меня с Кандавлом, который стал мне ближе родного брата, — сказал Александр, кланяясь царице. — Благодаря ему я смог увидеть царицу, слава о красоте и уме которой дошла и до моей далекой Македонии.

Кандака показала на места, отведенные для самых именитых гостей. Александра она посадила слева от себя. Тут же раздвинулся тяжелый занавес, разделяющий зал на две половины.

Гирлянды незнакомых цветов украшали стены второго зала, откуда полилась тихая, ласкающая музыка, хотя музыкантов нигде не было видно.

Александр почувствовал, как в лицо ему чуть ощутимо повеяло свежим запахом цветущих роз. Вегер колыхнул легчайшие белые занавеси, за которыми царь греков успел заметить силуэты танцовщиц с блестящими браслетами на руках и ногах, флейтисток с цветами в черных волосах.

— Ты любишь красивых женщин, посол царя?

— Признаться честно, мне больше по душе песчи боя, упоение победой, когда враг разбит и подставляет тебе спину, — признался Александр.

— И только? — удивилась царица.

— Еще я люблю слушать о далеких странах, которые хочу увидеть и пройти, — он запнулся на мгновение и поспешно добавил: — Вместе с Александром, конечно.

— О, тогда мне трудно угодить такому гостю! — воскликнула царица со смехом. — Я думала насытить твой взор красотой, но это, оказывается, невозможно.

— А разве есть люди, которых можно было бы насытить красотой? — спросил в свою очередь Александр.

Кандака задумалась.

— Ты прав, мудрый Антигон, трудно насытить красотой кого бы то ни было. Ведь это самое важное в мире. Слава, разум, воля — ничто не может устоять перед красотой. Знаешь ли ты, что среди небесных дев — ажар — есть самая прекрасная — Урваши, которая должна соблазнять мудрецов, если они в своих познаниях достигают слишком большого совершенства и начинают себя чувствовать равными богам?

— Неужели ты думаешь, царица, что боги боятся соперничества смертных?

— Нет, просто они не хотят, чтобы смертные срывали покровы с их тайн, узнавали судьбы мира.

— Но ты ведь не сможешь отрицать, что есть такие смертные, которые сами творят судьбы мира!

— Да, если они рождаются от богов, как родился, без сомнения, великий Александр, да хранит его небо!

Опьяняющие напитки, настоянные на мятных травах, сменились заморскими винами, обладающими букетом едва ощутимых ароматов. Полуобнаженные красавицы ласкали взор, убаюкивая гостей под чарующие звуки невидимого оркестра. Легкое опьянение кружило голову. Александру вдруг стало удивительно легко, хотелось петь, смеяться. Он с большим трудом подавил в себе желание вскочить на стол и, опрокидывая все на своем пути, бежать куда-то. Ему вдруг показалось, что в скорости он сейчас мог поспорить с ветром.

Что с ним? Александр насторожился, прислуши-

ишь к своим непонятным желаниям: чем его здесь опои́ли? Он незаметно отодвинул от себя кубок с напитком.

От царицы не укрылось его смятение, она улыбнулась, чуть склонила голову набок:

— Можешь не бояться, дорогой Антигон, — заметила она. — В напиток добавлен волшебный настой, который ничего плохого в себе не несет, кроме упоительного ощущения свободы, раскрепощения от земных дел. Посмотри на гостей, разве не счастливы они в эти минуты? Ничто их не мучает, они забыли о делах, в которые погружены в дневное время. Сейчас они наедине с природой, не испытывают за свои поступки ни стыда, ни того, что он может навлечь.

— А когда пройдет действие этого напитка?

— Они все забудут. И будто ничего не было, они снова могут заниматься своими делами, не ощущая угрызений совести за то, что делали вчера что-то непристойное.

— Зачем же тогда все это, если человек наутро забывает испытанное блаженство полного раскрепощения?

Царица не ответила на вопрос, некоторое зренье смотрела ему в глаза. Затем хлопнула в ладоши. На середину зала вышла невысокая танцовщица в яркой красной кофточке, узком куске блестящей ткани, обернутом вокруг бедер. Девушка резко вскинула руки, пальцы ее начали складываться в цепь жестов, маленькие ноги — босые, только сверху затянутые браслетами, тихо переступали с места на место.

Все в зале утихло, все внимательно следили за тем, как танцует девушка в красной кофточке. Закончив, она поклонилась и убежала.

— Ты понял, о посол, о чем рассказала танцовщица? — спросила Кандака. Александр отрицательно покачал головой.

— Как могу я знать язык чужой страны? Не говоря уже о языке танца?

— А между тем она рассказала древнюю легенду о том, как бог Вишну, уснув, положил голову на тетиву, а завистники из мира богов послали муравьев перегрызть тетиву. Разрываясь, она отсекла Вишну голову, которая поднялась в небо и стала солнцем. Бог видишь, дорогой Антигон, как много проходит мимо нас чуждого, непонятного, так зачем задавать себе вопрос — стоит ли? Стоит, даже если завтра забудешь все это, ибо Сегодня есть, оно существует, а значит, оно целесообразно. Но сейчас я покажу тебе то, чего ты, вероятно, не видел в своей стране и там, где ты уже побывал.

Царица снова негромко хлопнула в ладони. Из-за занавеси вышел босоногий, в одной лишь набедренной повязке бородатый старик. Он был так тощ, что можно было пересчитать все ребра на впалой коричневой груди. Старик подошел к Александру.

— Ты видишь, посол, он жив и невредим?

Царь кивнул.

— А сейчас он умрет. И будет мертвым столько, сколько ты пожелаешь.

Александр недоверчиво посмотрел на человека, стоящего перед ним.

— Что ж, пусть он умрет.

— Нужно, чтобы он знал, когда встать.

— Хорошо! — согласился Александр. Он поискал глазами. Тотчас по знаку царицы принесли несколько песчаных часов. Были отобраны средние — на одну двенадцатую суток.

Старик с бородой посмотрел на часы, затем лег на ковер у ног пирующих, закрыв глаза. Постепенно дыхание его все слабело. Наконец, прекратилось совсем, тело побелело, затем приобрело сероватый оттенок. Александр подошел, присел, потрогал щеки, грудь.

Они были чуть теплы, но грудь уже не вздымалась. Он поднял глаза на царицу.

— Зеркало!

Блестящая полированная поверхность обсидиана, поднесенная к губам старика, не затуманилась, оставаясь гладкой. Александр вернул зеркальце.

Пир продолжался, но, поднося к губам очередную чашу, царь греков время от времени поглядывал на песок, непрерывной струей стекающий вниз. Когда в верхнем сосуде осталась горстка мелких желтых песчинок, он снова подошел к старику. Тело было уже холодным, одеревенелым, серый оттенок его усилился.

— Да, он мертв! — воскликнул Александр.

Наконец, когда был исполнен танец аулегрид — специально в честь гостя, — последние песчинки проскользнули в горлышко сосуда. И сразу же грудь лежащего на ковре человека мерно поднялась, затем еще, еще. Дыхание постепенно становилось все ровнее и глубже. Вскоре человек открыл глаза, поднялся.

— Да, это поистине поразительно! — воскликнул Александр. — Я сам трогал его! Значит, он не ушел в царство Аида?

— Он может пробыть так много дней, в склепе, лишенном воздуха.

— Но как это может быть? Он маг, чародей?

— Просто у нас есть люди, умеющие управлять жизненной силой, заключенной в человеке.

— Значит, они бессмертны?

— Нет, потому что каждому отведена только определенная часть этой силы. Она непременно должна иссякнуть. Все мы смертны, о юный посол великого царя, и потому будем наслаждаться каждым днем, каждой минутой, ибо бежит время так безостановочно, как эти песчинки, только ему не дано повториться, а их мы повторим, перевернув сосуд!

— Ты мудра, царица. Но мне еще говорили, что

покои твои — сверх того, что может придумать человеческое воображение, представить себе самая буйная фантазия. Правда ли это?

Кандака встала и кивком пригласила гостя следовать за собой. Они вышли из зала, прошли длинный освещенный факелами коридор, в темных нишах которого изваяниями застыли воины дворцовой охраны, и вскоре очутились в покоях царицы. И словно солнце обрушилось на Александра, так сверкали, отражая огонь свечей, тысячи алмазов, вкрапленных в золотую обшивку стен. Александр невольно прикрыл глаза.

— Ну как, понравилось тебе в моем дворце? — спросила царица, когда Александр несколько освоился.

— Да, — ответил он. — Все, что я увидел дорогой, а потом в твоём дворце, достойно восхищения. Дома и дворцы эллинов намного беднее, но это ли главное?

Улыбка скользнула по лицу Кандаки. И заметив это, нахмурился гость.

— Вы владеете, казалось бы, всем, — заговорил он с вызовом. — Неисчислимыми богатствами, дивные горы окружают вашу страну и служат естественной преградой на пути врагов, которые хотели бы вторгнуться сюда. Прекрасные женщины и такие же мужи населяют твою богатую землю, достойную зависти для любого другого народа, кроме нас, эллинов.

Он замолчал, улыбнувшись, и остановил высокомерный взгляд на царице.

— Я слушаю, — насторожилась она.

— Одного у вас нет, — снова заговорил гость. — Того, что составляет нашу основу, чем живем мы и гордимся! Что отличает нас, эллинов, от всех живущих на земле.

— Ты говоришь загадками! — заметила царица.

— Я не видел здесь папирусов, книг, не видел ху-

дожников и ваятелей. Вы ищете красоту в сладком блюде, волшебном напитке, усыпляющем плоть.

Кандака замерла под напором его слов, только глаза — глубокие, всевидящие — сверкали, выдавая, что творится сейчас в ее душе.

— Не видел я у вас бессмертных изваяний, которые бы радовали глаза смертного, не слышал поэтов, восславляющих историю твоей страны, и ты хочешь, чтобы я восхищался тем, что увидел?

Вспыхнуло гневное лицо царицы. Она гордо выпрямилась, всматриваясь в высокомерные черты гостя.

— Пожалуй, ты прав, великий Александр, — сказала она, наконец. — И правы были те, кто, рассказывая о твоей нечеловеческой храбрости, были уверены в твоём божественном происхождении.

— Ты ошиблась, царица! — воскликнул Александр и тут же добавил смиренно. — Я всего-навсего Антигон, советник Александра, командир его щитоносцев.

— Ты назвался Антигоном, это правда, — усмехнулась царица. — И мне неизвестны истинные намерения, с какими ты прибыл в мою страну.

Александр снова хотел воспротивиться, но Кандака властным жестом остановила его.

— Я чувствую, плохое не было у тебя на сердце, когда ты согласился на приглашение моего сына. Ты Александр, царь эллинов, покоритель непобедимых персов, и, если ты так хочешь, я покажу тебе тебя же?

Александр пожал плечами, но ничего не ответил на ее предложение. Тогда царица взяла его за руку, провела в свою спальню, открыла ларец и достала доску:

— Смотри же, — протянула она ему портрет. — Узнаешь того, кто здесь написан?

Александр дрогнул, сразу узнав свое изображение.

Истрепованно оглянулся на дверь, за которой притаилась стража царицы.

— Ты испугался? — высокомерно улыбнулась Кандака. — Ты, который сломил власть персов, низверг в ничто могучие державы, покорил страну парфян, мидийцев, одолел Восток и Запад, ты — дрогнул?

Александр смотрел на Кандаку, сжимая рукоятку меча и не зная, что делать. Впервые попал он в такое положение, впервые почувствовал себя запертым в мышеловку, и нечего ему было сказать в ответ!.. О женщина! Он побежден женщиной! Он, Александр!

— Теперь ты сам видишь, — снова заговорила царица, словно прочитав, что творилось на душе гостя. — Кто слишком высокомерен, всегда встретит кого-го, кто перехитрит его самого. Как это сейчас случилось с тобой, ведь ты проиграл. Ты теперь в моей власти, в моих руках судьба мира, тех, кто пришел с тобой, кто ждет с трепетом твоего возвращения, понимая, что без тебя им не выбраться из этих мест, где сегодня они себя чувствуют хозяевами.

— Не-е-ет, царица! — воскликнул гордо Александр, выхватывая свой меч. — Рано ты торжествуешь победу!

— Неблагородный поступок ты задумал, царь, — не шелохнулась Кандака. — Не может Александр воевать с женщиной. Ведь только из-за этого ты не пошел войной на мою страну, хотя любопытство не давало покоя. Потому и принял на себя личину Антигона, так?

И вновь смутился сын бога, чувствуя, что не может отразить и этот выпад мудрой женщины.

Он вскинул на царицу вопросительно-ищущий взгляд: нет, такая женщина не может быть вероломной!

— Ты прав, дитя мое! — кивнула ему Кандака. — Я не выдам тебя. Как ты спас моего сына, вызволил

на плена его жену, так и я схороню твою тайну. Ты непременно вернешься к своему войску, у тебя слишком много неразрешенных дел, а по челу твоему я вижу, что времени для этого боги отпустили не так много,— она погрузилась, задумалась на секунду о быстротечности отпущенного человеку.— Я буду попрежнему звать тебя Антигоном. Хотя я и царица, у тебя слишком много врагов, которые бы очень желали твоей смерти. Есть они, без сомнения, и в моей стране.

Александр благодарно склонил гордую голову перед Кандакой, которая своей мягкостью и умом напоминала ему мать, боготворимую им с детства Олимпиаду.

26

Спитамен спрыгнул с коня, бросил поводок Ростану, пошел навстречу сыну Кандаки.

— Рад тебя видеть, брат Кандар,— приговаривал Спитамен, обнимая его.

— Я тоже рад тебя видеть здоровым и таким же могучим, как и раньше, брат Спитамен,— отвечал Кандар, в свою очередь сжимая гостя в могучих объятиях.

Они были одного роста, широкоплечие, длиннорукые. Поговаривали, что в крови царствующей Кандаки замешана кровь благородных отпрысков Согды.

— Слышу музыку. Пир у вас снова?

Они направились ко дворцу.

— Царица приказала устроить угощение в честь дорогого гостя, — усмехнулся Кандар.

— Интересно, кто этот дорогой гость? — засмеялся Спитамен.— По твоему лицу я вижу, что тебе он не очень приятен.

— И тебе, если ты узнаешь, кто он,— парировал Кандар.

— Да? — удивился Спитамен.— Кто же он?

— Антигон, посол македонского царя.

— Посол Александра? — вскричал Спитамен, хватаясь за меч. — Посол нашего врага у вас во дворце?.. О, боги, неужели я опоздал?!

— Не спеши чернить богов! — остановил его Кандар. — Антигон спас честь моего брата, отбил жену у царя бебриков. Вот мать и устроила в его честь этот большой пир.

— Вы принимаете врагов, которые завтра будут топтать вашу землю, — задыхаясь от душившего его гнева, стонал Спитамен. — Которые разрушат дома, заберут себе ваших жен!

— Успокойся, Спитамен! — засмеялся Кандар. — Сегодня он гость царицы, а завтра... — Он замолчал, хитро посматривая на друга. — Неизвестно, что и как повернется, — закончил он свою мысль.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, но для гостя не должно быть никакого завтра! — Спитамен недобро прищурился. — Пусть только он покинет ваш дворец...

— Вот и порешили! — засмеялся Кандар. — А теперь пойдем веселиться.

И они пошли во дворец — один беззаботно-веселый, спокойный в своем будущем, другой — задумчивый, с предчувствием недоброго.

«Неужели опоздал? — думал Спитамен. — Неужели Александр и на этот раз опередил его, и теперь склонил Кандаку на свою сторону? Нет, этого не должно быть! Не должно! Боги не могут допустить этого!»

27

Прошло несколько дней. Пора было возвращаться назад. Александр явился во дворец, чтобы проститься с царицей. Слуга повел его в тронный зал, откуда доносился чей-то резкий голос.

— Кто у царицы? — спросил Александр своего друга.

— Князь Спитамен, — ответил беззаботно Кандавл.

— Спитамен?

Александр не смог сдержать своего возгласа, в котором было все: удивление, интерес, ненависть.

— Ты его знаешь? — в свою очередь удивился Кандавл.

— Лично мы с ним незнакомы, — усмехнулся Александр. — Но моим солдатам... солдатам Александра, — поправился он поспешно, — имя это очень знакомо.

— Спитамен храбрый и опытный воин, — сказал Кандавл. — Ты сейчас увидишь его.

Они вошли к царице. Увидев Александра, Кандака улыбнулась, поздоровалась легким кивком.

— Неужели тебе вскружили голову льстивые речи наших врагов? — горячился Спитамен, пожирая глазами Александра, который с интересом разглядывал согдийца.

Так вот он какой, неуловимый Спитамен, удовлетворенно отметил царь, взглядом опытного воина оценивая натренированное, хорошо сложенное тело согдийского князя.

— Ты хотел бы забыть закон гостеприимства, дорогой Спитамен? — прямо спросила его Кандака.

Спитамен замолчал, отвел глаза.

— Они наши враги.

— Сам бы ты отдал на расправу своих гостей?

— Если он враг, нельзя принимать его гостем, — упрямо повторил Спитамен. — Сегодня они пришли к тебе под личиной спасителя твоего сына, а завтра ты, как и я, будешь скитаться по пескам в поисках убежища.

Александр с хладнокровной усмешкой наблюдал за спором своего врага и царицы.

— Я знаю,— вступился за своего друга Кандар.— Антигон спас брата от бесчестия. Но он человек Александра, нашего общего врага, а ты, царица, обещала всегда прийти на помощь согдийцам, если им будет трудно, если враг придет на их землю. И они клялись в этом.

— И разве не приходили мы на помощь, когда вы шли войной на ваших врагов? — спросил царицу Спитамен.— Разве не оплакивали мы сообща павших героев?

— Ты знаешь, храбрый Спитамен, что и я никогда не отступала от союза,— сказала Кандака.

— А если так, то докажи это, мать! — отрывисто бросил Кандар.— Отдай нам посла Александра.

— Какая польза для тебя, мой сын, и для тебя, дорогой Спитамен, в этом убийстве?

— Это не убийство! — воскликнул Спитамен.— Это возмездие.

— Или вы думаете,— не обратила внимания на его возглас царица,— этим одолеть самого Александра?

— Антигон должен умереть! — будто отрезал Кандар.

— Этого не будет! — воскликнул Кандавл. Он отдернул плечо, на которое положил руку Александр.— Антигон мой гость и приехал сюда под защитой царицы. И если она не в силах защитить своего гостя, то я сумею не дать его в обиду. Как брат, как друг, просто как человек, который обязан ему своим избавлением от позора.

— Даже так? — недобро усмехнулся Кандар.

— Так! — сверкнул глазами Кандавл.— Ни один волос не упадет с головы посланника Александра. Я сам провожу его до границы, а если кто вздумает встать на нашем пути, мне придется доказать это право вот этим мечом,— он выдернул из ножен свое

оружие. — И горе насильнику, даже если им окажется мой брат!

— Хотя ты и господин мой по старшинству, — тоже выхватывая свой меч, крикнул Кандар, — тебе придется доказать свое право диктовать условия, потому что слова твои я считаю незаконными и против своей воли готов скрестить этот меч с твоим.

Братья ринулись друг на друга, но тут вперед выступил сам Александр.

— Кандавл, друг мой, — встал он между братьями. — И ты, Кандар... прошу вас, спрячьте мечи и вернитесь на свои места.

Братья, тяжело дыша, смотрели на Александра и не двинулись с места.

— Пусть ты убьешь меня, Кандар, — заговорил Александр. — Сделаешь это черное дело в угоду своему другу Спитамену. Я повторяю — черное, потому что это было бы просто убийство гостя, который пришел во дворец по приглашению твоего брата. Но пусть даже это случится, — он улыбнулся. — Подумай, какая польза от этого убийства вам? Смерть моя не потревожит духа Александра, не остановит дел, которые он задумал. Таких, как я, у него много. Я простой командир щитоносцев, сегодня исполняю обязанности посла великого царя, меня могли убить в сражении, когда мы бились с бебриками, могли убить по дороге, когда мы с Кандавлем ехали во дворец, могут убить, когда я буду возвращаться в лагерь... Что же изменит моя смерть?

Ничего. Место мое займет другой командир из ветеранов армии и будет командовать не хуже, а может быть, даже лучше, чем я. И случись такое в сражении, к царице приехал бы он, и может быть, он был бы ближе царю, чем я. Убив царского посла, чего вы хотите достигнуть? Войны?.. Зачем она вашей цветущей земле?

Кандар медленно вернулся к Спитамену, все еще не пряча меч в ножны.

— Если ты так хочешь,— говорил, глядя ему в глаза, Александр.— Я приведу тебе Александра. Он и сам, узнав, какие чудеса я здесь увидел, непременно захочет посетить сказочную страну. И тогда царь окажется в вашей власти, в чем я постараюсь вам помочь. Таким образом, вы получаете Александра, я — достойную награду. Согласен ты с моим предложением, Кандар?

— Он обманывает вас, как маленьких детей! — крикнул Спитамен, обращаясь к приверженцам сына царицы.— Неужели найдется такой, кто поверит эгим сказкам?!

— Спитамен! — повысила голос царица.— Мы достаточно долго слушали тебя. Теперь приказываю — оставь наш дворец!

— Царица! — шагнул к ней Спитамен.

— Все!

Кандака остановила его властным взглядом своих огромных глаз и, глянув на старшего сына, приказала:

— Кандавл, прикажи своим людям проводить гостя до границы.

Спитамен поклонился царице и быстрым шагом покинул зал. Кандавл улыбкой ободрил Александра и вышел следом за согдийским князем.

28

— О, всевидящий и всезнающий создатель! — зывал Спитамен, изо всех сил нахлестывая коня.— Зачем ты дал моему врагу столь ясный и хитрый ум! Или он и вправду твой сын? Если это так, то почему ты меня выбрал ему в соперники! Чем я провинился

перед тобой?! Чем заслужил твое проклятие, о боже! Ви что должен мучиться, сознавая бессилие перед изобранныком твоим!

Спитамен гнал и гнал своего коня, не замечая оставших спутников.

Неужели это конец?! Неужели боги наказывают род его за неведомые, прошлые грехи предков, которые дали ему жизнь?!

— О, боги! Если это действительно так, то я проклиная вас! Проклинаю и ненавижу!..

29

Александр сидел на корточках перед обрывом и смотрел на крепость в низине. На землю Согды пришла весна. Оделись нежными белыми цветами персиковые деревья в долинах, изумрудно зазеленела трава в предгорьях, и даже суровые кедры в горах, казалось, сбросили с себя обычную угрюмость, и вечнозеленая зелень их приобрела более светлую окраску. Ало вспыхнули на склонах гор тюльпаны и маки, из расщелин, иссушенных ветрами и морозами, выглядывали занесенные ветрами растения, чтобы к концу лета изнемогнуть в неравной борьбе за жизнь на скудном клочке земли, тоже занесенной свирепыми северными ветрами.

Красноватые скалы в горах за Наутакой казались кровавыми в лучах восходящего солнца, и маленькая крепость высоко за скалами, что неприступно высилась неподалеку, показалась сегодня особенно маленькой. Царь задумчиво глянул на прорицателя, который с подручным мальчиком готовился к тайному обряду. Вот Ктесий вынул из большого холщового мешка яйцо грифа, некоторое время разглядывал его на свет, потом взял еще одно яйцо, посмотрел на царя.

— В желтке и белке такой птицы заложено ее прошлое и будущее, а также то, что ожидает людей, живущих под ее знаком. Ты ведь знаешь, великий царь, что птица гриф всегда была среди здешнего народа священной, ей приписывалась даже добыча золота.

— Вот как? — отозвался Александр, с любопытством глядя, как ловко Ктесий рассек яйца, вылив содержимое скорлупы на мраморную плиту.

— Да! — отозвался прорицатель. — Они, эти птицы, выкапывают золото и используют его для постройки своих гнезд. Те, кто хочет найти золотого, берут все необходимое — еду, заступы, — и отправляются в пустынные места, где живут грифы, в темные безлунные ночи. Те, кто научился очищать золото, выплавляя его каким-то своим способом, говорят, собрали огромные богатства.

— И это правда?

— Наверное, нет, — ответил прорицатель, принимаясь разглядывать на свет другое яйцо. — Но легенды живут. Иначе как же объяснить, что сокровищницы Дария переполнены золотом? А теперь, великий царь, помолчим, ибо будущее не любит, когда в него вторгаются, оно всегда оплачивает тем, кто стремится предугадать то, что будет со смертными...

Он зашептал, старательно ставя загадочные значки по краям мраморной плиты. Мальчик-грек в длинном белом хитоне смотрел на него, полуоткрыв рот. Медленно кружил высоко в небе черный силуэт грифа. Вдалеке ледяным блеском сверкали вершины Крыши Мира — так называли воины непроходимые горы, куда устремлялся со своей армией великий Александр.

Желтый круг желтка, казалось, колебался, словно в нем происходило что-то таинственное. Вдалеке, на стене крепости, показались фигуры воинов, тонкие

струи душистого дыма, поднимаясь, развеивались в ясном, четком утреннем воздухе. Над некоторыми дворами крепости тоже поднялись дымки.

— Не пойму — то ли там жертвоприношения, то ли они, как ни в чем не бывало, еду готовят для домашних? — задумчиво сказал Александр подошедшему Птолемею.

— Не думаю, чтобы сейчас там кому-нибудь еда лезла в горло, — засмеялся Птолемей. — Ведь нас здесь не ждали, тем более что крепость-то в стороне. Да, теперь я понимаю, почему сюда привезли своих женщин эти согдийцы. Здесь похитить их мог разве великий Зевс... да ты, мой царь!

Ктесий глянул в их сторону, и Александр махнул рукой Птолемею, призывая его к молчанию.

Мальчик поднял с земли большую цветущую ветвь, видимо, заранее приготовленную, и стал медленно махать ею над головой прорицателя. Тот все чертил на сверкающей мраморной доске свои таинственные знаки, видимо, возбуждаясь, затем радостно улыбнулся и, прикрыв веткою то, что осталось от яйца, обратился к Александру:

— Великий царь! Крепость будет взята еще сегодня, до захода солнца.

— Прекрасно! — засмеялся царь.

— Там тебя ожидает и другая радость.

— Какая?

— Не знаю, но гриф — очень чуткая птица, и он, то есть оно, — он кивнул на мраморный квадрат, — говорит — радость, которая тебя ожидает в крепости, будет долгой... А, кстати говоря, вон он, летает по-прежнему, — прорицатель показал рукой на вершину. — Смотрите, смотрите!

Гриф летел, держа в когтях небольшую серую птицу.

— Это перепелка! — воскликнул Птолемей, чье

прение недаром славилось по всей армии. — Но сейчас не пора для охоты!

— Вот видишь, царь, — обратился к ним Ктесий. — Это подтверждает мое гадание, потому что царская птица, охотящаяся с успехом, — хорошее предзнаменование!

Он положил оставшееся яйцо в мешок. Мальчик поспешно стер начинающую застывать массу и, подхватив доску, ушел вслед за ним.

Птолемей Лаг кивнул. Рабыня принесла большое блюдо с черными, блестящими сливами — их с трудом сохранили при перевозке из далекой Эллады.

Александр задумчиво взял несколько слив, стал вяло есть, словно не ощущая никакого вкуса.

— Взятие этой крепости не даст нам много славы, мой царь, — сказал Птолемей.

— Ты хороший солдат, дорогой Птолемей, — заметил, не поднимая глаз, Александр. — Хороший солдат, но...

Он отодвинул блюдо, встал, кивнул на крепость, которую уже окружили солдаты.

— Там — жены и дети мятежников. Душа тех, кто еще поддерживает Спитамена.

— Ты прав, мой царь, — засмеялся Птолемей. — Подрубив корни, мы убьем само дерево!

— И тут ты не прав, мой друг. Я не хочу подрубать целиком корни, дерево должно жить, чтобы мы отдыхали в его тени.

Птолемей непонимающе пожал плечами.

— Что же ты хочешь, царь?

— Я хочу взять в плен души врагов. Если это удастся, то тем самым я поймаю в капкан и свяжу их крепче, нежели самыми крепкими веревками. Как бы ты себя чувствовал, если твои близкие окажутся в плену у твоих врагов?.. — царь засмеялся. — Так и они.

В это утро многие дома маленькой крепости, куда привез свою жену и дочь Вахшунварта, были объаты страхом и растерянностью. Приближение Александра было таким неожиданным и стремительным, что, окажись сейчас возле крепости сам Вахшунварта, это ненадолго бы оттянуло тот момент, когда крепость должна была пасть. Но никому и в голову не приходило просить пощады: у всех в памяти была жива страшная весть о том, как Александр приказал перебить грязных, оборванных людей, с радостными криками устремившихся навстречу его армии. Это были потомки тех греков, которых Ксеркс некогда увел в Персию, чтобы искусные умельцы возводили его города и строили храмы. Чего же можно было ждать от него сейчас?

— Боги отвернулись от нас, дочка, — сказала Олия, когда у маленького очага, зажженного в честь бога огня, погасло жертвенное пламя.

— Но зато посмотри, мама! — воскликнула Рохшанак, показывая на угол двора. Там, за кустами роз, с бутонами, которые едва начали распускаться, зазеленел росток дерева.

— Что это? — воскликнула Олия. — Откуда здесь деревце граната?

— Мама, оно зазеленело сегодня. Я утром встала и сразу его увидела, только не хотела тебе говорить, — рассказывала Рохшанак, и лицо ее дышало такой радостью и наивной верой в чудо, что мать грустно улыбнулась.

— Гранатовое деревце — здесь, в горах? Вряд ли оно выживет. Вряд ли это знамение послано нам с тобой, дорогая... Отец далеко, он не успеет подойти к крепости, а от варваров нечего ждать пощады!

— Я зимой укутаю его соломой! — радовалась

Рохшанак. — Прикажу, чтобы эту солому каждую неделю меняли. Оно должно выжить!

— Нам нужно думать, дитя мое, как выжить, — лицо Олии опять стало суровым.

Немолодая уже, она сохранила на удивление стройную фигуру и роскошные черные волосы, лишь поседевшие у висков. Думая о прошлом, женщина ощущала удовлетворение: жизнь была милостивой к ней, она дала ей хорошего мужа и семью. Но, глядя на Рохшанак, Олия чувствовала страх, ее гордая голова не раз склонялась в истовых поклонах перед домашними богами, перед богами в храмах Зароастра и Анахит: пусть даст судьба такую же спокойную, тихую жизнь ее дочери! Но события последних месяцев все перевернули в размеренном, спокойном течении их привычной жизни, а расцвет Рохшанак, ослепительное сияние ее красоты пришлось как раз на это смутное, жестокое время!

Они не успели отойти от хрупкого зеленого ростка, каким-то чудом прижившегося в углу небольшого дворика, как внизу послышались крики. Олия послезно поднялась по лестнице, ведущей на плоскую кровлю дома, где они с дочерью проводили целые дни, занимаясь рукоделием или разговаривая, или слушая певца. Она глянула вниз, и смуглое ее лицо с большими черными глазами побледнело: воины Александра шли на приступ, медные доспехи резко блестели в лучах утреннего солнца. Защитники крепости бежали к стенам. Звенели стрелы, рассекая воздух. У стены, к которой выходила единственная тропа, сустились женщины, разжигая заранее приготовленные дрова, чтобы разогреть огромные чаны с водой.

Рохшанак тоже смотрела вниз, но лицо ее не выражало ничего, кроме любопытства.

— Тебе надо укрыться, дочка! — приказала Олия.

— Но я хочу, мама... — начала было Рохшанак.

— Нет! — прервала ее Олия. — Туда пойду только я. Жизнь моя, дочь, не так священна в глазах богов. Ты должна жить, чтобы красотой своей украшать мир.

— Но я боюсь!

— Дочь Вахшунварты не должна бояться. Я триду к тебе, если враги будут близко. Если нам суждено умереть — будем умирать вместе!

И вот настал миг, когда Олия вместе с дочерью остались одни в огромном доме. Слуги были перебиты — то ли у стен крепости, то ли здесь, у ворот — никто не отзывался на голос хозяйки. Олия вбежала в комнату, крепко заперла массивный засов.

— Ты дрожишь вся! — прижимая к себе дочь, говорила старая Олия, прислушиваясь к шуму битвы. А он доносился все ближе и ближе.

— Мне страшно, мама, — шептала Рохшанак, припадая к груди матери.

— Не бойся, дитя мое, — успокаивала ее Олия. — С женщинами Александр не воюет.

Они прислушались. Звон мечей уже доносился со двора.

— Держись, — сжала руку дочери мать. — Помни, чья ты дочь. — Она улыбнулась через силу. — А если... ты знаешь, мы должны умереть с поднятой головой.

— Я не хочу умирать, мама! — слезы потекли по лицу девушки.

— Рохшанак! — строго одернула дочь Олия. — Ты дочь Вахшунварты. Неужели ты хотела бы, чтобы кто-то надсмехался над наследницей древнего рода?

Затрещала дверь под тяжелыми ударами. Женщины вздрогнули, с криком отчаянья бросились на врагов слуги дома. Рохшанак хотела вскочить, но мать крепко держала ее за руку.

— Сиди, дочка! — в руках ее сверкнул тонкий сти-

лет.— Бежать нам некуда. Да и поздно! Видимо, пришел наш час.

— Мама!

— Тс-с-с! — зажала ей рот жена князя.

По лестнице кто-то поднимался. Вот он остановился у дверей, нажал на нее, потом еще, еще. Засов не выдержал мощного напора, с грохотом отлетел в угол, и в комнату ворвался огромного роста македонец.

— Ого! — ухмыльнулся он, увидев Рохшанак.

В ту же секунду на него пантерой прыгнула старая Олия. Стиллет скользнул по кольчуге, не причинив македонцу никакого вреда.

— У, старая карга! — он легко выбил стилет из слабых рук женщины, сунул меч в засаленные ножны, потянулся к Рохшанак.

— Мама! — закричала она.

— Я здесь! — кинулась на македонца старая Олия. Но тот легким толчком отбросил ее к стенке, подхватил девушку на руки и вышел из комнаты.

— Клянусь Герой, — хохотал он, жадно ощупывая бесчувственное тело Рохшанак. — Она может поспорить красотой с любой из богинь Эллады!

Он быстро сбежал по лестнице и чуть не выронил свою ношу, столкнувшись во дворе с командиром сотни.

— Стой! — остановил его тот. — Покажи, что это у тебя!

— Она моя! — отпрянул македонец. — Я ее первый увидел. Не отдам.

— Ого! — засмеялся в ответ сотник, пораженный красотой девушки.

Рохшанак только сейчас начала приходить в себя, открыла свои глаза и, глянув на македонца, тут же снова зажмурила их.

— Отпусти девушку! — приказал сотник.

— Она моя! — упрямо твердил македонец.

— А я тебе говорю, это добыча царя, — с угро-

ной и голосе сказал сотник, сжимая запястье македонца. — Или ты против?

— Не торгуйся, Гаплет,— вынырнул из соседнего дома его товарищ. — Отдай бабу, еще есть время... найдешь себе что-нибудь получше,—добавил, убегая. — Если поспешишь, конечно.

— Бери, если для царя!

Гаплет вздохнул, высвобождая из объятий свою ношу, еще раз взглянул на Рохшанак и кинулся с криком в ближайший переулок, в котором мелькнул пестрый платок убегающей женщины.

— Великая Анахит хранит нас, — выбежала из дому Олия и обняла дочь.

— Кто ты? — остановил ее сотник. — И кто эта девушка?

— Моя дочь.

— Я это понял и без тебя, — засмеялся сотник. — Как ее звать?

— Рохшанак, — быстро ответила Олия, закрывая дочь от его оценивающего взгляда. — Она дочь князя Вахшунварты. Если ты спасешь ее, он достойно отблагодарит тебя.

— Рохшанак... По гречески значит — Роксана? Счастлив князь, что имеет такую дочь, — снова засмеялся он. И, глянув на Олию, добавил: — Ему придется платить двойной выкуп. За жену и за красавицу дочь. — И, подумав, сказал: — Если только...

31

Пленных женщин, стариков и детей собрали на центральной площади перед жертвенником Анахит.

Рохшанак стояла рядом с матерью. Она успокоилась, первый испуг прошел, теперь она снова была та Рохшанак, которой гордился старый князь, и заметно выделялась в этой сбившейся в кучу толпе. Она стоя-

ля прямая, красивая той благородной осанкой и броской выразительностью, которая вырабатывается в генах и передается из поколения в поколение. Она стояла с окаменелым независимым лицом, глядя куда-то в пространство, не замечая горящих домов, режущего глаза едкого дыма, солдат, жадными глазами пожирающих молодых красавиц, не слышала женских причитаний, пронзительного детского плача.

— Отпусти нас, добрый человек, — умоляюще простирала руки к солдату одна из пленниц.

— Позволь хотя бы похоронить сына, — рыдала седоволосая женщина с безумными глазами.

— И мой муж там лежит...

— Отпусти, ведь где-то и у тебя есть мать.

— Замолчите! — крикнула властно Олия, оглядывая плачущих женщин. — Кого вы молитесь о жалости? Тех, кто пришел на нашу землю, кто на ваших глазах осиротил детей? Кто собрал вас на площади, чтобы сделать своими наложницами и рабынями? Стыдитесь, гордые согдийки! Айриана, не ты ли была гордостью своего мужа! — окликнула она молодку, которая о чем-то молила улыбающегося македонца. — Теперь ты плачешь, словно вода течет в твоих жилах, а не кровь древнего рода Заруштов! — она с гордостью показала на дочь. — Смотрите на Рохшанак! Вот как должна держать себя истинная согдийская женщина!

— Я уже не плачу, — поспешно стирая слезы, обернулась к Олии Айриана.

— А ты, Одатида, — обратилась жена Вахшунварты к женщине в траурной накидке. — Разве не к тебе обратился сын с наказом — не ронять слез, потому что, если он погибнет, то только смертью героя! Он просил тебя, чтобы враги не видели твоих слез. И ты должна исполнить его желание, потому что он погиб, сражаясь за свободу нашей земли.

— Да, да, — откликнулась Одатида. Глаза ее за-

сверкали нечеловеческим огнем.— Ты права, Олия! Враг не должен видеть наших слез.

— Замолчи, старуха!— крикнул один из солдат охраны и погрозил мечом.— Или я отправлю тебя к Персефоне раньше, чем тебе отпущено в этой жизни!

Молодая женщина с длинными распущенными косами, тонконогая, высокая, что одиноко, уставившись в землю, стояла возле Одатиды, при этих словах высоко вскинула голову.

— Ты отправишься к Персефоне раньше, чем она!— крикнула она, и рука ее с кинжалом, видимо, выхваченным из складок платья, высоко взметнулась вверх.— Подлый раб!

Никто не успел промолвить ни слова, как воин покачнулся, на хитоне его выступило красное пятно и медленно стало расползаться вниз. К женщине бросились воины, но она с нечеловеческой ловкостью увернулась из десятка крепких мужских рук и вскочила на стену, как дикая кошка.

— Держи ее, друг!— завопил стоящий в дальнем углу площади воин, напрасно пытавшийся пробиться вперед в общей свалке.— Держи!

Но молодая женщина, вскочившая на стену, успела презрительно рассмеяться:

— Не будет вам такой радости, не будем мы вашими, греки!

Звонкий ее голос зазвенел во всех уголках площади.

— Савромат! — крикнула Олия, простирая к ней руки.

Но Савромат, взмахнув руками, уже бросилась вниз с высокой стены, что круто обрывалась над зияющей глубоко внизу пропастью, где бежала быстрая ледяная струя горной реки.

Громкий стон прокатился по площади. Воин, раненый Савромат, скончался на месте, едва успели вы-

нать острый, с резной ручкой, которую плотно охватывали когти грифа, кинжал. Еще немного — и разъяренные воины бросились бы на испуганно сбившихся женщин.

Александр появился на площади неожиданно, едва только успели перевязать ему легко раненную дропиком руку. Мгновенно стихли громкие крики воинов, проклятия и угрозы, только тихий женский плач раздавался с места, где стояли родственницы погибшей Савромат.

Царь едва взглянул на убитого.

— Унести! — коротко приказал он и стал обходить женщин, внимательно разглядывая каждую, словно стараясь определить их род.

Грустные мысли одолевали сына бога. Он смотрел на лица солдат и видел — нет в глазах прежней уверенности, огня, силы, с которой они начинали великий поход. Поредел строй его преданных ветеранов — его опора, его таран, его непробиваемый щит.

Неужели он так и не увидит границы мира? Признать себя побежденным и повернуть войска назад, в Элладу?

Нет, не верилось сыну бога, что на исходе, казалось бы неистощимые, силы его солдат. Не верилось, но лица их кричали ему: «Хватит! Мы устали! Достаточно с нас и побед, и обещаний, которыми ты нас кормишь из года в год! Отпусти нас! Не отпустишь, мы проклянем тебя и уйдем сами!»

Он читал это на истерзанных непрерывной войной лицах и в который раз спрашивал себя: «Неужели это конец?» И тут же, взбунтовавшись, отвечал себе: «Нет, нет и нет!»

Он не остановится на достигнутом, пойдет дальше. Туда, где кончается горизонт, пройдет путь, который еще никому из смертных не покорялся.

Александр распустил войско, подошел к толпе плен-

ших, скользнул равнодушным взглядом по огромной куче вещей, которые собрали его интенданты в разоренных домах. Внезапно что-то привлекло его блуждающий взгляд.

— Кто это?

Взгляд царя остановился на царственно прекрасной согдианке.

— Красавица, — бросив на Александра лукавый взгляд, сказал Нearch и приказал начальнику стражи вывести из толпы девушку.

— Кто это тебя так? — спросил сын бога, глядя на багрово-красную полосу, которая пролегла через всю правую щеку девушки.

Рохшанак даже не отреагировала на вопрос царя. Тогда из толпы выступила ее мать.

— Тебе хочется узнать, кто сражается с женщинами? — спросила она царя и указала на одного из солдат охраны. — Вот он!

— Ты, Мидас? — удивился Александр.

— Я, мой царь, — склонил голову македонец. — Эта ведьма поносила нас на чем свет стоит, — сказал он, указав глазами на старую Олию. — А когда я попытался образумить ее, эта, — кивнул он на Рохшанак, — еда не перегрызла мне горло.

— Но ты смело отразил нападение плетью? — заметил Нearch.

Среди солдат раздался смех. Мидас вспыхнул, густо покраснел, прячась за спины товарищей.

— Эх ты! — укоризненно покачал головой Александр. — Разве можно обращать внимание на женские слова? Ругань женщины — даже очень красивой — как роса, которая высыхает с первым лучом солнца.

Рохшанак будто только теперь заметила царя. Взгляд ее стал осмысленным: так вот он какой — сын бога! Великий Александр! Божественный Александр! Непобедимый Александр! Мудрый Александр!

Они скрестили глаза, стоя друг против друга, — царственный сын мудрой Эллады и дочь вольнолюбивой древней Азии:

— Кто ты? — спрашивали его глаза.

— Не знаю. Раньше я была хозяйкой земли, на которой ты сейчас стоишь, но ты отнял ее у меня.

— Эта земля и теперь твоя.

— Нет, и ты знаешь почему.

— Ты пойдешь со мной?

— Не знаю.

— Ты станешь царицей мира. Народ твой будет свободен, как никогда, ты хочешь ему помочь?

— Не знаю.

Они смотрели друг на друга, как пленники, скованные одной цепью, и никто не решался окликнуть царя, будто почувствовали нить немого разговора и боялись разорвать ее.

Царь смотрел на Рохшанак, улыбаясь испытывающе, зазывно, и она, внутренне сопротивляясь изо всех сил, вдруг ощутила, как что-то горячее обдало ее, закружило.

— Ты моя? — вновь и вновь спрашивали его глаза.

— Не знаю, не знаю, не знаю, — билась она, как птица, попавшая в силки.

Она побледнела, чувствуя, как нечто заматалось в ее груди, словно душа ее, до сих пор спящая, вдруг проснулась, разрослась, начала искать выход из своей тюрьмы.

— Не знаю, не знаю, не знаю, — кричала она всем сердцем, и в то же время ощущала, как медленно падает под неотразимую власть волшебных чар, которые исходили из глубины черных зрачков сына бога.

А он все смотрел и смотрел.

Что с ней?.. Мама..

Рохшанак почувствовала, как предательски запылали ее щеки. Она покачнулась, еще мгновение — и она

Она упала под ноги Александру, но мать поняла ее состояние, крепко обняла дочь за плечи.

— Мама, мне плохо! — едва слышно прошептала Рохшанак. — Мама, не уходи!.. Мама!

— Как тебя зовут, красавица? — донесся до нее откуда-то издалека голос Александра.

— Рохшанак, великий царь, — ответила за дочь старая Олия.

— Рохшанак, — задумчиво повторил царь.

— Рохшанак — по-гречески «светлая», «лучезарная», — перевел кто-то за спиной сына бога.

— Рохшанак, — он посмотрел на девушку, которая понемногу приходила в себя. — Роксана. Ты разрешишь мне так звать тебя?

— Смотрите, дочь Вахшунварты совсем околдовала царя! — зашептали в толпе.

— Ей и не нужно было колдовать, — тихо сказала Айриана.

Олия тоже почувствовала, что сейчас произошло нечто такое, о чем она и думать не могла, что, быть может, изменит круто не только жизнь ее дочери. Чувствовала и не знала, радоваться ей или плакать.

— Ты — мать Роксаны?

— Мать Роксаны и жена князя Вахшунварты, — ответил за женщину Неарх.

— Вахшунварты? — царь улыбнулся своим мыслям. — Это хорошо. А он сам?.. Здесь?..

— Вахшунварты в крепости не было, мой царь, — снова ответил Неарх.

— Где же он?

— Он остался там, — теперь пришла очередь отвечать жене князя.

— Со Спитаменом?

— Да.

— Мне говорили, твой муж очень благоразумный человек, женщина, так ли это?

— Имя князя Вахшунварты знают не только в Согде, — с гордостью ответила Олия.

— Я отпущу тебя, чтобы ты рассказала своему мужу все, что здесь увидела. Пусть он подумает, есть ли смысл вести бесполезную войну. Рано или поздно, но я поймаю Спитамена и его разбойников, но тогда о пощаде меня молить будет поздно.

Александр замолчал и, глянув на Рохшанак, добавил:

— Пусть князь подумает хорошенько и возвращается домой, в свой город, ворота которого всегда открыты для него.

— Ты отпускаешь меня? — глаза женщины радостно блеснули.

— Отпускаю, — кивнул Александр. — Объясни князю, что со мной лучше дружить, чем воевать. Иди, ты свободна.

Олия заторопилась, не зная, куда идти. Потянула за собой дочь.

— Э, не-ет, женщина! — остановил ее Александр. — Рохшанак останется здесь. Тогда у меня будет уверенность, что мое предложение твоему мужу не останется без ответа.

Он обернулся к Неарху:

— Проводи ее.

— А что будет с нами, великий царь? — закричал из толпы надтреснутый голос.

— Вы тоже можете идти к своим мужьям, — вдруг разрешил Александр, взглянул на Рохшанак. — Я вас отпускаю, вы свободны.

— Куда нам теперь деваться? — завyli нестройные голоса.

— Ты разрушил наши дома, а теперь гонишь.

— Оставляйтесь в крепости, — засмеялся Неарх.

— Здесь ни одного дома не осталось, где можно было бы жить.

Александр некоторое время молча смотрел на толпу сбившихся в кучу женщин, стариков и детей. На губах его застыла снисходительная улыбка человека, который знал, как отреагируют на его слова пленные.

— Если хотите, можете поехать со мной, — сказал он. Сразу стих ропот. — Я построю вам новые города, и вы сами выберете себе тот, который придется по душе. Это будут мои города, они не будут отличаться от городов Эллады. Но чтобы построить их как можно быстрее, мне нужна ваша помощь.

— Чем мы можем помочь тебе, царь?

— Уговорите своих близких — мужей, братьев, сыновей, кто у вас еще остался, пусть они спрячут оружие, чтобы вернуться к мирной жизни. Скажите им, что Александр прощает их.

— Я буду просить вечный огонь помочь ему и нашим сынам, — прошептала старуха со слезящимися глазами на высохшем лице. — Я бы умерла спокойно, увидев, что погасло пламя войны.

— Передайте всем, кого встретите на дорогах, кто держит в руках обнаженный меч и нападает на мои обозы, разворовывает добычу, убивает моих солдат — я прощу всех, кто добровольно явится ко мне. Передайте, пусть только не думают слишком долго, чтобы потом не оказалось поздно. И моему терпению может прийти конец...

32

Для совместной борьбы с греками Спитамен решил привлечь могущественное племя массагетов, живущее по направлению к солнцу по обе стороны реки Аракс, или, как говорили согдийцы, Окс. Вначале он хотел ехать туда для переговоров без Гулрухсор, но она упросила взять ее с собой.

— Погибнем — так вместе! — сказала она, и Спи-

татен, взглянув в ее печальное лицо, не смог отказаться ей, хотя путь до массагетов был долог и труден.

Но, вопреки их опасению, гостей встретили очень приветливо. Царь массагетов Спаргап приказал в их честь принести в жертву богу солнца самого быстрого жеребца, ибо, как пояснил он, самому быстрому богу нужно приносить самое быстрое существо на свете. Жене Спитамена он подарил редкостный шерстяной плащ с необыкновенно яркими синими узорами. Гул-рухсор слышала об этой удивительной краске, изготовляемой только массагетами, когда она не стирается, и впитывается в материю так, как будто была воткана в нее с самого начала, и поблагодарила царя, поднеся ему чашу из оникса с летящими птицами и камышом, привезенную из страны желтолицых, стоящей на тысячи парсангов к востоку, называемой Срединной империей. Вначале, когда она собиралась в путь, ей хотелось отвезти царю золотую секиру, захваченную у персов, но потом, поразмыслив, она рассудила, что, по сведениям, золота у массагетов достаточно, так что пояса, перевязи и головные уборы у них украшены золотом, из него же сделана вся посуда царей. И сейчас она имела возможность в этом убедиться: в царской конюшне, куда привел их хозяин, желая похвалиться редкостными мастями лошадей, была комната со сбруей, где все уздечки, удила и нащечники были инкрустированы золотом.

Но, кроме обилия золота и меди, жили массагеты довольно скромно. В доме царя не было ни пушистых ковров, ни редкостных, тканых золотом тканей, ни тех предметов роскоши, к которым так привержены были персы. И еда, которую им подавали на золотых блюдах, была совсем простой — коренья, приправленные пряными травами, сыр, молоко, рыба. Рыбы особенно много было на столе. Обильная ею река Аракс приносила массагетам и огромных с неж-

ным мясом осетров, и зубастых щук, и незнакомую согдийцам красную и черную икру, с резким запахом речных камышей. Попробовав, Гулрухсор осторожно, чтобы не заметил царь, отодвинула ее подальше. Но Спаргап добродушно рассмеялся, заметив ее маневр:

— Ты права, гостья, — сказал он, вытирая рукой рот, утонувший в тяжелой черной бороде.

— Жаль, что вы опоздали, — говорил царь, большим бронзовым ножом разрезая огромного сома, жаренного в масле коровы, — и не увидели праздника, когда хоронили моего отца. Я думаю, что, поев его мяса, вы ощутили бы всю его силу и величие.

— Как... поев мяса? — спросил Спитамен, не скрывая изумления.

— Вы не знаете, значит, наших обычаев, — рассмеялся царь, заметив изумление и на лице Гулрухсор. — Величайшее блаженство для смертного умереть не от недуга, а от старости и быть принесенным в жертву вместе со священными животными бога Солнца, или Митры. Те, кто съедает мясо старика, как бы приобщаются к его уму и отваге!

Гулрухсор судорожно проглотила слюну.

— О да, великий царь, нам жаль, что мы опоздали! — заметила она, склоняя голову. Спитамен коротко взглянул на нее и едва заметно улыбнулся.

— Но если мы и не знаем некоторых ваших обычаев, — опять продолжала Гулрухсор, — то мы знаем величие ваших битв и ум царей ваших, например, гвоей прапрабабушки, великой царицы Томирис, которая смогла одолеть в битве дотолем непобедимого Кира!

Спаргап выпрямился на кресле, его добродушное широкое лицо приняло торжественное выражение.

— Благодарю тебя, гостья, ты дала мне радость! — сказал он. — Да, славная царица Томирис смогла усмирить Кира и напоить его голову кровью, как он того хотел, пусть даже это было после его смерти, а

кровь в мешке, куда она бросила его голову, была его собственная!

Спитамен еще раз коротко взглянул на свою жену, и едва заметная усмешка пробежала в его глазах.

— И мы думаем, царь, — сказал он, — что ты сможешь поддержать неувядаемый блеск великого мужества массагетов, присоединяясь к борьбе против тех, кто в конце концов попытается захватить и твои, столь плодородные земли, нет предела желаниям царя Александра.

— Пожалуй, — задумчиво склонил голову Спаргап. — Мои воины скучают без настоящего дела, в лагерь массагетов давно не поступала военная добыча, и оттого наши радости стали немного однообразными... Пожалуй, я приму участие в войне, Спитамен! Смущает меня лишь то, что царь Александр — победитель персов, давних наших врагов!

— Но ему мало было проглотить Дария, — вмешалась в разговор Гулрухсор, — мы знаем, что он хочет захватить землю за Индом, он хочет объявить себя царем мира! А вы — свободный народ.

— И храбрый народ! — добавил Спитамен.

— Об этом мы поговорим позднее, — ответил царь массагетов. — А пока я хочу пригласить вас, о Спитамен, и тебя, его разумная жена, погостить у нас.

— У нас очень мало времени.

— Неделя — очень небольшой срок для такого важного дела, которое решить должен не только я, но и мои жрецы. Если бог Солнца, великий Митра, даст отрицательный знак, я не пойду с тобой, о Спитамен, не обижайся! Я покорен воле богов, я всего лишь слуга их, и потому никакие самые важные соображения не заменят мне слова Митры!

...Неделю согдийцы жили в лагере массагетов. Многие обычаи массагетов показались странными и дикими.

ми согдийцам, привыкшим к тому, что семейный очаг священен: так, каждый из массагетов брал в жены одну лишь женщину, но жили с этими женщинами сообща. Если кто-то из массагетов чувствовал влечение к какой-нибудь женщине, он вешал свой колчан на ее кибитке и затем спокойно входил к ней. Муж в это время уходил в другую кибитку.

— Великая Анахит! — возмущалась Гулрухсор. — В это невозможно поверить! Если бы не видела все своими глазами...

— Но ты забываешь, жена, о священном служении Иштар, когда лучшие жены Вавилона шли по ночам в храм, чтобы отдаваться чужеземцам!

— Но это было в древности! — возражала Гулрухсор.

— Не забывай, что многие народы сильны своей приверженностью к древним культам.

— Да, — уступила мужу Гулрухсор. — В конце концов нам важно одно: станут массагеты нашими союзниками или нет. А остальное — их дело...

Тогда же услышала Гулрухсор о древней царице Ассирии, Нитокрис, которая изменила течение реки Евфрат, что протекала раньше прямо через середину Вавилона. Огромная река ушла за город, чтобы орошать новые земли. Эта же царица обманула потомство тем, что велела построить свою гробницу над воротами в самом оживленном месте города и велела распустить слух, что в гробнице находятся великие сокровища, но к ним дойти нужно будет лишь тогда, когда в царстве будет великая нужда в деньгах. Когда же Дарий, движимый лишь корыстью, велел вскрыть гробницу, он прочел в ней, не найдя никаких сокровищ, только такую надпись: «Если бы ты не был столь жадным, то не разорял бы гробниц покойников».

Она слушала эти рассказы со смешанным чувством восхищения и досады. Короток человеческий век,

и столько людей приходит на землю, сколько песчинок летит через страшные песчаные пустыни, когда поднимается буря... Как же оставить в памяти потомков нечто, что заставляло бы их хоть иногда вспоминать имя, утонувшее в огромном потоке времени? Через неделю главный из массагетов, сухой, желчный старик сообщил Спитамену, что войско массагетов готово выступить в поход, так как великий, несущий свет всему земному, испепеляющий нечестивых и озаряющий светом разума достойных бог Митра разрешил им принять участие в войне против Александра. Александр — еретик, он поклоняется многим богам, в том числе богиням судьбы — Мойрам, в то время как все сущее лежит в руке только одного бога — бога солнца. У греков бог солнца — только один из обычных богов, кажется, его зовут Аполлоном, и он подчинен верховному богу — богу молнии и грома. Это святотатство!

Спитамен понимал, что причины согласия лежат глубже: в самом деле, давно войско массагетов не принимало участия в битвах, а бездействующая армия неизбежно становится слабой, постепенно опускаясь в хозяйственные заботы, обрастая семьей и бытом. У массагетов ранее существовали специальные воинские отряды, в последнее же время они все более уменьшались, потому что не было силы, способной и желающей воевать с умными и хитрыми кочевниками.

Наступил последний день их пребывания в лагере массагетов. Вокруг каменного алтаря были разложены глиняные фигурки, одетые все одинаково — в широкий кафтан, высокие сапоги и остроконечную шапочку. Но ни одна не повторяла другую своими движениями: молодой Митра убивает быка, Митра стоит на быке, Митра борется с Солнцем...

Один из посвященных жрецов проводит окровав-

ленным лезвием по своему лбу, кладет нож на землю рядом с только что принесенным в жертву быком и, бубня под нос заклинания, отходит к старейшинам племени. Старейшины сидят торжественные, зорко следя за исполнением таинства, чтобы все было как положено, потому что и они посвящены в таинства мистерии и ждут своей очереди.

Жрец, пританцовывая, кивает одному из них, и тот встает важно, берет приготовленный молодым вождем факел и подходит к большой куче сухих дров справа от алтаря.

Очертя огнем круг над своей головой, он кидает факел в середину кучи. Все замерли, ожидая, когда разгорится пламя. Наконец жрец поднял руку, и в ту же секунду в костер полетели небольшие круглые плоды.

И тут же мужчины и женщины под удары бубна взялись за руки и начали кружить вокруг огня. Плоды под действием огня сначала покрылись черной коркой, набухли, начали лопаться, истекая шипящим соком. Густой дым поднимается из пламени. Специальный человек начинает размахивать веером из длинных перьев над костром, чтобы дым не уходил в небо, а стелился по сторонам, обволакивая массагетов, которые кружили позади его и выкрикивали гортанные звуки:

— Га-я, ух-ха! Га-я, ух-ха!

Они скандировали эти звуки с полузакрытыми глазами, с наслаждением втягивая в себя сладковатый дым.

Спитамен наблюдал за ними с бесстрашием гостя, который знаком с обрядом, что разыгрывался перед ним, смотрел, как постепенно опьяневшие массагеты отходили в сторону и, раскинув руки, валились прямо на землю, а на их место становились другие. Спитамен понимал, это будет продолжаться долго: пока не

упадет в забытья последний человек, пока костер не обезводит священные плоды бога Митры, пока огонь не испепелит свой запал и не умрет в ожидании следующего священнодействия.

Га-я, ух-ха!

Га-я, ух-ха!

— Завтра бой, а они!

Ростан присел рядом со Спитаменом.

— Массагеты всегда так поступают, — ответил юноше Спитамен. — Особенно перед решительным сражением.

— Как же они могут сражаться после всего этого? — недоверчиво заметил Ростан.

— Они говорят, в момент полного отключения от действительности, забытья к ним спускается с неба сам Митра и благословляет на бой.

Га-я, ух-ха!

Га-я, ух-ха!

В круг выбегает седобородый с всклокоченными волосами старик. Извиваясь тощим телом, он выкрикивает фальцетом отдельные звуки. Глаза его широко открыты, в них тускло играет огонь костра, и на Гул-рухсор, которая до этого словно не замечала пляску массагетов, повеяло холодом, холодом какого-то неземного, потустороннего мира, который воспринимается не телом, а душой. Человек может почувствовать этот холод, как ощущение какой-то опасности, смерти, но никогда не объяснит, откуда у него это чувство, это предчувствие, которое постепенно, по мере приближения к роковой развязке, переходит в уверенность, что надвигается нечто страшное, неотвратимое.

Таким чувством предвиденья обладают не все, оно дается как дар только избранникам богов. И тогда тот, кто его вдруг открывает в себе, становится прорицателем, жрецом, посвящает себя служению небесным силам.

Гулрухсор же почувствовала это впервые, почувствовала, но не поняла, не приняла предостережения.

— Не могу видеть этих дикарей! — воскликнула она с гримасой отвращения на побледневшем лице. Она резко встала.

— Как ты можешь так говорить? — укоризненно заметил Ростан. — Массагеты наши союзники.

— Но любить их за это я не обязана, — ответила она, презрительно оттопыривая губы. — Я посмотрю, как там наши кони.

Спитамен кивнул, глядя ей вслед и возвращаясь к мыслям о завтрашнем сражении.

33

Первый свой город в Азии сын Филиппа спланировал точно таким, каким был первый город эллинов — Афины: в центре — небольшой по размерам храм, похожий на Парфенон, со статуями богов в портиках.

Широкая улица соединяла площадь с Главными воротами и, продуваясь северными ветрами, была всегда чистой от мусора. По обе стороны улицы расположились каменные дома с колоннами. Дорога и сама площадь были вымощены отшлифованными камнями. Под строгим надзором старого грека, одетого в белый хитон с золотой полосой внизу, мастера по укладке камня мостили второстепенные улочки, которые лучами разбегались от центральной площади во все стороны.

— У меня для тебя подарок, Паламед! — сказал Александр греку, который едва поспевал за более молодым царем.

— Я слушаю тебя, — задыхаясь, говорил Паламед, на ходу отирая пот со лба.

По приказу царя он спланировал этот город, руко-

водил строительством и теперь ждал оценки своей работы. Они уже обошли весь город, побывали на главных объектах, которые поспешно достраивались. Он хотел закончить главные работы к приезду Александра, но не успел, и теперь волновался. Все почти осматрел царь, но до сих пор ничего не сказал, и вот — «у меня для тебя подарок!»

Архитектор облегченно вздохнул, поняв, что угодил царю. Шутка ли — построить город, который бы по красоте не уступал лучшему городу мира!

И сделать это в кратчайшие сроки!

Нет, очень уж царь торопился жить! Торопился сам и торопил других. И мало было таких, которые бы выдерживали эту сумасшедшую гонку.

— Лисипп, наконец, прислал мне статую Аполлона, — сказал Александр, глянув на старого архитектора. Потом резко остановился, заинтересованный одним из домов.

— Пусть боги всегда будут с тобой, царь Александр, — говорил Паламед, переводя дыхание. — Истину сказал ты, настоящий подарок и мне, и своему городу сделал. Лисипп добрый мастер, хотелось бы скорей взглянуть на дело его рук.

— Ты увидишь ее, очень скоро увидишь! — говорил Александр. — Потому что этот город твой подарок мне. Чем больше смотрю, тем больше убеждаюсь — придет время и все скажут, что равного ему здесь, на этой земле, не будет.

— О царь, — тихо сказал архитектор. — У города, кроме правильных пропорций и целесообразности, должно быть еще нечто — возможно, то, что вдыхают в каждое свое произведение гениальные скульпторы — вдохновение, жизнь. Афины овеяны божественной заботой богов, взявших их под свое покровительство. А еще — исканиями людей, украшены их трудом, который длился столетиями.

— Разве нельзя здесь создать свой Парфенон? Я предлагаю снять точные чертежи!

— Но я не смогу создать Парфенон даже по чертежам, как создали его Иктин и Калликрат. Это будет копия — и только. Ты обращаешь внимание, какое чувство охватывает, когда стоишь у стен Парфенона? Или храма Эрехтейон? Или Ники Аптерос? Такие сооружения создаются однажды...

— Но Парфенон так четок, правилен, как будто его делал математик!

— И опять ты ошибаешься, великий царь. Присмотришься, когда вернешься в Элладу: колонны по углам поставлены теснее, чем в середине, и вообще промежутки между ними не равные. И горизонтальные линии — как волны, приподнимаются к центру и прижимаются по сторонам, как бы вращаясь вровень с землей, которая ведь никогда не строго горизонтальна.

— Неужели? — Александр с любопытством смотрел, как, разгораясь, Паламед отбросил сдержанность, острое лицо с небольшими зоркими глазами порозовело.

— А колонны? — продолжал Паламед. — Они сужаются кверху, но сужаются неравномерно, с легким утолщением посередине, то есть напрягаются, подобно тому, как напрягаются мышцы человека, несущего тяжесть на поднятых руках. Каждая колонна — это своего рода Атлант. Это уже не высчитывается, это — подсказывается великим Аполлоном, если к тебе милостива богиня судьбы — Тихе!

— Но Аполлон милостив и к тебе. Ведь не каждому архитектору удастся строить город — весь, целиком! — с гордостью сказал царь.

— Эллада не хочет строить большие города, ей это не нужно. А ты здесь — полновластный хозяин! И может быть, Аполлон и дальше даст тебе силу и экстаз, чтобы дома здесь могли спорить с афинскими,

о Паламед! Но ты, хвала богам, и так достиг за это короткое время почти невозможного. Нужно, чтобы идущие народы убедились, что мы — не только завоеватели, но и люди, несущие многим народам освобождение!

Паламед восхищенно смотрел на Александра. Лицо молодого царя, с серыми внимательными глазами, с ранними складками над мужественным, крепкой лопки ртом, было сейчас прекрасным. Вероятно, его вдохновило то, что сделано было здесь за короткий срок, и Паламед с грустью подумал, что, несмотря на любовь к сражениям, к войне, Александр — истинный сын великой Эллады, чувствующий радость от соприкосновения с прекрасным. И еще подумал архитектор, что если бы он был великим Лисиппом или Агесандром, он изваял бы такого вот Александра — юношески оживленного, мягкого, насмешливого. И снова вдохнув, он вернулся к мыслям о своем городе, ибо боги дают каждому то, на что он способен.

Много успел за эти считанные месяцы греческий ваятель и архитектор Паламед, пока Александр наводил порядок на восточных окраинах своей огромной империи, заново заселял опустевшие земли далекой Фарганы, принимал присяги у правителей полудиких кочевых племен, главным промыслом которых были грабежи мирных поселян и маленьких, плохо укрепленных городов.

Теперь по всему краю наступил мир, земледельцы вернулись к своему труду, постепенно налаживалась жизнь и в новых городах, которые строили по приказу царя морей, возрождались забытые за время войны ремесла: закурились дымом над кузницами, мастерскими оружейников, завертелись гончарные круги, ювелиры застучали своими крохотными молоточками. Оживали города, и на дорогах все чаще и чаще стали встречаться караваны купцов с иноземными товарами.

— Лисипп добрый мастер, — повторил Паламед, стараясь скрыть смущение. — Недаром за его Афродиту спорили три города.

— Я доволен тобой, — сказал Александр. — Ты сделал много больше, чем я предполагал.

— Твои слова, как бальзам на больную душу, Великий царь, — склонил в благодарном поклоне седую голову польщенный архитектор. — Мы, скромные мастера, самые счастливые из смертных, когда слышим достойную оценку делу своих рук. Ведь каждый художник, будь то великий ваятель или простой гончар, каменщик или ювелир, хотел бы, чтобы его творение жило века.

— Этот город тоже будет неподвластен времени.

— Как и все, что связано с твоим именем, — поблудострастно воскликнул Паламед. — Именем Александра Великого, сына царя Филиппа Македонского!

— А ты знаешь, Паламед, — заметил, неожиданно погрузстнев, Александр. — Мне временами стало казаться, что не так много осталось мне странствовать по свету, стал чувствовать — дух, который мне никогда не изменял, поддерживал силу мою, стал устывать.

— Что с тобой, царь? — удивленно воскликнул архитектор. — Ты ли это говоришь!

— Я, — покачал головой Александр. — Ты не слышался, мудрый старик. Я давно уже живу с предчувствием, что, быть может, скоро отец мой, всемогущий Зевс, призовет меня к себе.

— Живи долго, о царь! — отпрянул от него Паламед. — В твои ли годы предаваться таким мрачным мыслям!

И снова прервал его Александр:

— Это мне известно так же, как и то, что сейчас ты стоишь передо мной. И не спорь, милый Паламед. Не слова утешения мне хочется от тебя услышать.

Царь замолчал на некоторое время, словно обдумывая то, что мучило его. И старый мастер замолчал, понимая, что и сильным мира сего становится иногда тоскливо, одиноко и перед ними встает дилемма, решить которую им, оказывается, не под силу, и они вдруг ощущают себя ничтожными пылинками перед могуществом реки времени.

— Просто... мне больно сознавать, что империя моя, созданная моими руками из огромных стран и бесчисленных народов, — он говорил медленно, с трудом, словно преодолевал какие-то преграды, которые разрывали нити его мыслей, — рассыплется с моей смертью, как песочная крепость на берегу моря.

— Не думай об этом, Великий Александр.

— Не могу не думать, как бы я этого ни желал, — горько усмехнулся царь. — И дорога войны, которой я иду, нескончаема, потому что, наверное, нет пределов Ойкумены и еще потому, что я уже никогда не смогу остановиться. Не могу себе этого позволить, старик, хотя понимаю — все бессмысленно; и война, и власть над миром. И как хочется, чтобы после меня что-то осталось, чтобы мое имя осталось жить в веках, как будут жить изваянные руками таких, как ты, прекрасные статуи богов и богинь.

— Твое имя останется, царь, в веках, даже если бы ты этого не захотел, — заговорил старый мастер. — Великие остаются великими, даже если они несут с собой зло.

— Я воин, и все, что пришлось мне делать в жизни, это воевать. А кто будет помнить солдата, пусть даже великого?

— И снова ты ошибаешься, Великий царь, — покачал головой Паламед и, показав рукой на строения вокруг, заметил: — Разве это не дело твоих рук?

— В том-то и дело, дорогой Паламед, что это не мой, а твой город.

Он сморщил лоб, потер виски, припоминая что-то далекое.

— Только теперь мне стали понятны слова моего мудрого учителя Аристотеля, который не уставал повторять, что только творчество делает человека счастливым. И как я был молод и глуп, когда спорил с ним, доказывая, что только власть и сила могут дать полное ощущение счастья. И вот я... Александр, повелитель Эллады и Македонии, владыка Египта и Вавилонии, Ионии, Фракии и Азии, я, чье имя наводит страх на могущественных государей, которые молят своих богов, чтобы мои солдаты обошли стороной их земли, я жалею тебе на свою судьбу, не смешно ли?

Паламед покачал головой, глядя в глаза царя.

— Скажи тогда, в чем же моя ошибка, старик? Мог ли я жить иначе? И представься судьбой возможность начать все сначала, смог ли я быть счастливым, оставаясь у себя в Македонии, изучая науки, собирая у себя во дворце философов и слушая их умные беседы? Скажи, нашла бы тогда душа моя покой, или та жизнь, которую я тебе сейчас представил, тоже в конце концов оказалась бы обыкновенной суетой смертных под вечным небом?

— Не так-то легко ответить на твой вопрос, Великий царь, — задумался архитектор. — Все под небом предопределено богами, и человеку не по силам что-либо изменить в своей судьбе... Я простой ремесленник, живу трудами своих рук. Я никакой не философ, и вопрос твой уместнее было бы задать им... Одно скажу, царь, тебе ли жаловаться на судьбу. Ты родился царем, непобедимым воином прошел путь, который до тебя никому не покорялся...

И все же ты прав, — вдруг сам себя перебил Паламед. — Самое большое счастье для мыслящего человека — это создавать. Ты мучаешься, бьешься над неподатливым камнем, плачешь от бессилия, что у те-

бя не получается то, что ты задумал, но наступает день, когда творение закончено и ты можешь выставить его на показ ценителям, истинным знатокам, и тогда... тогда ты чувствуешь себя счастливым, и ничто с твоим ощущением не может сравниться, нет на земле человека, который бы мог сказать, что он счастливее тебя.

— Ты так думаешь? — усмехнулся Александр, снова становясь высокомерным, заносчивым, самоуверенным царем царей. — Ты считаешь себя мастером, создателем прекрасного?..

Но не будь меня, где бы ты был сейчас?

— Ты прав, царь! — сник Паламед.

— Нет, начнись все сначала, я вновь пошел бы только этой дорогой, — голос царя окреп, исчезла прежняя неуверенность в глазах. Снова перед Паламедом был Великий Александр, сын Бога. — Самое большое счастье для меня — это быть в гуще сражения, идти вперед, веря только в свою судьбу, в силу оружия, которое у тебя в руках, зная, что ты непобедим, пока веришь в это, и тогда перед тобой бессильны самые прославленные полководцы, самые могущественные цари! Не знать, что такое поражение, побеждать даже тогда, когда победить, казалось бы, невозможно, когда перед тобой войско, которому нет числа, разве это не искусство?

— Не спорю, Великий царь! — поспешно согласился Паламед. — И война тоже искусство, — и, подумав, повторил. — Искусство, только совсем другого рода.

— Объясни.

— Сейчас, сейчас, — заторопился старый мастер. — Может быть, я и ошибаюсь, прости меня заранее, перед тобой не философ...

— Говори, я слушаю, — нетерпеливо перебил поток пустых слов Александр.

— Я и говорю, — поднял на царя смущенные глаза мастер. — Мне кажется... есть в мире искусство созидания. Созидателями могут быть ремесленники, каменщики, все, кто что-то делает своими руками, что может сохраниться год, десять лет, что в конце концов просто радует глаз. Есть создатели и повыше рангом — это живописцы, архитекторы, ваятели, как Лисипп. Вспомни его статуи, они будут радовать людей и через многие-многие годы, когда мы уйдем в небытие. Ты понимаешь, царь, что я хочу сказать?

— Продолжай, я тебя внимательно слушаю.

— И есть другое искусство... я бы сказал, прямо противоположное тому, о котором я только что говорил. Это искусство, — он замаялся, быстро глянув на царя, заторопился, глотая слова. — Я бы его назвал... искусством смерти!.. Ведь ты не будешь отрицать, великий царь, что война ничего, кроме смерти, горя и разлуки, не несет ни тем, кто ее начинает, ни тем, кто вынужден обнажить меч, чтобы защитить свою жизнь, свое добро, близких, так?

Александр не ответил на вопрос Паламеда. Он вдруг вспомнил Лисиппа, каким он видел его в последний раз.

— Мне рассказывали, что Лисипп болен непонятной болезнью. Что он выглядит так, словно его изнутри сжигает какое-то пламя, но доктора бессильны перед ним. Неужели это пламя...

— Ты угадал, великий Александр, — обрадовался Паламед. — Это пламя есть во всех великих людях. Есть оно и в тебе. Ты тоже не знаешь покоя, будто жжет тебя изнутри огонь Персефоны, толкает идти постоянно вперед и вперед, и нет сил, которые бы его погасили. Только смерть может остановить тебя, погасив этот огонь в твоих жилах.

— Может быть, ты и прав, — согласился Александр, словно прислушиваясь к себе. — Я будто горю

изнутри. Я не принадлежу самому себе, даже когда мне хочется забыться от всего, отдохнуть от дел, от власти, он гонит меня куда-то, не давая засиживаться на одном месте, ибо я начинаю себя чувствовать птицей, которую заперли в клетку. И начинаю понимать, что умру, если не разгоню ту энергию, которая во мне скопилась, — царь замер на полуслове. — Скажи, старик... тебе тоже известно такое пламя?

— В молодости меня преследовали честолюбивые мысли, — улыбнулся в ответ старый мастер. — Я хотел стать зодчим, которого бы узнал весь просвещенный мир, чтобы дома, которые я строил, поражали людей своей неповторимостью. Много мне хотелось, — вздохнул мастер. — Но увы! Судьбу не выбирают. Огонь, который я назвал, дается богами как награда только любимцам, только избранным, к которым ты смело можешь отнести и себя, и Лисиппа, и многие другие имена, которые мы произносим с благоговейным уважением и любовью за то, что они оставили после себя.

Без вдохновения, без этого божественного огня нет творчества, нет красоты. И потому я всего-навсего простой мастер, один из тысяч, из миллионов смертных, не отмеченных Аполлоновой печатью, и делаю только то, что могу.

— В этом и есть разница между нами! — засмеялся Александр. Паламед вздохнул, молчаливо соглашаясь с приговором царя.

— Ты делаешь, что можешь, что в твоих силах. Я же стремлюсь делать недоступное простому смертному. Я хочу, чтобы в этом диком краю выросли прекрасные города, чтобы в садах этих городов зацвели оливы, под которыми собирались бы известные философы и поэты, и так будет...

— А нужно ли, чтобы у Афин появился такой соперник? — осторожно заметил Паламед. — Эллада

потому и неповторима, что нет на земле подобных городов. Да и самим варварам вряд ли понравятся города, в которые ты хочешь загнать их силой. Для исполнения твоих желаний нужно время, и тогда они сами придут к нам, чтобы научиться тому, к чему ты их хочешь принудить силой.

— Ты так думаешь?

— А сам ты как считаешь?.. Прислушайся к голосу разума.

— Может быть, ты окажешься прав.

Александр снова погрузился в размышления.

— Захотят, — твердо заключил он. — Если не сразу, то потом. Через год, через десять лет, когда почувствуют вкус к мудрым знаниям. Не сами они, дети их. Поймут и восславят Александра, который пришел на их землю во имя их же блага.

Он вдруг оживился, увидев что-то:

— А вот и мой подарок!

Паламед обернулся и сразу увидел статую Аполлона. Несколько рабов под присмотром надзирателя устанавливали ее на возвышение перед храмом.

— Ну как... нравится тебе она? — спросил Александр мастера, когда они подошли поближе.

Паламед не знал, как выразить свои чувства, потрясенный прекрасной работой скульптора. Он обошел статую, замер на секунду, прикоснулся к тонкой складке плаща, свисающего с мраморных плеч.

— Мне хотелось бы остаться здесь, пожить несколько лет. Увидеть, как расцветет город, заживет своей жизнью.

— Кто тебе мешает исполнить свое желание?

— Никто, — согласился Александр. — Никто, кроме меня самого.

— Вот видишь, опять судьба не дает тебе покоя.

— Ты прав снова и снова, она влечет меня в сказочную страну индусов. И если предчувствие не об-

мешивает меня, может, я и не увижу больше никогда этот город, а если... все же я буду жив, то обязательно вернусь сюда, чтобы еще раз пройти по этим улицам, еще раз прикоснуться к стопам вечно молодого Аполлона.

— Твой путь слишком стремителен, Великий царь, чтобы ты где-нибудь останавливался... тем более — возвращался назад!

— Но как сильно желание увидеть дело своих рук! — воскликнул Александр с сожалением. — В сущности и здесь я задержался только потому, что до сих пор не могу считать себя хозяином этой земли. Снова восстали скифы, зашевелились племена массагетов. И этот Спитамен... рыщет по дорогам, нападая со своими разбойниками на мои обозы, и, пока он не пойман, я не могу считать Согду своей. Но я его поймаю, очень скоро...

34

Мертвая степь, на которой шло сражение македонской армии с массагетами, была покрыта белым покрывалом снега. Снова и снова устремлялись в атаку массагеты, горяча послушных коней, оглашая степь дикими гортанными выкриками. Македонское войско словно выжидало, отбрасывая атаки длинными копьями оцетинившихся рядов, которые вставляли снова и снова, как сказочные воины из зубов дракона, посеянных некогда Язоном. Наконец, когда конница противника была измотана, Александр пустил вперед боевые колесницы, захваченные у Дария. Одновременно войско македонцев и греков словно раскололось надвое. В прорыве появились страшные боевые слоны. Замерзшие, несмотря на толстые попоны, они сейчас с яростью устремились вперед.

Массагеты дрогнули. Согдийская конница рину-

... в атаку, пытаюсь спасти положение, но тут же была отброшена тяжелыми копьями закаленных ветеранов Александра. А массагеты уже бежали, увлекая за собой разрозненные отряды скифов, бактрийцев и неопытных в военном деле всадников Фарганы.

Кровяные пятна дымились в седом снегу.

— Куда вы, братья? — кидался навстречу бегущим в беспорядке соратникам Спитамен, не боясь быть раздавленным, не замечая слез, которые катились по обветренным щекам. — Стойте! Остановитесь же, друзья! Стойте!

Но едва успел отклониться от удара, который обрушил на него один из наступающих греков, отбил мечом второй и тут же сам нанес сокрушающий удар своим щитом по голове врага.

— Спитамен, сзади! — закричал Ростан.

Спитамен вовремя отреагировал на опасность, прикрываясь щитом. На него одновременно набросились двое македонцев. Ростан хотел пробиться к своему наставнику, но и ему пришлось отбиваться от наседавших врагов.

— Держись, Ростан! — кричал Спитамен, спеша на помощь юноше. — Держись, я иду к тебе!

Но в этот момент в бок ему вонзился дротик. Спитамен зашатался, опуская щит, и в ту же секунду правую руку у самого плеча пронзила стрела. Меч выскользнул из ослабевших пальцев.

— Спитамен! — закричала Гулрухсор, прорываясь к мужу.

Она едва успела удержать его в седле, закричала, что есть силы, поднимая своего коня на дыбы:

— Ростан, уходи!

Она швырнула щит в чью-то голову и понеслась вперед, не выпуская из рук повод даваньского коня...

— Мы проигрываем четвертое сражение подряд, — говорил Вахшунварта.

Спитамен лежал перевязанный, смотрел на князя, на тех, кто пока еще верил в него.

— Что же дальше? — спрашивал его старый князь.

— Надо ехать к скифам, — слабым голосом ответил Спитамен.

Вахшунварта покачал головой.

— Безнадежно.

— Что же ты предлагаешь, князь? Пойти с поклоном к македонскому царю?

Вахшунварта усмехнулся в седые усы, но не ответил на прямой вопрос Спитамена.

— Неужели и ты согласишься служить новому властелину? — крикнул Спитамен, но застонал, закрыл глаза.

— Я не говорил этого.

— А я говорю тебе, нужно поднять скифов, — угасающим голосом повторил Спитамен.

— А я говорю тебе, что из этого ничего не выйдет, — резко ответил Вахшунварта. — После битвы под Зариаспой они очень поумнели и, как я слышал, даже отправили послов к Александру.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, если ты еще в состоянии послушать трезвый совет, нужно пойти на перемирие.

— Это и есть твой совет?

— Да! — твердо ответил старый князь. — Мы должны переждать, собраться с силами.

— Князь! — вскричал с тоской Спитамен, с трудом сдерживая стон от сильной боли. — От тебя ли я слышу эти слова, которые больше подходят грязному рабу, привыкшему повиноваться, чем князю твоего рода?

— Силой врага не одолеть, — миролюбиво заговорил Вахшунварта. — Нужно сделать вид, что мы смирились. Пусть Александр успокоится, поверит.

— Когда мышь забывает о смерти, она начинает играть с кошкой, — заметил Ростан.

Вахшунварта сделал вид, что не слышал ехидного намека Ростана.

— Князь не думает о смерти, — тихо сказал Спитамен. — Его волнует другое — как лучше устроиться при новом царе.

— Я думаю о жене и дочери, в этом ты прав. И они, — Вахшунварта показал на тех, кто сидел за его спиной, — тоже думают о своих семьях, что остались заложниками у Александра.

Но Спитамен уже не слышал князя. Глаза его были закрыты, он снова впал в забытье...

— Спитамен, очнись! Спитамен! — тормошила мужа Гулрухсор. Спитамен с трудом открыл глаза.

— Мы перехватили гонца из Мараканды.

Спитамен некоторое время непонимающе смотрел на жену, поморщился от боли, шевельнув раненой рукой.

— И что интересного он рассказал? — вдруг его глаза засветились от радостного предчувствия. — Он умер?

— Кто умер?

Гулрухсор секунду раздумывала, потом махнула рукой:

— Ах, ты об Александре!.. Нет, другое.

Спитамен сник, вздохнул тяжело.

— Скажи, я говорила тебе: «нельзя верить этой хитрой лисе — Вахшунварте»?

— Опять ты за свое!

— Говорила, скажи?.. Говорила, а ты не верил! — кусала губы Гулрухсор. — Не верил, так получай!

— Ну что там случилось, объясни толком!

— Александр женится на дочери Вахшунварты!

— Рохшанак?

Спитамен резко приподнялся на локтях, не чувствуя боли и не замечая, как тут же набухла кровью повязка на боку.

— Теперь ее зовут Роксана! — глаза Гулрухсор недобро сузились. — Великий царь подарил ей титул царицы Согды и Бактрии.

— А Вахшунварта? — во рту его пересохло, стало трудно говорить. — Знает об этом князь?

— Знает.

— Где он? — поймал жену за руку Спитамен. — Позови его ко мне! Немедленно!

— Кого позвать? — словно издеваясь над ним, спросила Гулрухсор.

Спитамен понял, что она недосказывала. Со стоном упал на спину.

— Он исчез ночью... вместе со своими людьми. Ты этого не ждал? Неужели это новость для тебя?

Она испытывала непонятное ей самой наслаждение, причиняя боль Спитамену.

А Спитамен все не верил, пытался соединить в своем сознании события последних месяцев, разговоры, которые вел с ним старый князь, пробовал найти оправдание бегству и не мог.

— Значит, и Вахшунварта бежал! — кусал губы Спитамен. — Зачем? Куда он бежал?

— Ты все еще не понял, куда и зачем он бежал!

— Догнать! Догнать всех!

Спитамен рывком вскочил на ноги, но тут же упал, обливаясь кровью, которая хлынула из открывшихся ран. Гулрухсор кинулась к мужу, уложила в постель.

— Бегут! Все бегут! — шептал Спитамен сквозь слезы. — Скоро мы останемся совсем одни, к чему же тогда все, Гулрухсор? Объясни, может, я что-то не

понимаю? Скажи мне, почему люди отказываются от свободы и бегут к тому, кто держит в руках кнут?.. Почему?

— Ты еще не все знаешь, о Спитамен! Александр белел объявить во всех городах и селениях, что помилует каждого, кто сам, своей волей придет к нему с повинной. И на раздумье он дал две недели. Последний срок. Две недели его солдатам приказано не трогать никого из согдийцев, кого они встретят на дорогах или в степи с оружием в руках. Две недели прощения всех прошлых грехов и мира в честь свадьбы с дочерью Вахшунварты. И люди поверили царю, особенно после того, когда он объявил о своей женитьбе на Роксане. Род Вахшунварты знают все согдийцы, и что дочь его становится женой царя царей вселило в их сердца надежду.

— Надежду на что?!

— На окончание бесполезной войны, на то, что страной будет править не кто-нибудь, а родная кровь Согды. И выбирать не приходится. Потом их ждет война! Беспощадная война, в которой победитель известен, и они, приняв ее, не вправе были бы ждать милости от царя.

Спитамен лежал не двигаясь.

— Люди устали, им хочется мира, хочется отдохнуть от крови. И очень скоро ты останешься действительно один, потому что они истосковались по земле.

— Которую топчут враги.

— Да, но это земля наша, на ней стоят наши дома, горит огонь в очагах.

— Ты красиво говоришь, жена, — усмехнулся Спитамен. — Ты очень красиво говоришь!

— Спитамен, — выпрямилась Гулрухсор. — Я тоже устала! Устала от всего: от крови, от постоянной гонки — то мы, то нас, то мы, то нас! Сколько это

может продолжаться, ведь я живой человек, женщина.

— Ты это вспомнила, когда услышала обещания македонского царя?

— Нет, Спитамен! Ты прекрасно знаешь, наши с тобой судьбы неразделимы, где ты, там и я!.. Но мне труднее и труднее просыпаться по утрам, думать, что же ждет нас через час. Я не могу быть уверена в завтрашнем дне, а так жить невозможно! Давай уедем куда-нибудь, скроемся, где нас не достанут солдаты Александра!

— А Вахшунварта?

Гулрухсор отпрянула от мужа.

— Ты думаешь, он... отец жены великого Александра, отец царицы Согды и Бактрии смирится с тем, что где-то бродит Спитамен, который может предъявить ему счет?

Гулрухсор подавленно молчала.

— Нет! Я родился на этой земле и умру здесь! И врагам долго еще придется гоняться за моей тенью.

— Спитамен, подумай еще раз... нам нельзя здесь оставаться! — вскричала Гулрухсор, обнимая мужа.

— Мне нечего думать, — устало обронил Спитамен, снова теряя силы. — Оставь меня, прошу...

— Спитамен!

— Если ты хочешь — уходи! — вдруг вырвалось у него против воли. — Я не держу тебя, ты свободна.

Гулрухсор резко подняла голову, испуганно взглянула в лицо мужу:

— Куда я уйду от тебя? Куда?! Спитамен, милый муж мой, что ты говоришь!..

Она обнимала его, целовала, но чувствовала, что он глух к ее словам. Тело его горело, и когда она снова заглянула ему в лицо, то поняла — он потерял сознание. Только губы его — сухие, горячие — шептали что-то в бреду...

Одной из первых школ, которые готовили солдат для Александра, руководил князь Вахшунварта. Это было длинное здание типа греческих гимназий. Вахшунварта заметно прибавил в весе, исчезла нервозность в его движениях. Ранняя весна пришла в город, и сады, окружавшие школу, подернулись нежной белой пеленой цветущих яблонь и персиков.

— Я не могу нарадоваться, глядя на твою школу, князь, — говорил Александр, обходя просторные классы, где будущие солдаты учились всем военным премудростям: стрельбе из лука, метанию копья, владению мечом. Занимались в школе и борьбой, кулачными боями, бегом.

— Ты хорошо понял мою мысль, — Александр был действительно приятно обрадован. — Школа прекрасная, вряд ли какая из тех, что я видел раньше, может сравниться с этой. Да что и говорить, твоя школа может поспорить и с лучшими из лучших в Элладе.

— Две тысячи юношей из самых лучших семей Согды и Бактрии уже завтра могут занять место в твоей армии, Великий царь, — с гордостью отвечал Вахшунварта.

— Вижу, князь, — будто ощупывая цепким взглядом рослых парней, занятых физическими упражнениями, говорил царь. — Хорошее пополнение ты мне подготовил.

Он остановился, наблюдая за группой учеников, которые отрабатывали удары короткими греческими мечами.

— Если только ученики соответствуют школе, — заметил он.

— Можешь не сомневаться, царь, — самодовольно заявил Вахшунварта. — Мои мальчики ни в чем не уступят даже твоим ветеранам.

— Посмотрим.

Александр выбрал наиболее достойного, на его взгляд, парня, из тех, что дрались на мечак, подзывал к себе.

— Ну, теперь попробуй со мной.

Александр сунул ему в руки свой мяч, а сам взял учебный, из крепкого дерева.

— Начнем?

Юноша растерялся.

— Или боишься? — засмеялся Александр и тут же, сделав ложный выпад, нанес удар снизу вверх, как бы стараясь подрубить противника под ребра.

Юноша легко отбил удар, но снова остановился в нерешительности.

— Нападай же! — подстегнул его царь, снова нанося удар, свой излюбленный.

И вновь удар был парирован. Юноша сделал шаг в сторону, и сам перешел в наступление, нанес удар, еще, потом еще, в свою очередь, ловко увертываясь от ответных выпадов умелого воина.

Наконец Александр сумел, сделав обманный финт, сильным ударом снизу вверх, выбить меч из еще неокрепших пальцев молодого согдийца.

— А ты ничего! — вытирая пот со лба, сказал царь и похлопал его по плечу. — Молодец!.. Мечом ты владеешь неплохо. Посмотрим, так ли хорошо ты стреляешь из лука.

Он приказал подать юноше лук.

— Как тебя зовут?

— Манон, — ответил юноша, проверяя, как натянута тетива.

— Выдержишь и это испытание, Манон, быть тебе командиром сотни в моей армии. А сотню наберешь сам, из своих товарищей. Согласен?

И, не дожидаясь ответа, Александр взял небольшой деревянный щит, обтянутый воловьей кожей, и встал рядом с мишенями:

— Попадешь сюда, — он указал середину щита. — Считай себя командиром сотни. Стреляй!

Юноша оглянулся на князя. Он не мог понять — серьезно царь говорит или шутит.

— Стреляй, ну! — крикнул Александр, закрывая щитом часть лица.

— Мой царь, — вступился за юношу князь. — Мишеней у нас достаточно.

— Поверь на слово, о Александр, — поддержал его учитель-грек из ветеранов, которые стали воспитателями в школе. — Манон один из лучших учеников школы, и ты зря...

— Стреляй! — снова приказал царь.

Юноша поднял лук и тут же снова опустил его. Руки Манона дрожали, он смотрел на них, как на что-то чуждое его природе, но ничего поделать с ними не мог.

— Великий царь, зачем мучить мальчика?

— Ты говорил, что они мне заменят моих ветеранов, князь! — сверкнул глазами Александр, и Вахшунварта замолчал, положившись на бога.

— Вот не думал, что ты окажешься таким трусом, — раздраженно сказал Александр, теряя терпение. Но не успел он опустить щит, как в самую середину его впиалась тонкая камышовая стрела.

— Ух! — раздался облегченный вздох и учителей, и учеников школы.

Александр повернул к себе щит лицевой стороной, улыбнулся, вытащил камышину с бронзовым наконечником, поднял над головой:

— Вахшунварта! Я думаю, Манон достоин досрочного выпуска из школы?

— Я тоже так думаю, — согласился князь, переводя дыхание и мысленно благодаря богов за то, что они направили стрелу Манона прямо в цель, а не ниже или выше.

— Пойдешь со мной в Индию? — спросил Александр, возвращая стрелу юноше.

— Пойду, — выдохнул Манон, пожирая глазами величайшего воина всех времен и народов.

И не только он, вся школа готова была пойти за царем хоть на край света...

37

Несколько измученных всадников перевалили высокий бархан. Перед глазами лежала потрескавшаяся от жажды земля. Гулрухсор придержала усталого коня, огляделась:

— Отдохнем здесь.

Один из спутников посмотрел на небо, покачал головой:

— Нельзя отдыхать. Буран надвигается.

— Ничего не поделаешь, — Гулрухсор слезла с коня, расстелила на земле несколько овечьих шкур. — И кони не выдержат. Им тоже надо отдохнуть.

Она махнула Ростану:

— Помоги мне.

Вдвоем с Ростаном они осторожно сняли с лошади Спитамена, который был в беспамятстве, уложили на мягкую шкуру.

— Воду надо искать, — сказал второй, в одежде скифа. — Иначе и нам, и лошадям конец.

— Без воды нельзя, но что же нам делать? — вздохнул первый. — Буран идет, сильный буран. Будем искать, не успеем.

— Поставим шатер здесь, — сказала Гулрухсор. — А ты и Ростан поищите воду. Где-то должен же быть колодец.

— Должен быть, — согласился первый спутник.

— Вот и найдите. Вода для нас — жизнь.

— А я думаю, нам нельзя расставаться, — за-

протестовал Ростан. — Или вместе переждем буран, или едем дальше, пока не найдем воду.

— Если ты трусишь, то оставайся! — презрительно бросила Гулрухсор. Я сама поеду.

— Я не трус! — воскликнул обиженно Ростан.

— Тогда делай, что тебе говорят, — приказала Гулрухсор, натягивая шатер над Спитаменом.

Тревожно было на душе Ростана, но он подчинился. Кивнув товарищу, с которым они должны были отправиться на поиски воды, он привязал к своему седлу два больших пустых бурдюка.

Надвигалась ночь, задул робкий ветерок, предвестник надвигающегося бурана. Нужно было торопиться...

Буран обрушился как-то вдруг, неожиданно. Задул с такой силой, будто хотел только одного — во что бы то ни стало снести шатер, который встал на его пути.

Гулрухсор смотрела на забывшегося в коротком сне Спитамена, и тяжело было у нее на сердце. Лекарь-отшельник, осмотрев больного, только развел руками: «Ничем не могу помочь, дочка. Смотри сама, рана на боку загноилась, мясо мертвое заразило здоровую кровь. Не жилец он на этом свете, но пока душа его покинет тело, жизнь для твоего мужа будет только мучением, очень будет мучиться он...»

И вот перед ней лежал тот, кто был ее мужем, внушал страх солдатам Александра, а теперь вот уже несколько дней никого не узнавал, кричал в бреду и был бессильнее маленького ребенка. Гулрухсор смотрела на любимое лицо, и страшное решение зрело в ее воспаленном мозгу.

— Спитамен, — позвала она. — Спитамен, ты меня слышишь?

Он шевельнулся, тяжело захрипел, начал бормо-

тять что-то непонятное. Гулрухсор провела рукой по пылающему жаром лбу, дотронулась до потрескавшихся губ:

— Я клялась тебе, дорогой: никто не закроет твоих глаз, если настанет такая минута. Это сделаю я, твоя жена, твой друг, твой верный соратник!

Прости меня, мой муж, мой единственный, любимый! Но я должна это сделать ради тебя! — она, рыдая, упала ему на грудь. — Ты тоже так поступил бы, я знаю! Разве хотелось бы тебе видеть, как над телом жены надругались враги? Пусть лучше ты исчезнешь, никто не должен знать, что тебя нет! Пусть враг всегда думает, что ты где-то рядом, пусть дрожит от страха по ночам! Прощай, милый Спитамен!

Она подняла мокрое от слез лицо, вынула из узелка маленький флакон с алой жидкостью, оглянулась на дремавшего согдийца и влила содержимое флакона в приоткрытый рот мужа.

Тело Спитамена дернулось, задрожало, будто сопротивляясь действию яда, выгнулось дугой и, обмякнув, застыло.

Все было кончено. Душа покинула измученное тело неукротимого согдийца. Гулрухсор замерла на некоторое время, вглядываясь в родные черты, поцеловала холодеющие губы и прилегла рядом...

38

— Они должны быть где-то здесь! — кричал Ростан своему спутнику.

Обвязавшись веревкой, чтобы не потерять друг друга во тьме, они шли вперед, преодолевая сопротивление сильного ветра. Песок забивал глаза, рот, уши, но они шли, падали, поднимались и снова падали, чтобы встать.

— Эге-ге-эй! — кричал Ростан. — Гул-рух-у-со-ор!
— О-го-го-го-го-о! — шел впереди его старший товарищ.

Буран стих. Обессиленный Ростан вскарабкался на гребень бархана, замер, вглядываясь в стороны.

— Ну что? — спросил снизу пожилой согдиец.

— Не вижу! — с трудом сдерживая слезы, показывал головой Ростан. — Ничего не вижу.

— Может, они не дождались нас и решили охоть дальше?

— Нет, у них не было ни глотка воды, — тихо ответил Ростан. — Надо искать. Искать, искать, искать!

— Будем искать! — согласился согдиец.

— Спи-та-а-мен! — сложив ладони у своего рта, закричал Ростан. — Э-ге-гег-гег-ге-эй!..

39

Гулко стучали по мраморному полу нового царского дворца тяжелые каблуки стражников. Глаза Гулрухсор равнодушно скользнули по стенам, расписанным фресками из жизни олимпийских богов.

Часовые распахнули тяжелые высокие двери.

Гулрухсор узнала царя сразу, хотя никогда не видела его. Александр и Птолемей стояли у недавно привезенной из Греции статуи Нике и вполголоса обсуждали поразительную жизненную силу, которую скульптор сумел передать в холодном мраморе.

— Ты посмотри, дорогой Птолемей, — говорил Александр. — Это не мертвый камень. Нике... совсем как живая. Так и кажется — она опустит руки и шагнет к тебе.

— Может, это и так, — засмеялся Птолемей. — Я простой солдат и в подобных тонкостях не разбираюсь.

Александр вздохнул укоризненно и только теперь, казалось, заметил Гулрухсор. Она стояла между двумя македонскими солдатами.

— Можете идти, — разрешил Александр, и отражники покинули зал. Птолемей с интересом разглядывал гордую женщину, с вызывающим высокомерием смотревшую на царя.

— Значит, ты и есть жена Спитамена?

Гулрухсор не ответила. Александр подошел к своему трону, сел удобно.

— Зачем ты убила его?

— Спитамен жив! — быстро откликнулась женщина, сверкнув на царя своими черными, горевшими ненавистью глазами.

— Он мертв, — снисходительно проговорил Александр. — И ты это знаешь лучше меня.

— Он жив, — упрямо повторила Гулрухсор. — Ты это почувствуешь очень скоро. Имя Спитамена еще долго будет наводить ужас на твоих солдат.

— Ты очень высоко ценишь его имя, если думаешь, что оно может наводить ужас на моих солдат. Как ты думаешь, Птолемей?

Птолемей понял его взгляд, вышел и вскоре вошел в зал, неся на подносе окровавленный обрубок человеческой руки, на среднем пальце которой горел рубиновым глазом фамильный перстень рода Спитаменов.

— Что ты на это скажешь?

Гулрухсор не могла отвести от подноса остановившегося взгляда.

— О, Спитамен! — вырвалось у нее против воли.

— Твой муж был мужественным человеком, я бы даже сказал — хорошим воином.

— Звезда этого воина закатилась, как только столкнулась с отблеском твоей, божественный Александр! — засмеялся Птолемей. — Если даже ты так высоко ценишь достоинства этого варвара.

— Спитамен жив! — закричала Гулрухсор. — Он жив, жив! И вы никогда не сможете поймать его.

— Ты права, теперь мы его не поймаем, — согласился царь. — Что и говорить, пока он был жив, я не мог чувствовать себя спокойно на этой земле. Он мне мешал, — говорил царь, впиваясь пронизательным взглядом в побледневшее лицо мужественно державшейся до последнего женщины. — И судьба твоей рукой убрала его с моего пути. Ты веришь в судьбу?

Гулрухсор боялась разжать зубы, чтобы новый стон не выдал врагам ее состояние.

— Твой соплеменник оказался хитрее тебя, — говорил Александр. — Он скрыто отрубил у мертвеца руку, когда вы закапывали тело в песках. Ты хочешь увидеть его?

— Нет! — выдохнула женщина с нескрываемым отвращением.

— Как же ты оставила в живых такого свидетеля? — спросил ее Птолемей.

Гулрухсор не ответила на его вопрос. Взор ее затуманился.

Не знала Гулрухсор, что в дырку, проткнутую копьем, следил за ней недобрый глаз единственного человека, кто оставался с ними. Ей казалось, что она услала скифа — то ли отказывало помраченное от горя сознание, то ли думала, что и он сбежит, оставив раненого вождя, потому что несчастье, как зараза, от него стараются держаться подальше...

— Твой поступок достоин вознаграждения, — скавал царь. — Чего бы ты хотела получить от меня?

— Смерть, — восторгалась женщина. — Прикажи казнить меня, царь!

— Ты хочешь умереть?

— Да.

— Зачем? — усмехнулся Александр. — Ты еще

совсем молода. Ты должна жить, должна родить наследника, который бы продолжил нить жизни дальше.

— Я не хочу жить, — крикнула Гулрухсор. — Прояви великодушие, Великий царь, дай мне умереть!

— Почему ты не умерла раньше, когда у тебя были для этого все возможности?

— Я... я не могла, — плечи ее сникли. — Прикажи казнить меня, о царь!

— Я выдам тебя замуж за моего лучшего солдата.

— Нет!

— И дети твои будут детьми грека.

— Нет, ты не сделаешь этого, о Александр! — испуганно всхлипнула Гулрухсор.

— Оксидор! — хлопнул в ладоши сын бога.

— Слушаю тебя, Великий царь!

Оксидор выскользнул из-за пурпурных занавесей, закрывавших потайные двери слева от трона царя.

— Позови мне...

Александр на какое-то время задумался, потом глянул на Гулрухсор, сказал твердо:

— Гаплета.

Птолемей удивленно посмотрел на царя, отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

— Гаплет — один из храбрейших моих воинов, — сказал Александр. — Ты достойна стать его женой...

Через некоторое время, громко топая огромными ножищами, в зал вошел Гаплет.

Даже сейчас, направляясь во дворец, к царю, он остался верен себе: громадный, тучный, в засаленной куртке из грубой кожи, с лопатообразными грязными ручищами. Гаплет был безобразен до отвращения.

Поговаривали, что и животные не выдерживают соседства с ним, начинают фыркать, брыкаться и кричать жалобно, такая вонь шла от немытого месяцами тела. Еще говорили, что это от того, будто он боится

снять пояс, в который зашивал награбленные драгоценные камни и золотые монеты.

— Слушаю тебя, царь! — проревел Гаплет, останавливаясь перед Александром. — Ты вызывал меня?

— Гаплет, — Александр отвернул лицо в сторону, чтобы не чувствовать резкого тошнотворного запаха, который шел от солдата. — Мы прошли вместе весь путь от Македонии до Согды.

— Это так, Александр, — захохотал Гаплет. — Славный поход, никогда раньше я такого не видел.

— Но ни разу я не слышал, чтобы ты что-нибудь попросил для себя... Почему?

— Я всем доволен, — пожал плечами Гаплет. — Что мне надо — всегда возьму сам. Зачем же тревожить тебя такими пустяками?

— Потому я и отношусь к тебе с большим уважением, — улыбнулся Александр. — И теперь сам решил выделить тебе достойную награду.

— Мне приятно, царь, — засмеялся Гаплет, — что ты вспомнил о простом солдате. Хотя, поверь, я никогда не был на тебя в обиде.

— Я хочу женить тебя, дорогой Гаплет.

Гулрухсор застыла на месте, боясь шевельнуться, с ненавистью смотрела на улыбающегося царя. Презрение, отвращение, боль, страх и стыд — все перемешалось на ее красивом лице.

— Э, нет! — завопил Гаплет. — Зачем мне жена?

— Не отказывайся преждевременно, Гаплет, — остановил его царь. — Посмотри сначала на невесту, а потом уже скажешь, что ты думаешь по поводу моего предложения.

Царь показал на побледневшую Гулрухсор.

— Ну как?.. Согласен ты жениться на ней?

Гаплет промычал что-то, облизнул толстые губы.

— Берешь ее? — подстегнул солдата царь. — Смотри, а то раздумую!

— Беру-у-у! — проревел Гаплет, сделав шаг к согдийке.

— Не-е-е-ет! — закричала Гулрухсор. Кинулась к царю, запуталась в просторном платье, упала на холодный мраморный пол и поползла вперед, к трону, плача и протягивая руки к Александру:

— Ты справедлив и милостив, царь! Ты не посмеешь! Лучше убей, молю тебя, убей меня! — она забилась головою о пол.

— Забирай ее, ну! — приказал царь Гаплету и отвернулся, обращаясь к Птолемею. — Так о чем мы с тобой говорили, дорогой Птолемей?

— О чем говорили?

Даже Птолемей не ожидал такой развязки, смотрел на царя с каким-то не то страхом, не то с одобрением.

— Ну, ну, красавица! Не брыкайся, чтобы я случайно не поломал твои нежные косточки, — хохотал Гаплет. Он подхватил ее с пола и понес к выходу, не обращая внимания на крики и отчаянные попытки вырваться из объятий македонца.

40

Журчит вода, переливаясь через огромный валун, перегородивший поток посередине реки. Старатели работают молча, хмурые, измученные лица их не выражают ничего, кроме усталости. Они вытаскивают из воды бараньи шкуры, осторожно выбирают из шерсти крупинки золота и снова лезут в реку. Время от времени к ним подходят надсмотрщики, которые зорко следят за старателями, маленькими лопаточками сгребают золотой песок в специальные большие медные емкости. Работа монотонная, изнуряющая и неблагодарная, как и при прежних персидских царях.

— Пошевеливайся, эй! — надсмотрщик огрел

плетью замешкавшегося старателя. — Васнул ты там!

— А ну, живее, если вам дорога шкура! — кричал другой.

— Золото, всем нужно золото, будь оно проклято! — тихо заругался молодой согдиец, на спине которого еще не зажили свежие рубцы.

Он вытащил из воды шкуру, провел ладонью по мокрой шерсти:

— Не-е-ет, меня так просто не возьмешь! — шептал он, оглядываясь на ненавистных надсмотрщиков. — Убегу я!.. Пусть отвернется от меня всевидящая Анахит, если я здесь задержусь больше месяца.

— Молчи, безумный! — укоризненно покачал головой его сосед, ветхий старик. — Я тоже когда-то так думал, а посмотри, что от меня осталось?.. Видимо, состарился и умру на этой работе.

— Это мы еще посмотрим!.. Убегу и парочку их голов прихвачу на память! — кивнул согдиец на врагов, которые в это время собрались в кружок и осматривали содержимое емкостей.

— Царю теперь особенно много золота нужно.

— На Индию поход готовит, — вздохнул однорукий.

— Скорей бы! — затосковал третий, щелкая плетью. — Надоело мне это. Не могу спокойно видеть эти гнусные рожи! То ли дело — война!.. Эй, работай, чего задумался? — грозно окликнул он согдийца.

Он быстро пошел к группе старателей, которые присели на камни отдохнуть, заработал плетью.

— Молодой, горячий! — вздохнул старший надсмотрщик с добродушным лицом.

— Нечего церемониться, — заметил однорукий. — Меня тоже тошнит от одного вида этих ублюдков.

Он отошел было, но вернулся!

— Дай хоть одним глазом посмотреть на твой самородок.

— Отстань! — нахмурился старший.

— Так я же никому! — обиделся однорукий, возвращаясь к своим обязанностям. — Работать! А ну, работать, лодыри проклятые!..

41

Базарная площадь в Мараканде — самое оживленное место в городе. Каждый здесь занят своим делом: кто торгует, зазывая покупателей и расхваливая свой товар, кто покупает, отчаянно торгуясь и сбивая цену на товар.

Шум и гам, спор и крик.

Из толпы выныривает оборванец. Огляделся хвостом, подмигнул хорошенькой женщине, поднял бубен над головой, ударил несколько раз, привлекая внимание, и запел:

— Мне хорошо живется, — сказал мудрец.

Намного лучше, чем прежде.

Если раньше мне приходилось подтягивать штаны,

Теперь я отдыхаю, потому что и штанов у меня нет.

Оборванца окружила толпа. Смех подбадривал его:

— Давай!

— Давай еще!

И он запел, осмеивая богатых, призывая бедных вынуть заржавевшие мечи из ножен. Но тут на площади появились стражники. Они ринулись в толпу, ругаясь, размахивая мечами. Но весельчак-певец исчез так же быстро, как и появился.

А люди еще долго оставались на месте, вспоминая ядовитые куплеты и словно ожидая, что снова появит-

ся перед ними веселый оборванец и запоеет свою песню.

— Дорогу!

— Дорогу!

— Дорогу!

Вооруженные молодые солдаты из военной школы ринулись на зевак, разгоняя толпу ударами тяжелых плетей и освобождая дорогу.

Все понимали, что за богатыми парчовыми занавесками пряталась очень важная персона.

— Вахшунварта, — шепнул кто-то в толпе.

— Это Вахшунварта! — подхватили несколько голосов.

— Вахшунварта!

— Великий князь!

— Сам тесть великого царя вышел на прогулку! — заметил ядозито один из граждан со шрамом через все лицо.

— Правая рука царя!

— Лучше сказать — правая нога, которой он нас держит.

Вахшунварта отодвинул край занавески, сказал Олии, сидевшей напротив:

— Какой поразительной энергией обладает Александр: ведет войны, в промежутках строит города, и нет ему покоя.

— Он действительно — сын бога, — в тон ему заметила Олия.

— На земле он — Бог! — засмеялся Вахшунварта. — А я правая его рука...

42

И вновь пришла весна на землю Согды. Не успели отцвести подснежники на склонах гор, а Александр затеял поход на Индию.

Жарко горят костры, жарятся, чадя горелым жи-

ром, бараньи туши, вокруг которых сидят проголодавшиеся солдаты.

В стороне, у самого края лагеря, возле палатки сидит Гулрухсор. Она постарела, осунулась. И трудно узнать в этой женщине ту согдийку, которая была женой Спитамена, вела себя в бою не хуже иного мужчины.

Она не слышала крадущихся шагов за своей спиной, не видела тени, которая остановилась у ее костра.

— Гулрухсор.

— Ростан! — отшатнулась от него женщина и тут же зажала себе рот руками.

— Ты здесь? — она оглянулась боязливо. — Зачем?.. Это опасно!

Ростан стоял над ней с мечом в руках, как каменное изваяние, как вестник неумолимого Ахримана. Он пришел убить эту женщину, но почему-то медлил, с трудом узнавая знакомые черты когда-то прекрасного лица.

И она смотрела в глаза Ростану. Грустная улыбка скользнула по почерневшему лицу согдийки. Ростан повзрослел, вытянулся, стал настоящим мужчиной, и на его лице уже успела поставить свое клеймо беспокойная жизнь: горькие складки пролегли по краям губ, в глазах, в эту минуту холодных, неумолимых, исчез юношеский задор, в них теперь поселилась грусть, боль утраты.

— Вот мы и встретились, — наконец разжал губы Ростан.

— Ты пришел убить меня?

Гулрухсор сказала это без страха, скорее с каким-то тайным облегчением, даже с радостью. Она давно ждала этой встречи, готовилась к ней. Так много хотелось сказать перед смертью Ростану, в том, что придет именно он, она не сомневалась. И он пришел, сто-

ит перед ней грозный судья, а сказать нечего. Она вдруг, увидев глаза его, поняла, ничего не сможет объяснить ему. Да и зачем?

— Я готова.

— Где твой муж?

Гулрухсор вздрогнула.

— Где Спитамен? — крикнул Ростан.

— Здесь.

Ростан оглянулся, посмотрел по сторонам, не понимая ее.

— Здесь, — улыбнулась женщина. — Посмотри хорошенько вокруг: вот огонь, трава, воздух, звезды на небе, ветер, который дует тебе в лицо, когда ты скачешь на коне — все это Спитамен. Разве ты не слышишь его шепот? И ты... посмотри на себя, ты стал его частицей! Прислушайся к себе, и сразу узнаешь его голос. Спитамен живет в тебе, во мне. Люди знают, что Александр так и не смог поймать его, они верят, что он жив, что он где-то воюет, но скоро придет и на землю Согды, чтобы поднять священный меч войны против захватчиков...

— Ты убила его?

— Он жив! — повторила в забытии Гулрухсор и добавила, отворачиваясь от Ростана. — Он жив, а если ты не хочешь в это верить — уходи! Или убей меня, а потом уходи. Тебе нельзя долго оставаться, скоро придет Гаплет... это животное, даже тебе будет трудно с ним справиться.

Ростан поднял меч, размахнулся, но не ударил.

— Почему же ты медлишь? — Гулрухсор без страха смотрела на Ростана. — Боишься?

— Ростан, уходи! — крикнул из темноты юношеский голос.

— Безумный, убей меня!

— Сама подохнешь.

Ростан опустил меч.

— Стой! — схватила его за руку Гулрухсор, жадно всматриваясь в жесткие черты.

— Ростан, — снова позвал его тот же голос.

Он дернулся, но она крепко держала его за руку. Потом вздохнула и быстро надела на его палец перстень.

— Ну, вот, — плечи ее разом сникли. — Теперь иди.

— Перстень Спитамена?

— Ты продолжишь его дело, — сказала Гулрухсор. На какое-то мгновение ему показалось, что перед ним та же неутомимая Гулрухсор, которую он знал когда-то.

— Род Спитаменов будет жить в тебе.

— Ростан!

— Уходи, друзья ждут тебя.

В темноте раздались тяжелые шаги.

— Это он, — в страхе вскочила Гулрухсор, умоляюще взглянула на Ростана. — Уходи, он убьет тебя.

Ростан метнулся за палатку.

— Стой-ой! — заревел Гаплет, заметив бегущих. — Тревога!

— Тревога!

— Тревога! — подхватили его крик сотни могучих глоток.

Вспыхнули факелы в руках всполошившихся солдат. В погоню за беглецами устремились конные разъезды, но вскоре вернулись, потеряв надежду догнать.

А кони несли Ростана и его друзей к лощине, где поджидали своих товарищей согдийские юноши — такие же молодые, непримиримые. И отряд этот продолжал бешеную скачку все дальше, в горы — туда, где теперь был их дом, где горел огонь, поддерживаемый верными подругами, согласившимися разделить с ними нелегкую жизнь, их борьбу, их смерть.

ПОД НОГАМИ НАШИМИ...*

И шел по селам и городам человек; и был этот человек черноризник.

Год от года, весной и летом ходил, слушал, что делается на свете, а когда приближалась зима, возвращался в свой монастырь, уединялся в отдаленной келье и писал книгу. Летопись называли ее.

Проходил раз одно село, зашел во двор Степана, сына Лазаревого, золотых дел мастера.

Великая слава шла о том мастере, добился ее он умением своим, и покупали его работы у князя многие чужеземные купцы.

Погостил у Степана путник, и уже собрался идти дальше, как вдруг налетели на село вороги.

Никого не пожалели они — ни детей, ни женщин, ни старцев белобородых. И достала стрела поганая черноризника. Упал он на землю, и кровь его, как роса, траву обагрила. Видел он, как оборонялся молодой мастер, как окружили его со всех сторон, и пал он под ударами мечей поганных.

У монаха же рана оказалась легкой.

Очнулся он через некоторое время, подобрал обгорелую палку вместо посоха и пошел дальше от пепелища.

А когда возвращался в монастырь, встретил в бедной землянке отрока, который держал в руках браслет и углем срисовывал с него узоры.

И увидел черноризник внутри широкого бронзового браслета знак мастера Степана.

* Написано в соавторстве с Ольгой Ипатовой.

И про все, что видел, рассказал он игумену Пафнутию, прежде чем взяться за перо.

Но посмеялся над ним игумен, и пообещал, что ждет монаха кара, если не то, что требуется, что дозволено, будет записано в летописи.

И рассказал летописец про свары княжеские, и про сияние неведомого светила, и про гостей заморских.

А про мастера Степана не записал.

Вечером же, сидя в трапезной за миской овсяного киселя, испытал он сердцем великую тоску и, встав, говорил к братии:

— Шагаем мы по дорогам, и много костей человеческих под ногами нашими...

— Те, что прокладывали дороги, — что осталось от них? Одни кости, и те трухлеют и рассыпаются...

— Может, шли они, полные сил, и думали, что будут жить вечно, и что слава их достигнет небес...

— Обманулись — неужели напрасно шли? Вот, шагаем теперь мы, и вспоминаем их, и благодарны им, первым...

— Пускай мы, слабые духом, отступаем — что из этого?..

— Царства рассыплутся, ветер развеет в пыль каменные строения, а след, который прокладывают первые, останется...

— И если имя и образ их забудут люди — что из этого?..

1

СВЯТОСЛАВА

Лось, выслеженный со вчерашнего дня и почти загнанный, вдруг пропал, будто провалился сквозь землю. И хотя Рогволод, прищипорив коня, все еще неисто-

но гнал его меж высоченных сосен, раз-пораз пригибаясь, чтобы не выбила глаза какая-нибудь ветка, предчувствие удачи исчезло. Широкий лосиный круп, который мелькал в молодом сосняке, больше не показывался.

Рогволод резко натянул поводья и остановил коня, который тяжело дышал в азарте погони, кусал железную уздечку и капал на землю кровавой пеной.

Не слышно было ни хриплого лая гончих собак, ни выкриков загонщиков. Сосны, окруженные поблеклыми кронами осин и берез, кустами диких ягод, малиником, мерно покачивались, и там, вверху, беспрестанно тихо гудело, словно и вправду жило там что-то живое, могучее...

Дружинники отстали от княжича, и он оказался один в этом лесу.

День был пасмурный, ветряной, но тут царило непонятное затишье. Чем-то нехорошим тронуло душу. Княжич направил коня вперед, туда, где местность уходила в низину, выбрался из бору, приподнялся в стремени.

До самого небосклона ни хаты, ни поселения какого. Не хватало ему заблудиться да заночевать тут!..

Рогволод вынул из седельной сумки рог. Могучий поклич всколыхнул недра: с деревьев порхнули пташки, нечто огненно-рыжее мелькнуло в кустах, сильнее задрожали листья осины.

Ни ответа не было. Далеко от своих оторвался княжич, далеко завела его погоня!

Утомившись, он опустил руку, проехал еще — и неожиданно увидел человеческую фигуру. Это оказалась невысокая круглолицая дивчина в душегрейке, накинутаой на грубую рубашку, подол которой был сильно заляпан грязью. Дивчина держала в руках лубянку с клюквой, лапти ее были в болотной тине. Дершевый металлический обруч на голове блестел между

поздними осенними цветами. В облике ее не было ничего особенного, если бы не колчан со стрелами на боку.

Колчан этот был украшен костяной накладкой такой прекрасной работы, который бы больше пристал ему, наследнику князя, а не простолюдинке. Из-за плеча ее торчал лук, и это напомнило княжичу историю про какую-то поганскую языческую богиню, которая затравила собаками юношу, увидевшего ее во время купания.

Историю эту рассказал княжичу веселый гость, приезжавший из Царьграда менять тканины, сосуды и благовония на лен и воск.

Рогволод усмехнулся своему сравнению.

— Эй, ты! Далеко ли отсюда до города?

Девушка улыбнулась приветливо.

— Княжичу надо повернуться лицом к солнцу и ехать так, чтобы глядело оно весь час ему в затылок.

Она обвела рукой полукруг, показывая, как ему надо ехать, и он поневоле заметил, какой стройный у нее стан. Ему захотелось еще поговорить с ней, но она уже отвернулась, собираясь идти своей дорогой.

Равнодушие ее невольно поразило и покорило молодого Рогволода. Он нахмурился:

— Постой!

Девушка обернула к нему свои чистые глаза.

— Ты почему не поклонилась? — спросил он как можно строже. — Не видишь, кто перед тобой?

— Вижу.

— Я тебе говорю, на колени!

— Я — не рабыня твоя, княжич! — ответила девушка, сверкнув глазами.

Гнев ударил княжичу в голову. Рванул коня и замахнулся тяжелой плетью, но замер, встретившись с ее взглядом.

Девушка не испугалась, не отшатнулась от него,

только на какое-то мгновение сузились слегка ее глаза — светлые, цвета чистого голубого неба на загорелом открытом лице.

— Пригожая! Не сравнить с невестой — Васильковной, дочкой соседнего князя!

Княжич облизнул пересохшие губы, спросил, чтобы нарушить тягостное молчание:

— Как кличут тебя отец с матерью, девушка?!

— Святослава, княжич.

Голос ее проавучал спокойно, ни капли волнения или испуга не уловил в нем княжич.

— Почему же имя тебе дали такое, мужчин которым кличут?

— Сына очень ждал батька мой, — улыбнулась Святослава.

И сразу переменялось в ней будто что-то, словно не впервые увидела перед собой княжича, и раньше ей приходилось говаривать с ним. И будто невидимая ниточка протянулась между ними.

— Не хотел он смириться с тем, что дивчина у него родилась.

Она замолчала, вопросительно глядя на Рогволода.

«Что еще спросишь? Спрашивай», — словно говорили ее глаза.

Но не знал княжич, о чем еще говорить с девушкой. Был он еще совсем юным, а она, хотя и казалась одного с ним возраста, держала себя так, будто говорила с мальцом. Несмышленным, капризным. И до того она отличалась от боярских дочерей, с которыми ему приходилось встречаться, что делались такими неуклюжими при встречах с ним, краснели от одного его взгляда, холопок, которые будто оседали, становились ниже ростом, когда проходили мимо него.

Он и не заметил, что едет следом за Святославой.

— Не боишься одна в лесу?

— Так разве одна я, княжич? — коротко взглянула она на него и повела плечом, за которым висел лук. — Вот мой друг и защитник.

Святослава вдруг остановилась, только сейчас заметив, что Рогволод, как привязанный, едет следом за ней. «Однако, быть беде, достанется мне от деда. Беспокоится, верно, обо мне!..»

Она так быстро и неожиданно нырнула в березник, который рос возле тропинки, что он не успел остановить ее и, растерянный, долго стоял на месте...

Добрался до дому княжич к ночи. Палаты князя были ярко освещены, челядь и гридники с горящими факелами бегали по двору. Во все стороны были уже отправлены дружинники с наказом искать княжича. Радостные крики прогремели по дороге. Не обращая ни на кого внимания, утомленный долгими блужданиями по лесу, Рогволод слез с коня, прошел в светлицу, и, не раздеваясь, кинулся на полати.

Проснулся он поздно, и сразу вспомнилась ему встреча в лесу, разговор с девушкой, ее внезапное исчезновение. И как только возник перед ним ее образ, как только вспомнилось ее имя, вспомнилась и обида на Святославу. Захотелось немедленно увидеть ее, чтоб склонилась она перед ним в низком поклоне, чтобы молила, просила его — и неважно, о чем просила и молила, лишь бы так оно было...

И через неделю, взяв с собой дружинника Медведя, княжич поехал в лес. Медведь, как выяснилось, хорошо знал старца Нежилу, который часто приходил на княжий двор с изделиями своей внучки. А жила она, как выведал княжич у Медведя, вдвоем с дедом: мать померла при родах, а отца ее, охотника, загрызла медведица, — в самой глуши леса, где, кроме их хаты, в округе на много верст не было ничего.

Вспомнил Медведь речушку, на берегу которой стояла хата Нежилы. Долго искали они это место, и

уже разуверились было найти жилище охотника, решились возвращаться, как увидели маленькую, словно сгорбленную от времени хатенку.

Рогволод решительно рванул на себя дверь.

Сначала он ничего не мог разглядеть, но постепенно глаза привыкли к темноте. Рогволод увидел низкую печь, сложенную из речных камней, которую паляли по-черному, грубо рубленый деревянный топчан, прикрытый тяжелой овчиной.

— Есть здесь кто? — крикнул в темноту Рогволод.

— Есть, — раздался в ответ тихий девичий голос.

И тут княжич увидел Святославу. Справа от кровати, в углу, на березовом кругляке сидела она, глядя на непрошенных гостей. На ней была та же суконая рубаха, на плечи наброшена вольно душегрейка, только на голове вместо налобника — узкий вышитый пояс. Из-под посконины виднелись босые ноги. На коленях она держала раскидистые лосиные рога. Перед ней, на лаве, дымилась варевом ендова, в которой лежало несколько срезанных рогатин. Тут же лежали лучковый буравчик с кожаной тетивой, железный циркуль, несколько каменных резцов — орудия резчика. Напротив печи, под божницей, на широком дубовом пне лежали уже готовые изделия: гребешки с резными спинками, черенки, красивые пуговицы, накладки, Дажбог, резанный из полешка. Рогволод даже содрогнулся — такой грозной и упрямой силой повеяло на него от широко расставленных глаз божества.

Отгоняя робость, Рогволод властно махнул рукой, и Медведь выскочил за двери, оставив его наедине с хозяйкой.

— К тебе приехал... за тобой... взять хочу тебя во двор к себе, — и уже смелей закончил. — Любить буду, и обидеть тебя никто не посмеет...

Она молчала, глядела ему в лицо, словно искала в

чем что-то. Наконец ответила тихо, как бы раздумывая:

— Как жену — не возьмешь меня!.. Как рабыню — я не желаю.

Не помня себя, схватился было княжич за саблю, намычал, пригнул голову, словно для тарана, крунулся на месте и бросился к двери.

...На следующее утро, едва тронуло солнце верхушки столетних сосен, в бор, где стояла хатенка лесничего, нагрянули княжеские дружинники.

Тяжелые удары сорвали дверь с петель. Медведь первым кинулся в хату. От сильного толчка Нежила отлетел в сторону, и, падая, ударился головой об острый угол печи. В последнем всплеске света успел заметить, как несколько человек навалились на кровать, где спала Святослава, как сбросили ее на пол и потащили к двери...

— Деда! Де-е-е-да-а! — взвился над деревьями крик ее и заглох.

Бесчувственное тело девушки укутали в полону, бросили поперек седла, и через минуту в лесу снова стало тихо, будто ничего не произошло. Только испуганная белка глядела сверху на широко распахнутую дверь, на втоптаные в землю резные украшения, безжизненное тело старого Нежилы с нелепо закинутой головой и растрепанными сединами...

Потянулись дни, месяцы — нескончаемые, однообразные. Дом, в котором жила Святослава с тех пор, как оказалась в плену у молодого княжича, стоял в глубине княжеского двора, справа от главных палат, рядом с пристройками, в которых ютилась вся прислуга: дворовые девки, холопы, ключницы. И это было облегчением для наложницы: ей не докучали любопытными вопросами, скрыта она была от брезгливых глаз старого князя. Теперь на ней был золотой налобник, с которого на виски падали подвески-лунницы,

сверкавшие на солнце ярко-красными эмалевыми крупинками. Бусы из желтых драгоценных камней обвивали загорелую шею, золотые браслеты в виде змеек тонко позвякивали на запястьях.

Княжич, казалось, не мог жить без нее. Что ни вечер, приходил он к Святославе, приносил с собой множество красивых вещей, одаривал ее прислугу, всеми силами старался вызвать на лице пленницы улыбку, услышать ее голос, смех. Он был с нею то груб и жесток, то безмерно нежен и ласков, и Святослава тогда подпадала на время под власть молодого князя...

Но с восходом солнца покидал княжич ее горницу, и пусто становилось в доме, неимоверной тяжестью обрушивалась на Святославу тоска, холод охватывал душу, вновь пленницей ощущала она себя. Обхватив голову руками, падала на распластанную на полу медвежьей шкуру, глуша крик, тоску, боль в густой, пахнувшей лесом, землей и еще чем-то дорогим шерсти.

Там, в прежней жизни, осталась хата посреди бора, речушка, протекавшая мимо окна, из которого Святослава вылезала, чтобы искупаться в прозрачной лесной воде. Хотелось хоть на день, на час оказаться в тех местах, где чувствовала себя свободной.

Святослава глядела на свои руки, словно на чужие. Они стали нежные, мягкие, вялые, будто никогда не знали простой работы, не натягивали тетивы лука, не снимали шкуры с убитого зверя. И — не прикасались к резцу... Вот оно, то главное, что не дает ее душе уснуть в ленивой истоме княжеских палат, что не дает забыться в жарких руках Рогволода! Упорные, грозные глаза Дажбога приходят в ночи, зажигают кровь неведомой тоской. Глаза вдруг проступают из коры обветшало́го дуба: змеинная головка выглядывает из сплетения корней, узоры тающего льда; хитро щурился леший из куска черной коры, танцует, перебирая тонкими стройными ногами, лесная богиня...

Пробовала было Святослава заняться любимым делом — княжич узнал про то от дворовой девки, и просто пришел, запретил заикаться о подобном: постыдным считал, чтоб его любимая занималась черной работой. Хотелось ему одному владеть ее желаниями и мыслями, потому ревновал ко всему, что могло соперничать с его любовью. Рог только охотничий успела украсить Святослава дивным узором...

Слуги следили за каждым ее шагом, единственное, что оставалось для них скрытным, что они были бессильны узнать, — это ее мысли...

Решение созревало медленно, почти помимо ее воли, где-то глубоко-глубоко внутри, но, когда вдруг она поняла, как достичь нужного, — ожила разом, повеселела, словно осветилась каким-то внутренним светом, даже пела песни, говорила со слугами. Рогволод, видя такое, успокоился: подумал — привыкла.

Но однажды на рассвете он проснулся один. Открыл глаза, по привычке ощущал ложе рядом с собой — никого. Вскочил с постели.

— Святослава! — позвал княжич, молчание было ему ответом. Зверем зарычал он, бешеным вихрем выскочил во двор. На крик его уже бежали со всех сторон заспанные дружинники.

— До-о-гна-а-ать! При-и-ивезти-ии! — кричал на конников расвирипевший княжич. — Ж-и-и-во-о-й или ме-е-о-ортво-о-ой!..

Лучшего, опытнейшего вожака гончей стаи привели к Рогволоду.

— Ну, Сокол! — ткнул он в морду умному псу скомканный льняной платок Святославы. — Ищи!..

Ветер свистел в ушах Рогволода.

— Вперед, вперед, вперед! — подгонял он собак и дружинников.

След беглянки вел вдоль Двины, по берегу. И понял княжич, где найдет Святославу, понял, куда при-

ведет след. Там, за холмом, рядом с молодым березовым бором есть мост, по которому, если перейти, попадешь в небольшое селение. Жители его на всю округу славилась своим умельством. Жила там тетка Святославы, единственная оставшаяся в живых из всей родни, об этом сама как-то рассказала княжичу...

Засечь, затравить, распять на воротах!

То же дикое, мстительное чувство, что и тогда, в хате, когда он предложил Святославе ехать с ним, гнало сейчас вперед, на поиски. И он увидел ее. Шла она спокойно, неторопливо, видимо, стала уже ощущать себя в безопасности. И вдруг услышала сзади сиплый лай, конский топот, повернулась к княжичу побелевшим лицом и застыла, глядя на преследователей немигающими глазами.

И прежде чем обезумевший от ярости и обиды Рогволод отстегнул цепь, которая сдерживала заливающихся иступленным лаем собак, Святослава, страшно вскрикнув, кинулась с обрыва в пустоту.

Распластанное в полете тело с заломленными в отчаяньи руками мелькнуло яркой вспышкой в воспаленном сознании Рогволода, потом раздался всплеск. Бурливая река закружила, потащила вглубь молодое сильное тело... Она еще пробовала бороться с течением, пыталась выбраться из водоворота, удержаться на поверхности... Потом раздался крик... Еще крик... — и снова стало тихо, разгладились воды, принимая свой обманчиво спокойный вид, и словно не было никогда на свете Святославы, сердца, богатого и чуткого к красоте, рук ее умелых и проворных...

...Васильковна, жена Рогволода, украдкой сняла со стены мужнин рог, украшенный руками соперницы, боязливо посмотрела на дверь, словно вот-вот должен был войти Рогволод, хотя знала: нет его, неделя, как рыщет в лесу, гоняя и зверей, и людей, только прыскачет кто-то из грядней, успокоит старого князя, на-

берет припасов и снова в лес. И неизвестно, когда поротится князь домой!..

Лицо княгини исказилось. С дурной бабьей обидой швырнула она на пол рог, схватила прислоненную к стене секиру и с силой начала рубить.

Минули годы.

Равнодушная земля приняла в себя и старого князя, и Рогволода, и его жену, и семя их до седьмого колена. Никого не осталось из рода их...

Остался Дажбог — вечный, нерушимый, как память людская. Тайнственным, все помнящим и понимающим взглядом глядит он на сменяющихся своих хозяев. Все помнит он, и особенно ту, первую, чьи руки дали ему жизнь. Молчит Дажбог, но говорит его присутствие — про тех, кто ходил прежде по земле, по тем дорогам, которыми теперь идем мы, про тех, чья кровь пульсирует в нас воспоминанием и напоминанием...

2

ПЕСНИ МОЕЙ МАТЕРИ

— Вот о чем мне хотелось бы рассказать, если бы, конечно, я надумал рассказывать о себе. Но кого интересует жизнь старого, изможденного органиста, который, кашляя и задыхаясь, плетется по виленским улицам, останавливаясь чуть ли не на каждом шагу, чтобы глотнуть воздуха. Дома в последние годы словно все шире раздвигают плечи, и я боюсь проходить мимо: а вдруг они сожмут, раздавят меня, чтобы я не осквернял этих вельможных улиц своим жалким телом.

Конечно, я мог бы жить при костеле, как жил раньше, почти всю жизнь, если бы... если бы не случилось такое... если бы не закралось в душу нечто та-

кое... тайное, чего никто не должен был знать, о чем и так старательно умалчивал, оберегая от всех так, как берегут люди самое сокровенное... что дороже жизни... Да, стоило костельному деду вызнать, из-за чего покинул я свой покойчик и перебрался на окраину Вильны, — и он, испытывая истинное наслаждение доносчика, передал бы мой секрет настоятелю, и тот немедля вызвал бы меня к себе, стал бы усовещивать, пряча досаду за своей постоянной мягкой усмешкой и приговаривая: «Ах, пан Улашчаковский, пан Улашчаковский!»... И я стоял бы перед ним с опущенной головой, чувствуя себя маленьким несмышленышем, которого отчитывает разумный человек. И, злясь на себя, соглашался бы с настоятелем, и даже пробовал бы оправдаться...

О нет, нет!

Что из того, что и теперь он смотрит на меня с какой-то притаенной жалостью — обойтись без меня ему было бы тяжело, как-никак лучшего органиста не найдешь в городе, да и кто не знает, что многих панов и пани (а среди них есть и такие, кто служит при дворе его величества короля) сделал нашими прихожанами и щедрыми меценатами мой талант? Сколько раз после службы они со слезами на глазах ждали меня у хоров, благодарили и одаривали щедро, а я отдавал подарки служителям костела...

А потом, встречаясь в городе, не замечали меня. И, если я кланялся карете, в которой сидела пышная, величавая пани Пшыбыльская, или тонкая, вся в бархате и драгоценностях, пани Вольская, или маленькая, похожая на кудрявую болонку, пани Юзафович — они удивленно смотрели сквозь меня, словно я какой-то призрак или туман, на который так щедр наш город...

Да, величавые эти пани, стоя на коленях перед статуей деви Марии или Иисуса, готовы, кажется, по-

жертвовать жизнями своими, лишь бы попасть в царство Божье, но стоит им подняться с колен, как они начинают думать о том, что у соседки платье дороже, что муж ее получил прибыльную должность, и еще о том, что у настоятеля слишком розовое лицо и что он слишком красив для ксендза. Мужья у этих пани точно такие же, только думки их о королевских милостях, о любовницах и прочем подобном...

Боже, каким одиноким, опустошенным и разбитым усталостью чувствую я себя, когда последний аккорд перестает звучать под сводами, когда я опускаю педаль и отнимаю руки от клавиш!

Да и нужно ли пробуждать в этих господах щемящее чувство вечности? Как бы они отнеслись к тому смельчаку, который попробовал бы удержать их души на том вознесении чуть дольше, чем они способны вынести? Возможно, оказавшись вновь на земле, они, разъяренные, распяли бы его на костельных воротах.

Единственное существо, которое может слушать меня без конца, — это Мацелиус. Часами лежит он в моих ногах, глядит на меня умными зеленоватыми глазами, в которых нет-нет и мелькнет некая искринка. О чем думается ему, когда слушает торжественные звуки органа? Какие видения возникают в его лохматой с острыми ушами голове? Искры какого огня вижу я в его глазах — не того ли, что денно и ночью пылает невидимо под нашими ногами? Когда я наливаю в его миску половину своего мизерного обеда, он смотрит на меня не мигая, потом, испытывая степень моей любви к ближнему, осторожно начинает есть, а насытившись, насмешливо машет хвостом и, сдается мне, омеется в душе над моей опекой. А ведь обязан мне всем — и жизнью, и своим превращением из мокрого жалкого котенка в красивого, с шелковистой шерстью огромного кота! Не мог ведь я тогда пройти ми-

мо, вспомнил, что меня самого подобрали — и вот такого же умирающего от голода, окоченевшего...

Словно не полвека минуло, и сейчас помню тот день. Помню ужас, который охватил меня, когда мать впервые глянула на меня диким, безумным взглядом. Помню, как с криком вырывался из ее сильных костлявых рук. Отчаяние и болезнь, поймавшие в плен ее разум, не оставляли своей жертвы. Я же так тосковал по Азяродам, по хате у озера, по вербе, на которой было так хорошо качаться!..

И так помирал я, не чувствуя ни дождя, ни холода, ни жары, помирал, но не помер. Подобрали меня закоченелого, едва живого от голода, и исцелил меня мой спаситель своими молитвами, а потом и лекаря привел, словно был я не бездомным нищим, а вельможным паном. И не только спас меня, но обратил к истинной вере и сам перекрестил меня, и нарек Франком (а был я ранее Лаврином), а после оставил меня жить при костеле святой Ганны, и сам епископ не посмел перечить ему, потому — кто мог посметь ослушаться приказаниям его милости Петра Скарги, королевского проповедника, ректора духовной Академии!

После его милость направил меня к известному Джеронимо, регенту хора Вислицкого костела — костела самого короля Сигизмунда! Так открыл я для себя законы сложения и записи музыки, что денно и нощно звучала во мне.

Не раз мою музыку слушал и сам король! Но это было потом, а до того в костел навещался его милость наш ректор, справлялся о моих успехах и журил — ласково, дружелюбно — много де в моих творениях холопского, негоже это для божественной музыки. Я и сам понимал, что виноват, да куда же денешь песни моей матери. Они и во сне мне являются...

А днем сядешь за орган, сквозь могучие звуки гимна, хорала или фуги почти неслышно прораста-

ют, как первая рожь сквозь твердую корку земли, подслушанные во сне «Ох, рано на Ивана», «А мы сеяли веленый хмель», «На лугу калина красная...»

Я-а-а... — по всему костелу разносились звуки родных песен, поднимались ввысь, и словно душа моя уносилась вместе с ними.

Верно, у них выучился я и высокомерию к роскоши. Мог бы, конечно, при желании стать паном, быть похожим на тех, кто приходит слушать мою игру. Но зачем мне это? Пусть идут мои деньги на таких же бездомных детей, каким сам был когда-то. Не так уж много надо человеку для счастья, лишь бы чувствовать, что пришел в сей бренный мир.

Много я написал за эти годы костельных гимнов, хоралов, месс. Но самое любимое, что согревает душу, чем втайне горжусь — хоралы, что созданы не для богослужения.

Пишу я их и играю тайно, чтоб не услышал епископ. А для кого пишу, кто будет их слушать, кто прочтет нотные знаки — не знаю. Кругом чужие, равнодушные лица, и нет ни одной родной души, кроме моего верного Мацелиуса...

Стыжусь я музыки своей — и горжусь ею, прячу от всех — и готов отдать ее каждому, потому для каждого она написана; благодарен своему наставнику — и ненавижу его временами...

И вот после службы спешу быстрее оказаться в своем домике на окраине Вильно. Испепеляющая, шальная радость овладевает сердцем, когда сажусь за старенький клавесин, когда комнатка моя наполняется звуками забытых песен... вечными звуками песен моей матери.

ТРИПТИХ

МАЗДАК

— Эй, Маздак!

Я поднимаю голову. Сквозь пыль, залепившую глаза, едва пробивается отблеск недалекого костра, вокруг которого сидят стражники.

— Живой? — прошепелявил от костра гундосый голос.

Верблюд не видит своего горба, так же и хозяин этого голоса не знает, что не намного переживет он того, над кем сейчас смеется. Болезнь почти уже сделала свое дело.

— Ты жив еще, собака? Смотри не издохни до завтра, а то как бы вслед за тобой не отправиться! — кричит грозно стражник и пинает землю рядом со мной.

Я чувствую, как он наклоняется надо мной, слышу его шумное дыхание, когда его рука поспешно обтирает чем-то мягким мое лицо. Мгновение — и я лежу лицом вверх. Одновременно с этим я почувствовал, как ослабела веревка, которая стягивала мою шею.

Грудь моя поспешно хватает, втягивает в себя прохладный воздух ночи, и я начинаю различать силуэт своего благодетеля.

— Подкрался я к нему, мешок на голову — и все! — слышу я голос гундосого.

От костра доносится хохот. Огромные тени сидящих вокруг огня стелются по мягкой земле, шевелятся, словно стремясь дотянуться до меня. Мне хочется отодвинуться подальше от них, как будто у теней такие же грязные, потные руки, как у их владельцев.

И помню то мерзкое ощущение, когда они липко шарпили по моему телу, отыскивая то ли оружие, то ли золотые монеты...

— И он даже не сопротивлялся!

— Сопротивлялся! — хохочет гундосый. — Да он и не понял ничего спросонок!

Да, он прав. Я ничего такого не ожидал и не успел почувствовать, как оказался пленником Кавада, его черных псов. Правду говорят, что змея всегда укусит своего спасителя. Пожалел я в свое время гундосого и вот теперь стал его пленником. Глупец! Он и не подозревает, что я и сейчас держу его жизнь в своих руках! Стоит мне только сказать о тех драгоценностях, которые он утаил от Кавада... А он все не унимается:

— Дорога собаки всегда ведет к мяснику!

Опять хохот. Слабый ветерок приносит ко мне сладковатый запах гашиша. Я знаю — через несколько минут все они уйдут в страну грез. Гашиш. В моем войске никто не курил его. Щепотка гашиша, от которой сохнет во рту, мутнеет разум, оставляет голодными несколько семей.

Стражник, стоящий возле меня, опять пинает землю.

— Очнулся, что ли! — кричит он громко, привлекая внимание тех, кто сидит у костра.

Я уже различаю его лицо: темное, сморщенное, как плод смоквы, испорченный червем, орлиный нос. Взгляд мой скользит по лицу стражника, которое показалось мне знакомым, ощупывает складки его одежды, натывается на рукоятку меча. На серебряной насечке вспыхивают слабые отблески.

— Дай ему, Али! — орет гундосый.

Али. Вот почему лицо стражника показалось мне таким знакомым. Сделал доброе дело — выброси память о нем в реку, часто говорили в старину.

Стоя спиной к костру, Али нагибается ко мне.

Душистый, упоительный запах сыра достигает моих повдрей в то самое мгновение, как в губы мои — иссохшие, окровавленные губы — тычется мягкое, упругое. Я пытаюсь схватить сыр зубами, но лишь издаю протяжный, мучительный стон. Тридцать фарсахов пути, когда лицо мое билось о спину скачущей лошади, дают о себе знать.

— Сунь ему, Али! — кричал гундосый. — Или я помогу тебе...

— Что с ним возиться? — ворчал кто-то у костра. — Перерезать ему глотку — и все! А Каваду привезти голову.

Еще что-то кричат там у костра, но никто не спешит подниматься и приводить в исполнение угрозы. Али тоже молчит. Неторопливо идет к костру, потом возвращается. В руке его я различаю бурдюк с водой.

О вода — сладкий сок земли, божественный дар Ормузда! Если бы не разбивали кувшинов — гончар умер бы от голода. Если бы не предательство Кавада, коварно заманившего меня в западню, не змеиная хитрость гундосого, которого я помиловал и оставил в своем отряде, если бы не Али, которого я когда-то спас в пустыне от смерти, — я никогда не оценил бы истинного вкуса твоего, прозрачное, благоуханное чудо!

После нескольких глотков я, несмотря на боль, могу жевать сыр, который Али снова сунул мне в рот. А он уже уходит не оглядываясь, и я слышу, как стражники у костра начинают ругать его за то, что он дал мне воды. Для этого они даже прерывают игру в майсир.

— Когда с зарезанной овцы сдирают шкуру, ей не больно, — спокойно отвечает им Али. — Что завтра скажет Повелитель Вселенной, увидев, что некому стонать и плакать перед своей могилой?

— Ну, те вряд ли доживут до восхода. Шакалы проклятые!

Я знаю — они говорят о моих товарищах, которых схватили вместе со мной, но которым больше не суждено видеть света. Их заживо бросили в яму на съедение клопам и голодным крысам. Лепешка проглочена, и жизнь опять теплится во мне, подобно свотильнику, в который подлили масла. Я мысленно ухажу к моим друзьям, и мне начинает казаться, что я слышу их стон, который просачивается сквозь землю как раз у самого моего уха. Будто ветер завывает в покинутой людьми лачуге. Я знаю, это они, мои друзья, которые поверили мне, первыми пошли за мной в решении построить Царство Добра на земле. Еще Великий Мани говорил, что Зло не может победить в этом мире. Но для того, чтобы мир этот стал Землей Света, человек не должен сидеть сложа руки и ждать, когда мир сам по себе исправит Зло. В этом мы пошли дальше учения Мани. Человек — венец всего на земле. Для того он пришел в этот мир, чтобы дела его ложились на чашу светлого Ормузда, и перетянула эта чаша сосуд Зла, который ежедневно наполняет Ахриман злобой и ненавистью человеческою. О друзья мои — светочи добра и справедливости! — ваши тела, пронзенные острыми шипами, едят сейчас мириады мерзких клопов. Теперь Каваду нечего бояться! Вы для него — мертвы! Мне он оказал милость: я провожу эту последнюю ночь, прижавшись к теплой земле. Глаза мои видят звезды, и я даже могу вспоминать «Аль-Магест» Птолемея, вычислять, когда появится утренняя звезда... которая возвестит мне мучительную, позорную смерть. Раньше, когда я думал о смерти, я представлял себе чистые, алые языки пламени, которые очистят тело, а душу вознесут к Солнцу — божественному трону Ормузда. Потомкам Зороастра, нам придется окончить свою жизнь в земле — так шах Кавад мечтает отплатить нам за то, что мы поверили ему, что он истинный друг бедноты, что по-

могли устранить его соперников и он, Сасанид, стал единственным правителем Ирана!..

— Против скорпиона одно лекарство — раздавить его! — услышал я голос гундосого совсем рядом и тут же едва не закричал от сильной боли в боку.

Пинок гундосого пришелся почти под сердце и вернул меня на землю. Сквозь прикрытые веки я не видел его глаз, но, даже не видя их, я всем существом ощутил ту нечеловеческую ненависть, которая исходила от него. Он проверил веревки, которыми было опутано мое тело, и, видимо, успокоенный пнул меня еще раз и ушел, а я снова погрузился в воспоминания того диспута, на который меня и моих друзей пригласил Кавад. Жрецы, с которыми мне пришлось вести спор, пробовали смутить меня своими вопросами: что есть знание? И если знание есть постижение форм вещей, то сознание, под которым понимается душа, само должно быть формой: ведь подобное познается подобным. Но формой чего должна быть душа? Я посмеялся над ними, ответив, что душа есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Сущность же (как форма) есть энтелехия; стало быть, душа есть энтелехия такого тела. Чувствуя, что достопочтенные жрецы ничего не поняли, я стал объяснять, что, будучи нематериальной формой, сущностью тела, душа имеет дело с формами вещей, с тем искомым всеобщим, что существует «помимо единичных вещей», хотя и «в них», и делает их данными, определенными вещами... таким образом, душа есть как бы рука: как рука есть орудие орудий, так и ум — форма форм. Жрецы показали себя круглыми невеждами; в споре о предопределениях они не могли привести ни одного тезиса великого Аристотеля, а труды знаменитого Арьябхатты и вовсе отвергли, будто их вовсе не существует. И непонятно было, как они могут считать себя учеными, спорить об атрибу-

тах божества, не зная, что думают об этом в «Джундишапурской школе». Как говорится, прежде чем стрелять, надо набить колчан стрелами.

Под конец диспута жрецы не выдержали и перешли к прямым оскорблениям. Только Кавад, приторно улыбаясь, спросил: «Ведом ли тебе создатель твой?» — «Еще бы не был мне ведом тот, — ответил я, — кто создал меня для голода и жажды, наделил меня разумом и сделал врагами всех богатых». Шах Кавад лгал, когда в ответ улыбался и цитировал Мани: «Там, где нет любви, все деяния несовершенны». Кавад клялся в любви к беднякам, поддерживая нас, когда мы раздавали беднякам богатства его соперников, считая, что не стыдно ограбить ограбившего, а сам уже строил планы, как расправиться с нами. О бедные мои друзья! Я слышу ваши стоны, которые разрывают мне душу! Будь у меня сто жизней — ни одну бы не пожалел, только вновь увидеть вас рядом с собой! Я смотрю на молодой месяц, который медленно плывет над моей головой, как он похож на лик твой, бедный Нувас! Бледное голубое сияние серебрит землю. Едва уловимо пахнет горящим саксаулом. Я с наслаждением втягиваю в себя горьковатый аромат какого-то степного растения, щекочущего сейчас мне шею. Я не Гален, который, говорят, по запаху мог определить все травы. Да, я так мало знаю, так мало сделал для людей, которых любил, как и люблю сейчас. Люблю все живое, как люблю восходы могучего Солнца. Как люблю звезды — светильники ночи и жемчужную россыпь утренней росы на нежных лепестках степных цветков. Я люблю этот крошечный стебелек травинки под моей щекой так же, как люблю человека — своего брата в этом необъятном мире, который должен быть не угнетенным, бесправным скотом, а жителем прекрасной Земли Света, о которой так мечтал Мани:

Поистине, она свободна от малейшего угнетения,
в ней нет нужды и убытка.
Здесь каждый движется, как хочет,
и живет по своей вольной воле...

— Эх! Что самое сладкое на этом свете? — громко вздыхает гундосый. — О эти алые губки! Женщины-на! Бедра твои, как у кобылицы! Сюда бы...

— На тебя только блудница и позарится! — вставил один из стражников.

— Между нами говоря, — сказал гундосый, — самые умные и вкусные люди на свете — это блудницы. И едят всласть, и вина пьют вдосталь, и золото с мужчин берут, и радость соития с ними вкушают.

— А твоя мать умна ли?

— Ей-ей, глупее твоей сестры! — ответил гундосый.

Стражники громко захохотали. Я видел, как один из них вдруг крикнул что-то и сильно ткнул горящей головешкой в лицо гундосому. Раздался дикий вой, и гундосый, выхватив меч, ринулся на обидчика. Я смотрел, как на гундосого навалились его товарищи, принялись успокаивать его. Пока гундосого уговаривали успокоиться, я думал о моих друзьях, тела которых много лет не ласкала женская рука. Я вспоминал о том, как мы, подобно кочевникам-бедуинам, уходили в селенья только для того, чтобы огнем истины зажечь новые сердца, и ради этой истины не знали к себе пощады. Сколько раз, когда мы попадали в дом богача и встречали там красивых наложниц, ловил я тоскующий взгляд Нуваса, брошенный вслед смуглой дочери богини Ардвисуры. И не одна из освобожденных нами луноликих не хотела уходить в отчий дом, а, напротив, всеми силами стремилась остаться с нами — и что же? Никого не останется теперь после нас, исчезнут из памяти истории наши имена, — а ведь и

мне не один раз во сне являлась дочь Вардана, и меня смутил когда-то ее облик, которому я посвятил украдкой строки:

О, как прекрасны завитки кудрей на ровах щек!

А лук бровей так изогнуть создатель только мог...

...Ну вас, бедный мой мальчик! Увижу ли я завтра твои глаза, которые так любили древние страницы «Авесты»? Спрашиваю себя и плачу, потому что знаю — не встретиться больше нам в этом мире! О шах Кавад! Лучший повелитель тот, кто умеет повелевать собой — и не увидать тебе завтра слез моих! Только сейчас я могу позволить себе заплакать от бессилия, оттого, что не увижу здесь, на земле, всех людей равными, ради чего погибли мои друзья...

Какой-то шорох раздается рядом с моей головой. Скосив глаза, я вижу... змею. Это ты, Ахриман, демон Зла, могучий противник Ормузда, пришел полюбоваться моим унижением?

Долгое время, как мне показалось, мы смотрим друг другу в глаза — я хорошо вижу в бледном свете луны неподвижные, немигающие зрачки. Наконец змея как будто надоела эта игра, или же она просто не выдержала моего взгляда. Она лениво опустила голову и уползла в темноту. Мне показалось, что она очень боялась попасть в отсвет костра — частицы вечного Солнца, чей свет согревает мою кровь, наполняет блеском мои глаза, а вместе со мной и глаза шаха Кавада, и стражников, которые устало переговариваются в нескольких шагах от меня, которые не понимают и не желают понять той великой мудрости, ради которой они пришли в мир.

Ты прав, гундосый, против скорпиона одно лекарство — раздавить его. О светлый бог Ормузд! Об одной милости прошу тебя, я, недостойный твой сын Мла-

дик! Позволь мне когда-нибудь вновь явиться в мир этот, на землю, чтобы увидеть скорпиона раздавленным, и пусть тогда окончатся все мои рождения и смерти! Не должен я умереть сейчас, когда Ахриман, торжествующе улыбаясь, уползает в свое черное царство, и липкое брюхо его касается тонких стебельков травы с горьковатым запахом вечно цветущей земли, а над всем этим уже восходит голубоватая, словно драгоценная жемчужина со дна мирового океана, утренняя звезда, предвестница Солнечного восхода!..

ТВОРЕНИЯ АЛЛАХА

Кази-калон¹ удовлетворенно отирал потное лицо. Палач, вкладывая в богато изукрашенные ножны изогнутую саблю, любовался ее отточенным блестящим лезвием, покрикивал на помощника, остужавшего в холодной воде раскаленный брусок железа. Толпа громкоголосо обсуждала подробности казни и гладила на отсеченную руку лучшего на Востоке каллиграфа Ибн-Мауда, прибитую к шесту и вознесенную высоко над площадью. Тонкие скрюченные пальцы ее еще не успели пожелтеть, и последние капли крови медленно стекали по серому дереву шеста. Подручные Миршаб-баши² волокли по пыльной улице бесчувственное тело.

— Тяжелый какой, — заметил один и с силой встряхнул тело. — Умрет, небось?

— Да нет, — возразил ему второй, плотнее захватывая у своей жертвы ворот парчового халата, теперь извалявшегося и мятого, — крови совсем немного вытекло. Палач знает свое дело, теперь нечестивец не напишет ни единой строчки.

¹ Кази-калон — верховный судья.

² Миршаб баши — начальник полиции.

— Хан милостив: за такие письма нужно было отрубить голову, а не руку, — с этими словами они остановились у калитки, — единственной во всей высокой глиняной стене, в которой виднелись густо усыпанные спелыми плодами деревья.

— Э-эй! — заорал первый подручный, пиная дверь. — Принимайте эту собаку!

— Пусть теперь просит подаяния у всевышнего!

Их голоса громко звучали на пустынной улице. Но никто не отворил двери. Семья осужденного забилась в дальние комнаты: и жена, и трое детей боялись громко вздохнуть. Знали: никто сейчас не защитит их от жестоких побоев обнаглевших слуг хана.

А они впрямь чувствовали себя безнаказанными, вволю глумясь над тем, кто еще вчера, казалось, был вознесен на вершину успеха и славы, а сейчас молча лежал в пыли перед своим домом. Последний пинок подбросил Ибн-Мауда в самую калитку, после чего истязатели ушли.

...Первое, что увидел знаменитый каллиграф, открыв глаза, была кровь. Ярко-алая, она плескалась в тонкой фарфоровой чашке, которую подносили к его губам. Он дико закричал, оттолкнул питье, увидел обрубок вместо руки. Красная жидкость пролилась на его халат, бороду, и он, как безумный, стал стирать ее рукавом.

— Кровь! Всюду кровь! — кричал он.

— Это гранатовый оок, повелитель! — плакала женщина, подбирая осколки драгоценной китайской чашки.

— Воды! — бредил Ибн-Мауд. — Побольше воды! Лей на меня, жена, не жалей воды! Я приведу водноса. Я заплачу ему втрое больше!

Поздно ночью Ибн-Мауд пришел в себя и громко позвал жену.

— Вынесите это из комнаты, — сказал он, кив-

ком головы указывая на небольшой сундучок черного сандалового дерева, где хранились все его принадлежности для письма: украшенные затейливым орнаментом чернильницы, золоченые футляры для перьев, кинovarь... Затем он отвернулся к стене и как будто не слышал, как жена и старший сын выносили сундучок.

Прошло много томительных дней и ночей. В доме великого каллиграфа осталось совсем немного вещей и драгоценностей, которыми когда-то осыпали его, восхищаясь почерком, которому не было равных, и сам он теперь целыми днями молча сидел в своей комнате. Иногда, разглядывая изувеченную руку, он падал на колени и громко стонал, призывая аллаха.

— Я согрешил перед тобой, — говорил он, как будто аллах находился тут же, в комнате. — Я подумал, что все люди равны, что богатства, нажитые нечестным путем, несправедливы, забыв, что только ты можешь судить о правых и неправых... Но, великий аллах, ты наказал меня слишком жестоко! Лучше бы мне отрубили голову! О горе, горе!

И все же он непрестанно думал о своем искусстве. О том, что каждая буква для него — как дитя, которое хочется приласкать и которое страшно выпустить в мир с каким-нибудь изъяном. О том, что, научившись понимать красоту письма, нельзя допустить, чтобы перо выводило грязные, гнусные помыслы того или иного человека, чтобы письмо служило жадности и корысти... И однажды утром Ибн-Мауд, крадучись, вышел из дома. Пряча лицо от людей, он направился к базару. Прятаться не стоило: разве можно было в седом, морщинистом старике узнать горделивого, миложавого придворного каллиграфа!

Ибн-Мауд долго стоял у коврика писца, жадно следя, как, взмахнув каламом и прочитав молитву, тот обмакивал перо в чернильницу и старательно выводил очередное прошение. У выхода он нагнал одного из

просителей и протянул левую руку к окрученному в трубку прощению:

— Покажи!

Строчки ровно бежали справа налево, и все же Ибн-МAUD болезненно поморщился: местами перо еле царапало бумагу, местами нажим его был чрезмерным, а вязь письма (манерно-вычурная) напоминала дочь торговца, которая, нацепив на себя дешевые украшения, стремится походить на жену хана.

Придя домой, он не колебался. В одной из комнат нашел сундучок, в котором хранились письменные принадлежности. Достал калам, тонкий кожаный ремешок и стал неумело привязывать его к обрубку. В это время в дверях появилась жена, — он резко обернулся и так посмотрел на нее, что она тут же бесшумно исчезла.

...Письмена наползали друг на друга. Черточки, закорючки, точки были тяжелыми и неуклюжими. Но с каждым днем, с каждым месяцем, штрих за штрихом возвращалось умение, возрождалось искусство Ибн-Мауда, казалось, исчезнувшее навсегда.

...Свиток передавали осторожно, боясь соглядате-ев всемогущего миршаб-баши. Но к вечеру во дворце знали: опять появилось письмо, в котором высмеивались знатные люди города и даже — страшно подумать! — сам хан.

В тот день начальник полиции едва не лишился жизни, получив семьдесят пять палок. Когда же ему доставили письмо, он долго изумленно рассматривал его и не мог понять: письмо было написано рукой, которая могла принадлежать только Ибн-Мауду. Об этом же шептались на площадях и базарах:

— Аллах явил чудо, повторив почерк Ибн-Мауда и его мысли! Значит, наш хан и впрямь нечестивец!

— Говорят, что письмо сожгли, а ведь оно — творение самого всевышнего!

— Творение аллаха — в огонь?! — восклицали люди и с ненавистью потрясали кулаками.

Не единожды врывались в дом Ибн-Мауда. Но надежно спрятан был сундучок, в котором хранились чернильница, перья и бумага. Спокоен был хозяин, показывая — в который раз! — обрубок изуродованной руки. А ночью он вновь садился к столу, доставал калям. И продолжали появляться новые крамольные свитки, и были в них боль, и гнев, и разящая насмешка, и чистая, непреходящая любовь к людям...

СЕРЬГИ

— Верблюд возит золото, а ест колючки, — жаловался гончару Юсуфу старый Закхи, с кряхтением пролезая в узкую калитку старого, с потрескавшимися стенами и низким потолком дома. Он чуть поджался и подтянул полы просторного халата, чтобы не зацепиться за гвоздь, торчащий в дереве.

Следом за ним в дом прошла закутанная женщина и неслышно скользнула в дальний угол комнаты.

— Ничего, уважаемый, — низко склоняясь перед гостем и приложив руку к сердцу, говорил гончар. — В следующем году — да будет на то воля аллаха! — когда приедете, у меня будет новый дом. Не придется вам утруждать себя. А пока — прошу вас быть хозяином...

Каждый год торговец Закхи, приезжая в Бухару, останавливался в доме своего старого друга мастера-гончара Али, а после его смерти — у сына, унаследовавшего мастерство отца.

— Нет, сынок, жениться тебе надо, — говорил Закхи, усаживаясь на мягкие одеяла, которые услужливо расстелил перед ним Юсуф. Он устало вытянул ноги, прислонил к стене подушку, уперся о нее спиной и, блаженно улыбаясь, продолжил: — Будь жив на све-

те мой старый и самый дорогой друг Али, твой любимый отец, разве позволил бы он, чтобы на единственного сына его говорили соседи, что дом его пуст, что нет в нем хозяйки, которая бы разжигала огонь в очаге, встречала гостей, поливала им воду на руки, вела хозяйство?.. Где это видано, чтобы такой молодец до сих пор один жил?! Нет, сынок, не могут мои глаза смотреть на тебя равнодушно! Жена тебе нужна, очень нужна...

— Вы правы, уважаемый Закхи-ага, — говорил Юсуф, окромно отводя глаза от старого торговца. — Но пока новый дом не поставлю, о жене и думать не приходится. Посмотрите сами, — развел руками гончар, — куда я ее приведу? Да и... не могу еще... Беден я пока для такого, сами знаете...

— Знаю, знаю! — разламывая руками хлеб, отвечал Закхи. — Я отвечаю за все, понял ты меня, сынок? Кто же, как не я, ближайший друг твоего — да будет благословенна память о нем, амин! — отца должен позаботиться о тебе?

Старый Закхи заговорщически подмигнул Юсуфу и, улыбнувшись, сказал:

— Такую жену тебе выберу, вся Бухара завидовать будет. И скромная чтобы была, и мужа беспрекословно слушала...

Закхи вдруг нахмурился, покачал головой, недружелюбно посмотрел в угол комнаты, где стояла женщина, которая пришла вместе с ним.

— Надира, иди в ту комнату, — показал рукой Закхи. — Отдохни пока...

Женщина точно проплыла к двери и так же неслышно скрылась за ней.

— Замучился я с ней, — сказал Закхи, не глядя на Юсуфа. — Дочь шайтана, да и только!..

Юсуф налил в пиалу чай и подал его Закхи. Он видел, что торговец огорчен чем-то. Любопытство грыз-

ло молодого гончара, но он ничем не выказывал своего состояния. Что это за женщина? Почему она здесь?

До сих пор непонятное волнение не покидало его. Как наяву, он вновь и вновь видел блеск озорных глаз, когда она, проходя следом за Закхи, слегка приоткрыла черный платок, которым было закутано ее лицо, и озорно, словно обожгла, стрельнула в Юсуфа огромными черными глазами. И сейчас, наливая чай старому Закхи, он с дрожью в теле вспоминал ощущение, которое охватило его в то мгновение, когда на него глянули глаза Надиры. «Какая она должна быть красавица!» — думал он, а губы уже шептали строчки Хафиза:

Дивный рот ее сладчайший — не кольцо ли Сулеймана?
Перстень губ ее рубинов — властен править всей землей...

— Завтра поведу ее на базар...

Голос торговца вернул Юсуфа к действительности.

— Завтра я от нее избавлюсь, — жаловался между тем Закхи, маленькими глоточками отпивая чай из пиалы. — Авось новый хозяин на нее узду накинёт. Замучила меня, весь дом плачет от ее фокусов. Шайтан попутал меня — да простит аллах, что вспоминаю имя его врага! — научить ее грамоте! С этого и начались мои беды. Начиталась всего, то ей не так, это... Срамит меня перед другими... Убить бы ее на месте — да жалко! И обеднел я ко всему прочему, вот и решил продать ее. Десять лет у меня эта румийка, девочкой ее купил...

Казалось, что еще немного — и из глаз старого Вакхи покатятся слезы. Юсуф слушал его с нескрываемым интересом и не замечал перемены в настроении своего гостя, когда он начал говорить о Надире, женщине, которую привел с собою и которую хотел завтра продать.

— Жены все мои плачут от нее. Всех их перессорила между собой. А! Нудия, моя главная и любимая жена, так она от радости чуть ума не лишилась, когда я уводил эту... взмечу! И то сказать: ведь любил ее раньше больше, чем всех остальных. Правильно говорил — да простит ему все его прегрешения аллах! — Юсуф Хас-Хаджиб:

И нам с тобою сосчитать едва ли
Мужчин, чей разум жены ис... ис... купали...

Закки споткнулся на последнем слове, произнесенного не совсем уверенно. Но тотчас из соседней комнаты донеслось:

— Искушали!

Голос был серебристым, словно кто-то тронул сильно натянутую струну рубаба. Юсуф почувствовал, как забилося его сердце, как запело у него в душе...

— На-а-ди-и-ра!

Пиала дрогнула в руке у Закки, несколько капель чая попали за ворот халата. Торговец метая взгляд, полный бешенства, на дверь, из-за которой раздавался голос, закашлялся, словно в горле его застряла кость, отерся полотенцем, услужливо поданным ему Юсуфом.

— Слава аллаху, завтра я не буду больше слышать твой голос! — крикнул Закки.

Юсуф удивленно посмотрел на Закки. Потому что почувствовал и услышал в голосе старого торговца какую-то недосказанную боль...

Вечером Юсуф долго сидел перед очередной чашей, которую намеревался расписать. Вглядывался в нее так, словно хотел увидеть в ней то, что скрыто от других, словно изучал ее, выбирал рисунок, который бы отличил чашу среди тысяч других. Гости — старый торговец Закки и его наложница Надира — дав-

но легли спать и, наверное, давно видели не первые сны, а Юсуф все сидел в том же застывшем состоянии перед той же чашей, которую поставил перед собой. Он любил эти часы, овеванные ночной прохладой и наполненные раздумьем, когда небесный свод точно приближается к земле, когда звезды искрами взрываются над головой и кажется, золотой дождь осыпает землю. И только легкое потрескивание светильника нарушало тишину. Сегодня же он с нетерпением сел за работу, чтобы без помех подумать о Надира, о ее лукавой улыбке, о том, что она сейчас спит в его комнате.

Дверь скрипнула, Юсуф оглянулся и увидел закутанную в белое Надиру. Краска бросилась ему в лицо: что если Закхи не уснул? Да и как женщина осмелилась выйти к чужому?

Он опустил глаза, желая сказать что-то, но в это время кисть задержалась в воздухе, и краска капнула ему на рубашу. Надира легко скользнула к нему и мгновенно, почти на лету стерла пятно, оставив на рубаше лишь влажный след. Розовым маслом и сурьмой пахло на молодого гончара. Он почувствовал, как сухо стало у него во рту. Вскинул глаза, но Надира снова стояла у двери, словно и не двигалась с места.

— Зачем вы здесь? — глухо спросил Юсуф, отворачивая лицо от светильника.

— Я люблю Бухару...

В голосе Надиры звучала улыбка.

— Мне рассказывали, что аллах оберегал этот город долгие годы, как скупая женщина, собирает с молока сливки, — и теперь город стал сливками времени. Но я не хочу здесь быть чьей-нибудь рабыней и опять развлекаться ссорами глупых верблюдиц, которые все свое достоинство видят в том, что они — женщины... Вы должны меня спасти.

— Я?

Надира неслышно подошла к нему и резко откинула на плечи платок, который скрывал ее лицо. Юсуфу хотелось зажмуриться... «Гнев аллаха падет на голову того, кто решится осквернить своим прикосновением чужую жену...» — зазвучал в ушах голос покойного отца.

«О аллах! Чем я провинился перед тобой?! — стал быстро шептать молитву Юсуф, со страхом глядя на дверь, из которой в любую минуту мог появиться друг его отца. — Прости меня, аллах!.. Не виноват я перед тобой...»

«Дочь шайтана!» — вспомнились слова почтенного Закхи. «Уйди, дочь шайтана!» — хотелось крикнуть Юсуфу, но язык не повиновался ему. Он смотрел на Надиру широко открытыми глазами. Так близко он видел женщину впервые. Сколько ей лет? Девятнадцать, как говорил Закхи, или четырнадцать, как ему кажется сейчас? Может, это в полутьме щеки у нее розовые, цвета утренней зари, а полураскрытые губы — точно алые лалы? «Я сражен бровей кинжалом», — пропел он, беззвучно шевеля губами, но тут же снова попробовал возмутиться. Виданное ли дело, чтобы женщина сама показывала свою красоту и при этом еще улыбалась так безмятежно и лукаво, будто он для нее — близкий человек?

— Завтра — базарный день, — склонив голову и вновь обжигая взглядом Юсуфа, сказала Надира.

В голосе ее гончар уловил какую-то тоску, и в то же время он звучал мягко, обволакивающе мягко, точно в жаркий день на берегу озера овеивает разгоряченное лицо ласковый прохладный ветерок.

— Что же мне делать, Юсуфжан-ака? — словно отгадывая его мысли, говорила Надира. — Ведь кроме меня самой, никто меня вам не покажет. Помните, как звучат строчки Хафиза:

Немеют губы у любви, и в этом мудрость встреч.
Волнение речью передать не каждому дано.

Юсуф никогда не мог остаться равнодушным к стихам, и сейчас он особенно ощущал в себе потребность к прекрасному. Каждая клеточка его тела эхом отзывалась на голос Надиры. И пока она читала стихи, волнение все сильнее и сильнее охватывало молодого гончара. Жаркий туман заволакивал его глаза. «Это шайтан!» — вновь пронеслось у него в голове. Он вновь, в последний раз, попробовал воспротивиться охватившему его желанию, собрал последние силы:

Как чудо розы можешь ты понять?
И лучше мне тебя совсем не знать!

Не успел он закончить, как Надира с готовностью прочитала строчки из того же стихотворения Навои:

Динар иль грош — цена лужайки всей,
А не запеть не может соловей.

Надира озорно стрельнула глазами в гончара и продолжила словами Ибн-ар Руми:

— Природа в украшениях распутницы, но она же — добродетельна, как целомудренная степенная женщина.

Она выставляет напоказ свою красоту, в то время как раньше была застенчива и стыдлива...

Юсуф вдруг засмеялся, решив больше не испытывать судьбу. В то же мгновение он забыл все наставления отца, старого Закхи, и с радостной готовностью предоставил себя очарованию, которое излучала молодая женщина и которое захватывало его все больше и больше. И он не хотел думать больше ни о том, что ждет его впереди, если он возьмет в дом свой Надиру,

ни о самом себе, ни о планах, которые строил на будущее...

Закхи так и не повел на базар Надиру. Она осталась в доме гончара, а на прощанье даже не пожелала выйти к своему старому хозяину, который ничего, в сущности, плохого ей не сделал. Даже скорее наоборот, вырастил ее, обучил грамоте... Торговец покидал дом сына своего друга еще более мрачным, нежели вчера, когда явился сюда со своей наложницей, которую утром намеревался свести на базар и продать. Перед уходом он зацепился-таки халатом за злополучный гвоздь и, выругавшись в сердцах, сказал напоследок:

— Боюсь, сынок, что не радость... беду в твой дом принес!

Старый Закхи говорил это, едва сдерживая слезы, а Юсуф слышал его слова как будто доносящимися из-под земли. Пока происходила вся эта необходимая процедура прощания, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, стараясь, чтобы Закхи-ата не видел, как ему хочется быстрее выпроводить своего благодетеля и вернуться назад в дом, к ожидающей его Надиры.

— О благо переменчивой судьбы, ты обернулось для меня радостью, а для врагов моих страшным злом! — слышался со двора голос Надиры, и торговец, сплунув напоследок, торопливо зашагал прочь от дома, придерживая на ходу попорченную полу халата. Он не пожелал даже, чтобы Надира зашила его, хотя и Юсуф пробовал было предложить это.

— Ну вот, теперь все!

Юсуф закрыл за собой калитку и увидел, что Надира с открытым лицом хлопчет возле очага. Он улыбнулся, дивясь проворству ее гибких смуглых рук. В казане уже кипело варево, а рядом, под навесом, палас украшал белоснежный дастархан, на котором стояли маленькие пиалы, разрисованные Юсуфом.

— Время молитвы! — весело заговорила Надира. — Позвольте, мой повелитель, я полью вам на руки... А после чая мы поедem на базар... В доме скопилось много посуды... И какая она красивая!

— Да, — смущенно признался гончар, — давно нужно бы на базар. Только не везет мне. Старшие мастера все норовят затиснуть меня в самый дальний угол, куда не всякий заходит. Да и не люблю я продавать. Работать — другое дело...

— О, об этом не волнуйтесь! — засмеялась Надира так, словно кто-то рассыпал серебряные монеты на камнях. Легко помешивая в казане, она говорила меж тем: — Из кувшина можно вылить только то, что в нем есть.

Она выпрямилась и посмотрела на кувшины, миски, пиалы, которые были расставлены в сторонке, и показала на них рукой.

— Из всего этого можно вылить очень многое...

— Не знаю, — вздохнул гончар и скользнул взглядом по своим творениям. — Только вот покупатели так не считают...

Горечь звучала в его голосе, а сердце ликовало от услышанной похвалы. Нет, даже уважаемому Закхи не накликать на его дом беды, как тому, наверное, хотелось бы! Он слишком стар; конечно, ему не справиться с молодой женщиной. Другое дело он, Юсуф. Увидел бы сейчас Надиру ее прежний хозяин, посмотрел, какая она — скромная, приветливая, будто и не она вчера насмешливо подсказывала старику забытые стихи, не она поздно ночью появилась перед незнакомым мужчиной!..

А когда, едва приехав на базар, Надира собрала вокруг своего товара чуть не всех покупателей и продала товар по цене, которую он не собирал и в лучший базарный день, гончар окончательно решил, что

старый Закхи просто по злобе клеветал на Надиру, предрекал ему беду.

— Что это за женщина? — толковали между собой купцы, когда Надира плавной походкой вслед за Юсуфом покидала базар.

Ни чачван, ни длинное широкое платье не могли скрыть ее тонкой, гибкой фигуры. А голос ее, звонкий, молодой, который так и искрился от едва сдерживаемого смеха, надолго остался в ушах и покупателей, и купцов, торговавших по соседству.

— О и я-аз-зы-чок у нее! — сказал кто-то восхищенно ей вслед. — Смотри, Юсуф, как бы не захромала она у тебя!..

— Лучше захромать на ногу, чем на язык, — словно для себя пропела Надира, и громкий хохот, как волной, окатил сказавшего.

Юсуф даже не посмотрел на говорившего. Он важно, как подобает мужчине, поклонился почтенным аксакалам и вышел из ворот базара. Он шел, не оглядываясь и уже не пряча улыбки на своем лице, вспоминал слова Надиры. Хотелось быстрее оказаться дома, увидеть глаза Надиры, услышать ее голос, который бы теперь раздавался только для него. Он не заметил, как Надира отстала от него, скользнула в какую-то лавку и вскоре опять догнала его, держа в корзине что-то заботливо укутанное в цветной платок.

А когда они сели ужинать, она, таинственно улыбаясь, налила в пиалу из чайника что-то красное и подала Юсуфу.

— Женщина!

Юсуф возмущенно выплеснул вино на землю. Но Надира, все с той же озорной улыбкой на красивом лице, вновь наполнила пиалу и протянула ее гончару.

Вино питает мощь равно души и плоти,

К сокрытым тайнам ключ вы только в нем найдете!

— Берите, — говорила она, смеясь. — Недаром великий Хафиз так говорил о нем. Ничто на земле не грешно, что рождено природой...

Все сопротивлялось в Юсуфе, когда он пил вино. Но действие его очень скоро сказалось, и молодой гончар быстро перестал ощущать во рту горечь напитка. Теперь все вокруг казалось наполненным благовонием божественного нектара, а душа — весельем. Он смотрел на Надиру и видел, что и она стала иной. Глаза ее как-то по-иному искрятся под лучами заходящего солнца, они напоминают струи горной реки, в которых не видно отражения, но которые действуют так, что хочется раздеться и прыгнуть в воду. Юсуф чувствовал, что хмелеет, и, вопреки своей обычной сдержанности, вдруг заговорил стихами. Он читал Хафиза, Навои, сыпал афоризмами. Под конец Надира взяла в руки рупаб и стала подыгрывать ему, когда он читал Хайяма...

Для Юсуфа наступили счастливые дни. Он словно снова стал мальчишкой. Только соседи укоризненно мотали головой ему вслед: «Румийку, наложницу, в жены взял!» Но в то же время с завистью подсчитывали, сколько кувшинов и прочих изделий увозит на базар жена гончара. А он работал не покладая рук, и новый дом становился все ближе... И никогда раньше узоры на глине не были такими светлыми и яркими, словно вбирающими в себя частицы солнца, никогда старый дом не слышал такого смеха. И еще — никогда раньше Юсуф не знал такой ненависти к себе, как в эти благословенные дни. Купцы, казалось, исходили ядом, когда видели гончара, шагающего рядом с арбой, на которой сидела его жена, но говорить что-либо о ней не смели. Зато стоило арбе проехать, как уши Юсуфа невольно ловили злобное шипение:

— День радости краток...

— Зачем аллах дает халву, тому, у кого зубы ни к чему не годные?

И в такие минуты Юсуфу очень хотелось остановиться и показать, что у него есть зубы! Да еще какие зубы!.. Но привычка повиноваться старшим и к тому же незлобивый его нрав заставляли идти как ни к чему не бывало. Он понимал — зависть делает людей нетерпимыми, вызывает в них притворное сочувствие, но в то же время за спиной дает полную свободу злобно язвить и накликать на головы счастливых все напасти. Гончар понимал все, приходил домой мрачный, так что густые брови его собирались на переносице в одну линию. Но стоило Надире взять в руки рубаб и, тихонько подыгрывая себе, запеть, как сердце его не выдерживало. Он садился возле жены, ласково касался губами ее рук и начинал подпевать ей, зарываясь лицом в густые темно-каштановые волосы.

— Ты ведь румийка, откуда ты столько знаешь? И Ибн-ар-Руми, и Хафиза, и Навои?.. — спросил он ее однажды.

Надира задумалась, и брови ее — цвета спелого каштана (он всегда любовался тем, что глаза у нее как черный, редчайший янтарь, а волосы и брови — коричневые, с рыжим оттенком) — приподнялись удивленно.

— Как же мне было не научиться? Ведь у вас все говорят стихами! Как без роз в саду, так и без газели в доме...

— Тебе хорошо у нас? — спросил он ее в другой раз. — Не скучаешь ли ты по своей родине?

— Приют свершения надежд построен был в конце концов, — продекламировала Надира задумчиво, сидя перед очагом и начищая кумган песком. Потом подняла к нему нежное, продолговатое свое лицо с яркими, как полураскрывшийся бутон бархатных роз,

губами. — Вы ведь любите меня, мой повелитель, а больше мне ничего не нужно...

— Нет-нет, — настаивал гончар, — скажи мне, моя любимая! Недаром Хафиз сказал: «У розы на уме уловов много и тенет». Мне кажется, иногда в руках тоски ты плавишься воском... Разве неправда? Ты думаешь о своих близких? О своем Руме?

— Нет, пусть успокоится сердце ваше, мой повелитель. Ни о ком я не думаю, потому что я совсем не помню своих близких. И Рум давно мне стал чужим...

Она замолчала. Пристально посмотрела ему в лицо и робко сказала:

— Но если вы не превратите слова мои в свою печаль, то откроюсь...

Надира не выдержала его взгляда и замолчала вновь.

— Говори, я слушаю!.. О чем ты хотела меня просить? — сказал дрогнувшим голосом гончар.

— Я тоскую о том, что мне не суждено увидеть.

— Чего не суждено увидеть? — повторил Юсуф, удивленный.

— Когда я держу на ладони мускус из Хотана, я думаю о стране Чин, в которой я никогда не бываю... Мне никогда не прикоснуться к священному камню Каабы... Я всегда мечтала о путешествиях, но об этом и говорить не смею! Я готова была клясть всевышнего за то, что он вывел меня в мир женщиной! Но и этого боюсь, боюсь, что он обрушит на меня свой карающий меч, ведь даже за мысли подобные я заслуживаю наказания! Меня воспитали как мусульманку, но мне никогда не попасть в мечеть. И когда я стою возле мечети, я думаю, что скажу Ризвану, который стоит у ворот рая (когда аллаху будет угодно призвать меня к себе, хотя, быть может, я для него буду всего лишь презренной кафийкой), да, так вот я скажу Ризвану, что аллах жесток и несправедлив...

— Замолчи, женщина! — величественно выпрямился над ней Юсуф. — Замолчи, ибо аллах накажет тебя, а заодно и меня, потому что я позволил тебе распустить язык и слушал твои богохульствования. Я боюсь, что и теперь мне не вымолить у него прощения за то, что я здесь слышал, и аллах пошлет моему дому то, что ты на него навлекаешь своим языком!

Он застыл над ней злой, с покрасневшим лицом. Надира некоторое время молча смотрела на гончара, потом вдруг засмеялась, подбежала к нему как ни в чем не бывало.

— Не обращайтесь внимания на болтовню глупой женщины! — говорила она, невинно туля взор. — Слова женщины — ветер! Фу, и нет ничего... Посмотрите на кумган, как новенький! Скоро намаз — сейчас я принесу вам воды, чтобы вы помыли руки! Ох, заговорила я, чай нужно поставить!..

Слова сыпались из нее, как переспевшие яблоки в сильный ветер. Смутное предчувствие надвигающейся беды наполнило гончара, но Надира скользила вокруг него, старалась изгнать из его души малейший намек на прошедший разговор. Шутки и остроты так и сыпались из нее, и вскоре Юсуф почувствовал, что не в силах сердиться на жену, улыбнулся и совсем забыл о том, что она говорила.

Ночью он опять сидел перед гончарным кругом. В очаге шипели попавшие под дождь дрова. За окном стрекотала цикада. Три звезды Аль-л'афр, которые почему-то называли — Покрывало девушек, подмигивали Юсуфу, говорили о краткости человеческой жизни, о смерти, о любви... Время от времени гончар бросал работу, закрывал глаза, подставляя разгоряченное лицо едва ощутимому ветерку. Думая о жизни и смерти, он вспоминал рассказы о великом Искандере, который, умирая, недаром приказал положить себя так, чтобы всякому была видна его пустая

рука. Каким бы ни был великим и богатым человек — ничто не суждено ему забрать с собой. И только его деяния останутся в памяти последующих поколений. Вот и Искандер приказал выставить свою руку так, чтобы все видели, что ничего не смог он взять с собой в путь, уходя из этого мира. Юсуф думал о том, что не будь у него Надиры, один только аллах знает, как сложилась бы его судьба. Наверное, так и прожил бы жизнь, не зная настоящей радости и любви — значит, не богатство, не власть дают ощущение счастья — правду говорят поэты...

Порой Юсуф вдруг вставал, выходил во двор, смотрел на небо, возвращался, осторожно подходил к жене и в свете слабого огня лучины пытался рассмотреть лицо жены. Она спала безмятежно, распластав на постели руки, и сладко причмокивала во сне, как ребенок. Потом он долго еще лежал рядом, боясь разбудить ее, прислушивался к ровному дыханию. Заснул Юсуф перед самым рассветом, поэтому и проспал утреннюю молитву. Разбудил его сосед, почтенный Закир-ака, который вбежал во двор так стремительно, словно за ним кто-то гнался.

— О аллах! О аллах! Какие времена! Юсуф, проснись! — кричал он, бегая по двору. — Грехи наши ввергают нас в пучину бедствий, и собственные глаза наши принуждены видеть, как потомки нечестивых...

Юсуф непонимающе смотрел на соседа. Закир-ака задыхался от волнения. Большой рыхлый нос его покраснел. Быстро сняв с пояса большой платок, он вытер им потное лицо и, искоса поглядывая на двери дома, стал рассказывать:

— Аллах милосердный! Неслыханное творится, женщина посмела войти в мечеть!.. Женщина с открытым лицом! Глаза наши ослепли... Если бы мы не заметили... Если бы не серьги, о которых она, видимо,

забыла и не сняла их... Если бы не косы, которые вывалились из-под чалмы..

— Кто? Кто это был?..

Юсуф побледнел, оглянулся на двери дома.

— Надира! На-а-ди-и-ра! — закричал он вдруг, До него стало доходить, что исчезновение жены и случай, о котором рассказывает Закир-ака...

— Осквернила... святое мес...

Слова застряли в горле Закира-ака. Он тоже понял что-то и со страхом взглянул на двери дома. На крик гончара никто не отозвался.

— Где?

Глаза Юсуфа, глаза безумного человека, невидяще уставились на соседа.

— Где она? — повторил он шепотом.

— Там, у мечети... на площади... — тоже шепотом ответил Закир-ака.

Юсуф шагнул к калитке, но ноги отказались служить ему, и он бессильно опустился на землю. Теплый красный туман поплыл перед глазами, и в тумане видел он разгоряченное лицо Надиры. Перед мысленным взором его сейчас прошла картина, которая произошла в мечети, а потом на площади. Вот она — растерянная, маленькая, в окружении озверевших мужчин. Ее бьют... бьют... бьют все!.. Вот кто-то намотал косы на руку и потащил бесчувственное тело на площадь и бросил посередине... Надира... ее не узнать... Она еще пытается подняться, но тут в нее полетели камни...

Камни! Как много вокруг камней!..

СОДЕРЖАНИЕ

Клятва. <i>Повесть</i>	5
Под ногами нашими.	260
Триптих.	276

ИСФАНДИЯР (МАТКАРИМОВ)

КЛЯТВА

Повесть и рассказы

Редактор А. Липкина
Художник Вл. Цеслер
Художественный редактор А. Пonomarev
Технический редактор Э. Саидов
Корректор Л. Лебедева

ИБ 2151

Едано в набор 20.10.82. Подписано в печать 06.05.83. Р 01174. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Школьная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 13,30. Усл. кр. оттиск. 13,65. Уч.-изд. л. 13,86. Тираж 60 000. Заказ №1591 Цена 90 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 700129,
Ташкент, ул. Навои, 30.

Полиграфкомбинат Ташкентского полиграфического производственного объединения «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, ул. Навои, 30.

Типография издательства «Таврида» Крымского ОК Компартии Украины,
г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.

ИСФАНДИЯР (ИСПАНДЪЕР МАТКАРИМОВ) родился в г. Маргилане. Окончил в Фергане пединститут и музыкальное училище. В эти же годы начал писать рассказы, очерки. Поступил в литературный институт им. А. М. Горького в Москве, окончил в 1978 году. Потом Высшие сценарные курсы при Госкино СССР. Автор книг «Знойная пора» — 1978 г., «Ласточки Сослана» — 1981 г., «Разбудите меня с рассветом» — 1982 г. В театрах республики и за ее пределами поставлены пьесы Исфадияра «Дочь своего отца», «Я хочу умереть», «В степи звезды ярче». Автор ряда сценариев документальных и художественных фильмов.

Член Союза писателей и Союза кинематографистов СССР.

